

Ольга Лебедева

По прозвищу

ДОСА

Меня зовут Эфа и я являюсь улучшенной копией себя прежней — жалкой неудачницы, которой не нашлось места среди людей. За право жить я заплатила дорогой ценой, а теперь мне заплатят те, кто хотел меня этой жизни лишить.

- [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ГЛАВА 18](#)
  - [ГЛАВА 19](#)
  - [ГЛАВА 20](#)
  - [ГЛАВА 21](#)
  - [ГЛАВА 22](#)
  - [ГЛАВА 23](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

— Ты выросла.

В голосе мастера Дагги слышалось осуждение, а весь его вид выражал недовольство.

Ну да, выросла, а чего он ожидал? Невозможно в двадцать лет выглядеть, как двенадцатилетняя девчонка, какой он видел меня в последний раз, если конечно ты здорова и не имеешь генетических отклонений. Слава Всемилостивой, со здоровьем у меня всё в порядке, да и гены не подвели.

Или его огорчает сам факт моего существования?

— Да неужели? — мои губы растянулись в саркастической усмешке. — А я и не догадывалась об этом. Благодарю за то, что открыли мне глаза.

Мастер нервно забарабанил пальцами по столу. Всегда ненавидела эту его привычку. Старик это знал, но ему было плевать. Как было плевать на всё, что не входило в круг его интересов. Восемь лет назад я выпала из этого круга, вернее меня оттуда вышвырнули, как ненужный хлам. Я оказалась слишком слабой и не прошла уготованные мне испытания. Моё неокрепшее сознание упорно не желало расставаться с остатками человечности, заменой которой должны были стать беспринципность и холодный расчёт.

Тогда все сочли меня отработанным материалом и списали со счетов, но я выжила и стала намного сильнее, чем была. Чего мне это стоило, знаю только я. Из тех, кто мог поделиться с миром историей моего восхождения, не выжил никто.

— Эфа — занятное имя, — сказал вдруг мастер, с холодным прищуром оглядывая меня с ног до головы, и констатировал сухо: — Тебе идёт.

Ещё бы не шло, ведь это имя отражает мою истинную суть. Я научилась быть беспощадной к врагам и перестала доверять людям, за исключением тех, кого считаю своей семьёй. На любой выпад в мою сторону я отвечаю ударом, иначе нельзя. Мир бывает жесток к тем, кто безропотно сносит обиды и возносит к вершине того, кто умеет постоять за себя.

— Ближе к делу, — поторопила я старика.

С некоторых пор длинные разговоры по душам стали действовать мне на нервы.

— Вижу, ты всё ещё злишься, — не внял моей просьбе мастер.

Он что, пытается вывести меня из себя? Право слово, смешно. Я прекрасно владею собой. Когда в твоём арсенале наличествует смертельно опасное оружие, поневоле научишься быть сдержанной.

— Думайте, что угодно, а я, пожалуй, пойду. Моё время стоит слишком дорого, чтобы тратить его на пустые разговоры.

Развернувшись на каблуках, я направилась к двери. Легко уклонилась от посланной мне в спину стрелы. Та воткнулась в косяк передо мной. Ещё бы чуть-чуть и угодила бы в шею.

— Забавляетесь? — прошипела я зло, в одно мгновение оказываясь у мастера за спиной. Злость на недоумка спровоцировала частичную трансформацию. Вдоль роста волос проступила полоска чешуи, клыки наполнились ядом. Один укус и старику конец, а ведь я не собиралась его убивать.

— Двести тысяч кредитов, — выдавил из себя мастер Дагги за миг до предполагаемой смерти, и эти слова спасли ему жизнь. За такие деньги я готова слушать его часами.

— Кого нужно убить? — я тут же перешла на деловой тон и, перемахнув через стол, уселась в кресло напротив.

— Кровожадная ты стала, — поморщился мастер, потирая шею ладонью. И добавил, как будто сожалел: — Раньше такой не была.

Ну да, не рассчитала немного, на его коже теперь останутся следы от моих пальчиков. А нечего было меня злить. Случись подобное два года назад, когда моя выдержка временами сбоила, осталась бы я без выгодного контракта. Просто не с кем было бы его заключать.

Насколько я помню, раньше мастер Дагги не был таким болтливый. Как утверждает одна моя знакомая ведьма: мудрость с годами приходит не ко всем, отдельных личностей вместо неё навещает маразм. По-видимому, это именно тот случай. Но деньги мне нужны, а, значит, придётся набраться терпения и дожидаться, когда этому старому маразматнику надоест болтать и он наконец перейдёт к делу.

— Итак, — оставила я без внимания слова старика и постучала пальчиками по столу, чем вызвала волну раздражения со стороны потенциального нанимателя.

Не нравится, значит. Я мысленно усмехнулась и выдала костяшками пальцев замысловатую дробь.

— Прекрати, — не выдержал мастер Дагги.

Хотя, какой он мастер после столь явного проявления эмоций?

Точно стареет и теряет хватку. Помнится, нас, своих учеников, за подобную несдержанность он бил по рукам стеклом. Ни малейшего вреда организму, зато больно и обидно до слёз. Ах да, за слёзы нам тоже прилетало, но уже по спине. В общем, держали нас в строгости и гоняли с рассвета до заката. Начинался день с полосы препятствий, ею же и заканчивался. А в промежутках мы изучали точные науки, естествознание, историю, географию и немного этикет — мало ли, пригодится.

Я продержалась пять лет, в начале шестого завалила всё, что только можно было завалить, потому что не хотела становиться убийцей. И вот ведь ирония судьбы, я стала одним из самых высокооплачиваемых наёмных убийц в нашем королевстве. Разница лишь в том, что своих жертв я выбирала сама. В своё оправдание могу сказать, что все они были редкостными мерзавцами. Мир без них определённо стал лучше.

— Убивать никого не нужно, — скрипучим голосом оповестил меня мастер, — на этот раз мне нужен проводник по пескам Заэрхана.

От такой новости я потеряла дар речи и несколько секунд беззвучно открывала и закрывала рот в безуспешной попытке послать старика подальше. Да вот хотя бы в те самые пески, на потеху обитающим там духам.

— Двести тысяч кредитов, — произнёс этот гад, чётко проговаривая слова, а в подтверждение сказанного достал из верхнего ящика стола две золотые пластины, номиналом в сто тысяч каждая. И голосом змея-искусителя сказал: — Одну получишь сейчас, а вторую после завершения задания.

Ко мне, наконец, вернулось самообладание, а с ним и способность трезво мыслить.

— Мы напрасно теряем время, — заявила я твёрдо. — Стопроцентная предоплата при подписании контракта и я в деле. В противном случае, ищите себе другого проводника.

— Идёт, — подозрительно быстро согласился мастер, подсовывая мне бланк контракта на подпись.

Его готовность пойти на уступки настораживала. И я решила повнимательнее вчитаться в контракт, изучить его вплоть до мельчайшей закорючки. А то знаю я этих умельцев — гильдийских стряпчих. С их лёгкой руки одна малюсенькая запятая способна кардинально изменить условия сделки. И вот уже не гильдия должна выплатить тебе гонорар за

великолепно проделанную работу, а ты являешься её пожизненным должником.

Итак, что мы имеем? Одну принцессу, десяток фрейлин и пятьдесят человек сопровождения.

Я осуждающе посмотрела на мастера. Ему ли не знать, что пески Заэрхана проглотят их всех и не подавятся?

Представив у себя на хвосте «весёлую» компанию, состоящую из истеричных барышень и тупых вояк, я недовольно поморщилась.

Как говорится — было бы смешно, если бы не было так грустно.

Впрочем, со стопроцентной предоплатой мне не о чем беспокоиться. Но уточнить всё же стоило и потому я спросила:

— Дойти должны все, или для выполнения контракта достаточно сохранить жизнь одной принцессе?

Мастер Дагги поперхнулся воздухом и закашлялся. Перегнувшись через стол, я услужливо похлопала его по спине, вложив в удар чуть больше силы, чем следовало, зато помогло практически сразу.

— Принцесса должна прибыть в Эйкерон за неделю до Праздника Плодородия, — сиплым голосом выдавил из себя мастер, когда откашлялся и смог говорить. — Её брак с принцем Андосионом — дело решённое. Судьба прочих меня не интересует, они лишь сопровождение, отказаться от которого нет никакой возможности.

За что я уважала мастера Дагги, так это за его умение просчитывать всё наперёд. И в этот раз интуиция его не подвела. Я действительно хотела отказаться от толпы захребетников, способных принести больше вреда, чем пользы, а он дал мне понять, что не выйдет.

— Да не нервничайте вы так, — я была само благодущие, так как никаких подводных камней в контракте не обнаружилось, он оказался прозрачен, как слеза ребёнка, — меня всё устраивает. Пусть едут, если это необходимо, но отвечаю я только за принцессу. Остальные пусть заботятся о себе сами.

Схватив со стола золотые пластины, я вывела на контракте витиеватую подпись.

А затем, покончив с формальностями, произвела мысленный расчёт и назвала мастеру дату отъезда. По всему выходило, что на сборы у меня оставалось чуть меньше недели. Этого времени должно было хватить на то, чтобы закончить кое-какие дела и собрать в дорогу всё необходимое.

— Я должен получить одобрение монарха, — попытался осадить меня мастер. — У него может быть своё мнение на этот счёт.

— День отъезда не обсуждается, так и передайте Его Величеству, — нагло заявила я, в душе посмеиваясь над мастером, которому предстоял непростой разговор с нашим правителем. Кое-кому придётся сильно постараться, чтобы не вызвать недовольство короля и суметь настоять на своём.

Кабинет «великого и ужасного» я покидала с лёгким сердцем. Все мои переживания оказались напрасны. От прошлой обиды не осталось и следа. Наверное, перегорело.

Думаю, мастер Дагги не раз задавался вопросом, почему я не стала ему мстить за то жестокое равнодушие, с которым он выставил меня на улицу восемь лет назад. При всём желании, наивным этого человека не назовёшь, и потому он вряд ли верил в собственную неуязвимость. При желании достать можно любого, даже короля.

Если бы мастер Дагги лично об этом меня спросил, я бы гордо ему ответила, что не

считаю его достойным мести. И это было бы ложью, потому что на самом деле я ему уже отомстила тем, что выжила.

А ещё у меня было время подумать и прийти к определённым выводам. В сущности, только благодаря мастеру я жива до сих пор. Он подобрал меня на улице в возрасте семи лет — голодную и оборванную девчонку, не слишком удачливую воровку, утратившую даже призрак надежды на долгую и сытую жизнь.

Следующие пять лет превратились для меня в непрекращающуюся пытку. Я не единожды проклинала день и час, когда повстречала на своём пути человека с холодными глазами, назвавшегося мастером Дагги. И всё же, став взрослой, я не могла не признать, что полученные в те годы знания и умения не раз спасали мне жизнь.

Я не испытывала к мастеру благодарности тогда, но испытываю её сейчас. Только ему об этом знать не обязательно. Пусть живёт и мучается осознанием того, что я стала его единственной ошибкой, которую он не в силах исправить.

* * *

Стены гильдии наёмников я покидала с улыбкой на губах.

Грубые типы, заступившие мне дорогу, радостно оскалились.

— Эфа, ты ли это, крошка? Давно тебя не видели. Где пропадала?

— Были дела, — уклонилась я от ответа, но протянутые мне лапищи пожала с большой охотой. Этих двухметровых парней с накачанной мускулатурой я знала давно. Мы не раз выручали друг друга из переделок. Руди и Шарк были неплохими ребятами, слегка туповатыми, но сильными и надёжными. Последнее из перечисленных качеств встречалось довольно редко, а потому было особенно ценным. Если требовалось собрать команду наёмников, имена этих парней назывались одними из первых. Так что Руди и Шарк не бедствовали и всегда выглядели довольными, хоть и слегка побитыми жизнью.

— Ты куда сейчас направляешься? — спросил Шарк, разглядывая меня с хитроватым прищуром. А я уже знала, что последует дальше: приглашение в кабак, халявная выпивка, разговоры за жизнь, а после уговоры показать им дорогу к Змеиному храму, а лучше провести до его дверей, чтоб уж наверняка.

В общем, всё как всегда. Я вздохнула — ничего нового. И дался им этот Змеиный храм. Сотни раз говорила, что глупо так рисковать, что пройти ритуал им не светит. Но всё без толку.

Зла парням я не желала, а потому на все их просьбы отвечала неизменным отказом. Однако это не мешало мне получать удовольствие от хорошей компании за обедом. К тому же, только что мне в голову пришла, не побоюсь этого слова, гениальная мысль. Я решила предложить Шарку и Руди снова поработать в команде, так как осознавала, что одной мне не справиться.

Принцессу то я без сомнения доставлю, куда надо, в целости и сохранности, а вот с остальными могут возникнуть проблемы. Бросать их на произвол судьбы я не собиралась, хоть и уверяла мастера в обратном. Сказать можно всё, что угодно, но зачем брать грех на душу, если этого можно избежать?

— А не пойти ли нам к лысому Эду? — спросила я с самым невинным видом, перехватывая инициативу у парней.

Старые знакомые на мгновенье замерли. Обычно эту фразу произносил Руди. Не мудрено растеряться, когда всё идёт не по плану.

— Ну так что? — поторопила я наёмников, когда пауза чересчур затянулась.

— Отчего же не пойти? — опомнился наконец Руди. — Там и поговорим.

— Ага, только на этот раз говорить буду я, — вновь озадачила я парней и первой зашагала в сторону таверны, что находилась в паре кварталов от здания гильдии наёмников.

В таверне «У Эда» как всегда было многолюдно. Это заведение пользовалось популярностью у наёмников. Хозяин и сам когда-то принадлежал к их числу, пока не скопил достаточно денег на открытие собственного дела, о котором давно мечтал. Его жена управлялась на кухне, а сам он стоял за стойкой в зале, разливая напитки. Блюда, приготовленные Мартой, не отличались разнообразием, но были вкусными и сытными. Две подавальщицы шустро передвигались по залу, разнося заказы и флиртуя с посетителями, за что получали дополнительные чаевые.

Роскошью тут и не пахло, зато было чисто, а главное тихо. Можно было спокойно поговорить. Всякие сомнительные личности: воры, пьяницы и дебоширы, обходили это место стороной. Эд обладал крутым нравом и мог запросто покалечить нарушителя спокойствия. Так что драки тут не случались уже давно, а кражи тем более.

Свободный столик в углу мы заприметили ещё от входа, к нему и направились, махнув по дороге Эду в знак приветствия.

Кареглазая Лайза подскочила к нам почти сразу. Она давно вздыхала по Шарку и сейчас не упустила возможности вновь привлечь его внимание к своей пышной груди. Я посмотрела на неё с жалостью, точно зная, что всё старания девушки напрасны. Сердце Шарка давно не свободно. Вот и ещё одна причина, по которой он не откажется от моего предложения. Дело в том, что папаша его возлюбленной запросил за дочку немалый выкуп, а наёмники никогда не умели копить деньги. По сути дела, моё предложение — его единственный шанс получить нужную сумму сразу и целиком.

— Предлагаю вам заработать, но предупреждаю сразу — дело это непростое и довольно рискованное, — заявила я, с ходу решив взять быка за рога.

Когда речь шла о деле, парни утрачивали всякую расслабленность и начинали соображать на удивление быстро.

— Сколько? — деловито осведомился Шарк, приглаживая широкой ладонью ежик тёмных волос.

Я и не сомневалась, что этот здоровяк начнёт именно с денег.

— Что нужно делать? — в свою очередь задал вопрос Руди.

Что же, и это ожидаемо. Из них двоих он всегда был более осмотрительным. Не трусом и не перестраховщиком, а именно осмотрительным, что не раз помогало ему избежать крупных неприятностей.

— Пятьдесят тысяч на брата за прогулку по пескам.

Дальше можно было не объяснять. И Шарк, и Руди знали о чём идёт речь. И всё же брови обоих удивлённо взметнулись вверх. Переход через пески считался делом опасным и всегда хорошо оплачивался. Удивление наёмников объяснялось просто — названная мной сумма превышала обычную ставку в десять раз.

— Ты не шутишь?

— Я не ослышался?

Парни задали вопросы одновременно и уставились на меня с напряжённым ожиданием.

Ещё бы они не удивились, я и сама была сражена наповал, когда услышала сумму контракта.

Достав из кармана одну золотую пластину, я положила её перед собой и провела по блестящей поверхности пальцем.

— Это вы поделите между собой, если согласитесь принять участие в переходе, — объявила после того, как насладились моментом.

— Деньги сразу, — заявил Руди вмиг осипшим голосом.

А Шарка волновало другое:

— Когда надо выезжать? — спросил он с плохо скрываемой надеждой в голосе.

Ага, значит, уже подсчитывает, успеет ли выкупить возлюбленную до отъезда.

Щелчком пальцев я отправила пластину на середину стола и сказала:

— После обеда идем к стряпчему, заключать договора. Выезжаем через неделю. И да, Шарк, прими мои поздравления.

Широкая ладонь Руди мгновенно накрыла золотой прямоугольник, пряча его от посторонних взглядов. Напрасно он переживал, за их могучими спинами никто бы ничего не заметил.

— Договорились, — выдохнули парни одновременно.

— Обстоятельства дела расскажу позже, а сейчас неплохо бы пообедать, — поставила я точку в переговорах.

Лайза была уже в двух шагах от нас, и от подноса с едой, который она держала в руках, умопомрачительно пахло жареным мясом.

После совместной трапезы мы с парнями, как и собирались, посетили стряпчего, а потом разошлись по своим делам, договорившись встретиться в таверне у Эда за день до отъезда.

Собственным домом я так и не обзавелась. Деньги имелись, а вот времени всегда было в обрез. Не успевала выполнить один заказ, как тут же бралась за другой. И потому я снимала комнату у одной благообразной старушки.

Виделись мы с ней редко, и каждый раз мне приходилось напоминать этой почтенной особе, что я являюсь её постоялицей. Это говорило о том, что с долговременной памятью у старушки были большие проблемы. Но вот что странно: требовать плату точно в назначенный срок она не забывала никогда.

Так случилось и в этот раз. Едва я успела переступить порог своей комнаты, расположенной на втором этаже, как в дверь постучали.

— Эфочка, милая, — послышался снаружи старческий голос, — ты дома?

Ну надо же, в день оплаты она даже имя моё умудрялась вспоминать, правда потом благополучно забывала его до следующего раза.

Отсчитав положенную сумму, я распахнула дверь и протянула хозяйке деньги. Скрюченными артритом пальцами она с неожиданной ловкостью пересчитала монеты и спрятала их в карман. Потом посмотрела на меня чистым незамутнённым взглядом и неожиданно бодрым голосом произнесла:

— Начиная со следующего месяца, плата за эту комнату удваивается.

Я едва не задохнулась от негодования.

Это неслыханно! Да где она видела такие цены?!

Однако облечь своё возмущение в слова так и не успела. Старушка развернулась и скоренько так потрусилась к лестнице, не дожидаясь, пока ошарашенная неожиданным известием постоялица опомнится и обрушит на неё свой праведный гнев.

К счастью, я вовремя вспомнила, что всё равно намеревалась съезжать и не стала устраивать скандал. Плату я вносила раз в неделю, вот ровно на неделю здесь и задержусь, а потом поминай, как звали. Вещей у меня немного, что не возьму с собой, перевезу в свой дом, который, теперь уже точно, куплю до отъезда.

Идея с домом возникла у меня внезапно. Мои напарники, получив кучу наличности, решили сразу вложиться, а я чем хуже? Шарк купил себе жену, Руди выделил деньги на приданое сестре, тем самым купив ей мужа, ну а я оказалась умнее всех, ведь недвижимость — это лучшее вложение капитала, разумеется после золота и драгоценных камней.

Оставалось решить, в каком районе начать присматривать себе дом. Городские окраины я отмела сразу. С преступными элементами мне и без того приходится часто сталкиваться по работе. В свободное от выполнения заказов время хотелось смены обстановки и окружения. Пусть у меня в соседях будут добропорядочные горожане, скажем, торговцы или стряпчие.

Подумав ещё немного, я назвала эти две категории граждан условно добропорядочными, всё же кое-какие грешки водились и за ними. А во всём остальном район, где я решила поселиться, меня полностью устраивал: тихое спокойное местечко, крепкие каменные дома, ухоженные дворики и чистые улицы.

Жильё здесь продавалось не часто, но мне повезло, чего не скажешь о бывшем владельце двухэтажного кирпичного особняка, расположенного рядом с парком. Впрочем, довольно внушительная сумма денег, вырученная им за продажу дома, наверняка поможет бедняге удержаться на плаву.

Торговаться я не стала, дала столько, сколько запросили. Переплатила, конечно, изрядно, но нисколько об этом не жалела. А всё потому, что это была любовь с первого взгляда.

О таком доме я могла бы мечтать, если бы имела склонность к этому бесполезному времяпрепровождению. Главное, мы встретились — мой дом и я. Мы нашли друг друга и теперь не расстанемся никогда. Я буду любить его, заботиться о нём, а также оберегать не только от посягательства всяких криминальных личностей, но и от разрушительного действия времени. А значит, пришла пора наведаться к лучшему артефактору города.

* * *

Господин Гишо жил неподалёку, всего в паре кварталов от моего нового места обитания.

Ловко лавируя по тротуару между дородными матронами с их малолетними чадами, я широко улыбалась, что немало способствовало моему скорейшему продвижению вперёд. Кажется, местное общество слегка шокировал мой внешний вид. Ну да ничего, привыкнут со временем. Ещё и рады будут такому необычному соседству.

Колокольчик над входной дверью громко тренькнул, извещая хозяина о моём прибытии. Господин Гишо — невысокий полноватый человек с заметной лысиной и густой седой бородой, выглянул из-за занавески, отделяющей лавку от внутренних помещений, и приветливо мне улыбнулся.

— Эфа, заходи. Я почти закончил. Налей-ка пока нам чаю, а лучше сбегай в кондитерскую за пирожными, вместе перекусим. Ты небось тоже с утра ничего не ела?

Ела ли я сегодня утром? Хм, что-то не припомню. Вот вчера пообедала довольно плотно, это точно. Про ужин, скорее всего, и не вспомнила, а как проснулась, так и рванула по делам.

Желудок сжался в тугий комок от обиды, но промолчал.

«Ничего, дружок, сейчас устрою тебе пир духа», — подбодрила я его.

У нас с господином Гишо была одна страсть на двоих — пирожные госпожи Стоун. Правда, мне не часто выпадала возможность полакомиться сладеньким, зато артефактор баловал себя постоянно, что негативно сказывалось на его фигуре. Округлый животик заметно оттягивал мантию спереди, намекая на склонность его обладателя к перееданию и малоподвижному образу жизни.

— Я быстро, — крикнула я мастеру, разворачиваясь на каблуках и со всего маху впечатываясь в грудь высокого господина, неожиданно возникшего на пороге лавки.

— Полегче, парень, не зашибись, — хохотнул двухметровый детина, подхватывая меня за шкуру, как котёнка.

Я ловко вывернулась из его захвата, юркой змейкой проскользнула в узкую щель между шкафообразным молодчиком и дверным косяком и понеслась прочь. Оглядываться не стала. Пусть и дальше думает, что я парень, коли сразу не разглядел, с кем имеет дело.

— Шустрый у тебя помощник, Гишо, — донеслось мне вслед.

Что там ответил артефактор, я уже не слышала, да меня это и не волновало. Мастер не отличался излишней болтливостью. Разве что, когда пропустит рюмочку-другую наливочки, может начать пространно рассуждать о своём любимом ремесле, но и только. Знакомых, а

тем паче клиентов мастер никогда и ни с кем не обсуждал, соблюдая профессиональную этику.

У витрины с пирожными я проторчала довольно долго. Хотелось всего и сразу. В конце концов, ограничивать себя в выборе не стала. Туго набитый монетами кошелек приятно оттягивал карман, а впереди меня ожидал нелёгкий путь и целый месяц на сушёном мясе и сухарях.

Госпожа Стоун добродушно усмехалась, упаковывая в большую картонную коробку мой заказ. А я не могла отвести взгляд от кремовых розочек, воздушного беже и пышного бисквита. Некоторые посетительницы, большей частью молоденькие девушки, поглядывали на меня с плохо скрываемой завистью. Не все из них могли позволить себе такое количество сладостей. И дело было не только в цене. Чистая здоровая кожа, как и тонкая талия требуют жертв в виде диет и ограничений.

Обратная дорога заняла у меня чуть больше времени, потому что я старалась двигаться предельно осторожно. И всё равно пришла слишком рано. Посетитель всё ещё оставался в лавке и, по всей видимости, уходить не собирался. Он вальяжно развалился в кресле, расположенном возле небольшого столика для чаепитий. Второе кресло занимал господин Гишо. Больше сидячих мест в помещении не было.

Я вцепилась в коробку покрепче, всем своим видом давая понять, что не собираюсь делиться её содержимым. Хотя я и взяла сладостей с избытком, но на такого проглоты, как этот неизвестный мне господин, точно не рассчитывала. Да ему все мои пирожные на один зуб. И вообще, сладкое есть вредно.

— Не парень, значит, — изрёк посетитель глубокомысленно, окидывая меня пристальным взглядом с ног до головы.

Я пожалала плечами, не желая комментировать очевидное. Вместо этого, прошла к конторке, водрузила на столешницу коробку с пирожными и извлекла из неё то самое, с большой кремовой розочкой посередине. Всю дорогу только о нём и мечтала. Ммм... До чего же вкусно. И даже завистливые взгляды обоих мужчин нисколько не испортили мне аппетита.

Первым не выдержал артефактор, заявив:

— Думаю, мы с вами закончили, господин капитан, я учту ваши требования и сделаю всё в точности, как вы заказывали.

Господин Гишо старательно выпроваживал посетителя, но тот упорно не желал убраться прочь.

— У меня остались ещё кое-какие вопросы, мастер. И я хотел бы получить на них ответы прямо сейчас, — упорствовал заказчик.

— В таком случае, пройдёте в мой кабинет, — обречённо вздохнув, мастер поднялся и вышел, уводя клиента с собой.

Я хмыкнула и перебралась за стол. Расположилась с удобством в мягком кресле и продолжила поедать пирожные. А потом меня вдруг осенило — мастер называл незнакомца капитаном. Неужели этот тип и есть капитан королевской стражи? Так вот значит, кого принцессе назначили в провожатые. А он недурён собой. Высокий и статный, с правильными чертами лица. Меня поднял в воздух, словно пушинку. И глаза такие красивые, карие с золотым ободком. Я бы на месте нашего правителя поостереглась доверять принцессу этому типу приятной наружности. А ну как влюбится девочка? Потом ведь хлопот не оберёшься. С другой стороны, это будет уже не его забота.

— А теперь мне действительно пора, — вновь послышался голос капитана. Затем появился он сам с серьёзной миной на лице, которая вмиг растаяла, стоило ему увидеть меня. Губы мужчины искривились в насмешливой улыбке. Он сделал два шага в мою сторону и спросил:

— Прогуляешься со мной вечерком, красавица?

Ну что сказать? Неожиданное предложение и наверное оно должно быть лестно для меня. Особенно учитывая мою специфическую внешность. Никогда не считала себя красивой, да и не стремилась стать таковой. В моей профессии излишняя привлекательность могла стать помехой. К тому же, мне приходилось поддерживать образ мальчишки: утягивать грудь и коротко стричь волосы. Неровные светлые пряди в нужный момент помогали скрыть лицо и глаза, являясь естественной маскировкой. И никаких локонов-бантиков, кружев-рюшечек. Всего того, что так любят носить городские модницы. Я раз и навсегда для себя уяснила, что одежда наёмника должна быть удобной и функциональной, а ещё неприметной и обязательно мужской.

Именно так я и была одета сегодня, впрочем, как и всегда. Так что капитан обратился не по адресу. Я не какая-нибудь там вертихвостка. Я — серьёзная девушка с хорошей репутацией, создаваемой годами, разрушить которую можно в один момент. Стоит только появиться на улице с этим красавчиком под ручку, как меня тут же сочтут доступной женщиной.

Я подняла на капитана наивно-печальные глаза и отрицательно покачала головой.

— Сегодня вечером никак не могу, — сожаления в моём голосе было, хоть отбавляй. — Дело в том, что за столь короткий срок я никак не успею обзавестись дуэньей.

— А зачем нам дуэнья? — напрягся мужчина.

— Ну как же? — удивилась я вполне искренне. — Вы же только что заявили о своём намерении начать за мной ухаживать. Я — девушка порядочная и должна позаботиться о своей репутации.

Капитан задумчиво оглядел меня с ног до головы, неприлично долго задержал свой взгляд на моих ногах, затянутых в узкие брюки, и многозначительно хмыкнул.

А я гордо вскинула подбородок. Пусть наряд наёмницы сильно отличается от тех, что носят девушки из хороших семей, но он так же далёк от развратных одеяний жриц любви. Просто удобная одежда, ничего больше. В ней меня действительно легко принять за мальчишку. По крайней мере, так было до тех пор, пока моя фигура не округлилась в определённых местах. Грудь, как не затягивай, всё одно выпирает и притягивает к себе мужские взгляды. Вот и этот уставился, куда не следует. Нет бы в глаза посмотреть. Глядишь, пропала бы охота встречаться.

— Шутки в сторону, — сказала я совершенно другим тоном, весьма далёким от кокетства. — Поговорим о деле.

Улыбка капитана сделалась понимающей, и он прямо спросил:

— Сколько?

Вот же болван озабоченный. У него что в голове других мыслей не осталось?

— Нисколько, — прошипела я в ответ, наконец привлекая внимание капитана к своему лицу. — Мне уже заплатили.

Не знаю, о чём он подумал, наверняка опять вообразил какую-то глупость, потому что в следующую секунду в его правой руке сверкнуло лезвие ножа, а левой он активировал артефакт защиты.

Нервный какой, зато реакция хорошая. Может быть, у него даже будет шанс выжить в пустыне.

Я с невозмутимым видом вновь принялась за пирожные, позволяя капитану рассмотреть меня во всей красе. Собственно говоря, в этом обличье меня даже привлекательной не назовёшь. Помнится, я и сама первое время вздрагивала от испуга, стоило мне увидеть собственное отражение в зеркале: красноватая кожа, ряд перламутровых чешуек вдоль роста волос, заострившиеся скулы, приплюснутый нос и жёлтые глаза с вертикальным зрачком, а ещё раздвоённый язык и острые клыки.

Люди всегда относились к змеям с пугливой настороженностью. Я не являлась исключением. А потому мне пришлось довольно долго привыкать к своему новому облику. К счастью, в отсутствие угрозы и раздражающих факторов моя змеиная сущность никак не проявлялась. Ну разве что самую малость.

— Расслабьтесь, капитан, — махнула я рукой чрезмерно напрягшемуся мужчине, — я не собираюсь на вас нападать, по крайней мере, сейчас. На ближайший месяц мы с вами союзники.

Говорить чётко пока не получалось, мешал раздвоённый язык, но, думаю, мне удалось донести до капитана основную мысль, потому что взгляд его стал серьёзным.

Обратная трансформация всегда давалась мне с трудом. И чем дальше, тем больше времени она занимала. Я страшно боялась, что однажды не смогу вернуть себе человеческий облик, только не знала, как этого избежать. Ответы на этот и многие другие вопросы ждали меня в Змеином храме, но я не собиралась туда возвращаться. По крайней мере, не сейчас, когда в моей жизни наметились существенные изменения. Если кто не понял, я говорю о доме.

Подумать только, теперь у меня есть собственное жильё. И это не убогая каморка в подвале, а самый настоящий дом. Я с готовностью предалась радужным воспоминаниям, но один не в меру навязчивый тип, снова вернул меня к действительности.

— Значит, ты и есть та самая Эфа? — задал вопрос капитан, разглядывая меня с интересом.

Только в его взгляде не было и намёка на симпатию. Он видел во мне проблему, потому что не доверял, не зная, чего ожидать от такой как я.

— Вы невероятно догадливы, капитан, — отметила я, проводя кончиком раздвоённого языка по губам.

Его аж передёрнуло от этого зрелища. Вот и славно, ни к чему, чтобы он видел во мне девушку. Пусть лучше испытывает отвращение. Так будет проще и мне, и ему выполнять свои обязанности.

— Теперь я понимаю, почему глава гильдии так настойчиво рекомендовал твою кандидатуру на роль проводника.

Намекает на мою змеиную сущность? И пусть. На правду не обижаются. Я давно научилась существовать в изменённом теле и даже находила в этом немало преимуществ. Естественно, имелись и кое-какие недостатки. Куда же без них? К примеру, я плохо переносила холод. При значительном понижении температуры, я становилась вялой и сонной, а значит, беззащитной. Но и эта проблема легко решалась. Достаточно было исключить из списка посещений северные регионы или воспользоваться артефактом обогрева.

— Повторюсь, вы очень догадливы, — улыбнулась я снисходительно, с трудом

избавляясь от внешнего проявления змеиной сущности в виде раздвоённого языка. — Но может быть, хватит попусту болтать? У нас не так много времени. Я хочу знать, что вы заказали у артефактора. Сам мастер об этом ни слова не скажет, даже если ему будет известно, что нам предстоит работать в команде.

— За это его и ценят, — пожал плечами капитан.

С этим трудно было не согласиться.

— Итак? — я посмотрела на него выжидающе.

— Всё как обычно, — капитан не стал скрытничать и выложил всё, как на духу: — Боевые артефакты, полный комплект охранок плюс набор бытовушек, всё-таки нам предстоит сопровождать принцессу и её фрейлин, а эти дамы привыкли к комфорту.

— Этого не достаточно, — я покачала головой, понимая, что придётся брать организацию перехода в свои руки. В пути нам понадобятся охранные контуры, для каждой стоянки свой. Значит, не менее двадцати, а также глушилки, отражатели и следилки. Своих людей всем необходимым я обеспечу сама, остальные — ваша забота.

— Мне сказали, что проводник будет один, — нахмурился капитан.

— А у меня не было точных указаний на этот счёт. Оплата произведена. Дальше моя забота. Как выполнять свою часть сделки и сколько людей к этому привлекать, я решаю сама. Главное — результат, остальное не имеет значения.

— Людей? — капитан красноречиво воззрился на ряд чешуек, всё ещё проступающих у кромки моих волос — остаточные явления, которые могут длиться часами.

— Людей, людей, — поспешила я успокоить мужчину, — уж поверьте, такие, как я встречаются не часто.

Мастер Гишо появился в самый разгар нашей беседы и страшно удивился, застав капитана в лавке.

— Разве у вас остались ещё какие-то вопросы ко мне, уважаемый? — спросил он с недоумением. — Мне казалось, мы всё подробно обсудили.

— Как выяснилось, осталось ещё кое-что, — капитан развернулся к мастеру лицом и продолжил: — Эта наёмница дополнит мой заказ, прошу внести стоимость дополнительных артефактов в общий счёт. Она, как проводник лучше меня разбирается в этом вопросе.

Издёвки в его голосе не было, как не было и сомнений в моей компетенции. Всё-таки не напрасно я гордилась своей репутацией. После стольких трудов и испытаний она наконец работает на меня, а не я на неё, как это было в самом начале моего пути.

— Да-да, конечно, будьте спокойны, я всё так и сделаю, — уверил артефактор привередливого заказчика, уже и не чая от него избавиться.

* * *

Наконец мы остались одни и смогли перевести дух.

— Рассказывай, Эфа, куда ты опять вляпалась? — сразу же напустился на меня старик Гишо. — С каких это пор вольные наёмники нанимаются на королевскую службу?

— Деньги не пахнут, мастер, вам ли не знать? — хмыкнула я в ответ.

Гишо иногда подрабатывал тем, что изготавливал артефакты для контрабандистов. И не попался на противозаконной деятельности лишь потому, что соблюдал крайнюю осторожность, действуя через подставных лиц.

— Да знаю я всё, как не знать? — мастер хитро усмехнулся. — И много заплатили? Или король как всегда поспешил?

— На этот раз заинтересованность Его Величества в успешном выполнении контракта перевесила его природную скупость, — напустила тумана я и не удержалась, добавила: — Признаться, я более чем довольна.

— Ну, значит, и мне будет, чем поживиться, — подытожил мастер.

Радостно потирая руки, он направился к чайному столику, а я прошла к конторке и принялась составлять список всего необходимого с подробным описанием характеристик каждого артефакта.

Неделя пролетела так быстро, что я и опомниться не успела. Вроде бы и привыкла собираться в дорогу в считанные дни, но на этот раз привычный порядок нарушало одно немаловажное обстоятельство — я стала владелицей крупной недвижимости. Если бы я знала заранее, сколько сил и времени потребуется на то, чтобы всё устроить как надо, то я...

Впрочем, не стоит себя обманывать, я всё равно ввязалась бы в эту авантюру с покупкой дома.

У меня никогда не было собственного угла, и я толком не знала, что делать с неожиданным приобретением, а потому нуждалась в толковом советчике. Но и тут мне повезло. Старый дворецкий — действительно старый, надменный, да к тому же зануда, каких свет не видывал, оказался для меня настоящей находкой. Бывшие хозяева больше не нуждались в его услугах, а идти ему было некуда.

Думаю, Сайроса — так звали дворецкого, подкупила моя искренняя радость при виде него — настоящего образчика идеального слуги. Он смиренно простил мне мой внешний вид и некоторую развязность в общении, признавая тот факт, что не всем дано родиться в знатной семье и получить соответствующее воспитание. А я простила ему чрезмерную заносчивость, свойственную людям его профессии. Да что там, мы почти подружились. Так что свой дом я оставляла с лёгким сердцем, в надёжных руках Сайроса, уверенная, что по возвращении меня будет ожидать тёплый приём.

* * *

На дворцовой площади творилось настоящее безумие. Казалось, проводить принцессу явились все жители столицы. Вряд ли она пользовалась в народе столь бешеной популярностью, просто людям по обыкновению захотелось развлечься за чужой счёт.

Моё появление осталось никем незамеченным и это не удивительно. Взоры всех присутствующих были обращены в сторону запряжённых карет. Кто-то толкнул меня в бок, и тут же попытался лишить всей наличности. В такой толпе карманники обычное дело. Ответный удар локтем под дых помог наглецу осознать ошибку.

— Прошу прощения, — сдавленным шёпотом извинился вихрастый парень, — не признал.

Я сделала ему знак, чтобы убирался, и в следующую секунду воришка исчез, как не бывало.

Какое-то время я понаблюдала за приготовлениями к отъезду со стороны и даже прониклась уважением к наглому капитану, которому не иначе как чудом удалось распихать разряженных дамочек по каретам буквально за полчаса. Не уверена, что смогла бы такое повторить.

Которая из девиц была принцессой, выяснить так и не удалось. В принципе, они ничем друг от друга не отличались: кукольные лица, блестящие локоны, пышные платья. Создавалось впечатление, что девушки собирались не в длительную поездку, а на бал. Посмотрим, кто из них первой взмолится о пощаде, когда пески пустыни проникнут под корсет, а беспощадное солнце опалит их нежную кожу.

Охрана распределилась таким образом, что каждая карета оказалась в окружении вооружённых всадников. Завершали процессию повозки с обслугой. О горничных в контракте не упоминалось. Из чего я сделала вывод, что этих бедняжек даже за людей не считают. А ведь основные тяготы пути лягут именно на их плечи. Капитан ехал во главе отряда. Он бросил несколько нетерпеливых взглядов по сторонам, будто разыскивая кого-то в толпе. Не нашёл и был вынужден отдать приказ отправляться. При этом он имел такой вид, что я сочла за лучшее убраться подальше. Всё равно не собиралась присоединиться к ним сразу.

Во-первых, ни к чему демонстрировать себя всему городу — в шуты я не нанималась.

А во-вторых, не хотелось попадать под горячую руку руководителю нашего отряда. Было видно, что нервы у него на пределе.

Вот выедут за ворота, тогда и встретимся. В конце концов, меня нанимали для того, чтобы я провела эту разношёрстную компанию через пески, а об охране в родном королевстве речи не шло. Не в моих правилах нагружать себя лишней работой. В нашем деле ведь как: только дай слабину, и тут же найдутся желающие сесть на шею. Со мной такой номер не пройдёт. Пусть даже не надеются.

Шарк и Руди ждали меня у Южных ворот, как мы и договаривались.

— Как дела, парни? — поприветствовала я своих спутников. Впрочем, можно было и не спрашивать, лица обоих светились довольством.

— Всё здорово, — ответил Шарк за двоих, — и было бы ещё лучше, если бы не надо было никуда ехать.

— Не будь этой поездки, не было бы и того, что делает тебя таким счастливым, — философски заметила я, и парни с этим согласились.

Что и говорить, всем нам деньги пришлось очень кстати, но пришло время их отрабатывать.

Мы отъехали немного вперёд. У ворот всегда было многолюдно, а сегодня так и вовсе не протолкнуться. Минут через двадцать показались наши подопечные. Длинная вереница, состоящая из трёх карет, пяти десятков всадников и двух телег с обслугой выехала из города под гомон и улюлюканье толпы.

Дождаться их приближения мы не стали, поехали себе дальше, лениво обсуждая последние городские сплетни. В личные дела друг друга носы старались не совать, строго соблюдая негласное правило всех наёмников. Если кто-то захочет о себе рассказать, это другое дело, но бесцеремонное вторжение в чужую жизнь у таких как мы считалось недопустимым.

Громкий окрик долетел нам в спину, спустя полчаса неспешной езды. Это капитан соизволил заметить нашу дружную компанию и решил привлечь к себе внимание. Наверняка, он уже давно мечтал на ком-то сорвать свой гнев, а тут, о счастье, под его горячую руку подвернулась та, кого он безуспешно искал всё утро.

— Вы нарушили условия контракта, — гневался статный красавчик, гарцуя на вороном коне. Я даже залюбовалась его уверенной посадкой и гордо вскинутым подбородком. Ноздри породистого носа хищно раздувались, потемневшие вмиг глаза метали молнии, мышцы рук напряглись. Видать, сильно допекли его капризные девицы.

— Ничуть, — улыбнулась я так широко, как только могла. — Действие нашего контракта начнётся ровно в тот момент, как мы пересечём границу Заэрхана, а до той поры, мы вольны поступать, как нам заблагорассудится. Можем даже на время избавить вас от

нашего общества. Собственно говоря, так нам и следует поступить. Должен ведь кто-то разведать обстановку на границе.

С этими словами, мы развернулись и резво рванули вперёд, оставив капитана и его подчинённых глотать клубы пыли, вылетающие из-под копыт наших лошадей.

* * *

— Что ты задумала, Эфа? — спросил у меня Руди, как только мы отъехали подальше.

— У меня в соседнем городишке имеются кое-какие дела, — не стала скрывать я своих намерений. — Ничего серьёзного, так что управлюсь быстро.

— А нам что делать? — осведомился Шарк.

Он всегда туго соображал, но я ценила его за другое, а потому не обращала внимания на некоторую заторможенность друга.

— Можете ехать дальше, — пожала я плечами, — я догоню чуть позже. Дорога тут одна, так что мимо вас не проеду.

— Нужна наша помощь? — напрямую осведомился Руди.

Определённо он был куда сообразительнее друга.

Соблазн согласиться был велик, но всё же я отказалась.

— Сама справлюсь, — покачала я головой, смягчая отказ улыбкой.

На этом разговор о делах был окончен, и возобновилась беседа ни о чём. Как показывает практика, это лучшее средство скрасить долгий путь.

* * *

Дархон, на первый взгляд был славным городишкой, да и на второй тоже. Чистенький до отвращения, весь какой-то прилизанный, не город, а картинка. И жители все такие чопорные, важные, не допускающие ни малейшего проявления эмоций на лицах. Даже дети тут были все как один, воспитанные в духе послушания и уважения к старшим.

Такова была лицевая сторона этого местечка. Мне же довелось лицезреть его изнанку, что, впрочем, не сильно меня шокировало, так как от иллюзий я избавилась задолго до этого.

Восемь лет назад судьба столкнула меня с господином Саланом. Я только что лишилась крыши над головой, а потому готова была схватиться за любое предложение, лишь бы не оказаться вновь на улице. Возвращаться к прошлому не хотелось. Тем более, что я многому научилась за эти годы и считала себя выше тех неудачников, что попрошайничают на улицах и подрезают кошельки у зазевавшихся прохожих.

Господин Салан предложил мне одно верное дельце. По его словам, мне и делать то ничего не придётся. Только притвориться его племянником и вместе с ним посетить дом некой госпожи. Он уверял, что им всё продумано до мелочей. Никто не обратит внимания на шатающегося по дому ребёнка, и мне не составит труда проникнуть в хозяйские покои, чтобы вынести оттуда один артефакт.

Артефакт ожидаемо оказался с подвохом. Салан по своей наивности думал, что я добровольно суну голову в петлю, точнее руку в шкатулку с артефактом неизвестной мне силы и назначения. Я же решила действовать в своих интересах и при первых признаках

тревоги дать дёру, прихватив с собой то, что плохо лежит. Поверьте, в богатом доме всегда найдётся, чем поживиться.

Я кралась по коридорам второго этажа, мысленно пересчитывая закрытые двери. Скучное освещение не столько облегчало моё передвижение по дому, сколько увеличивало вероятность быть обнаруженной. Слуги то и дело забредали на господский этаж, чтобы подложить дров в камин, натаскать воду для умывания или просто пообжиматься в одной из тёмных ниш с хорошенькой горничной.

Внизу веселились гости, звуки музыки и шум голосов разносились по всему дому, заглушая звук моих шагов.

Сначала мне везло. Я с лёгкостью добралась до нужной мне двери и заглянула внутрь полутёмной комнаты. Это был кабинет, принадлежащий недавно почившему хозяину особняка. Почему я так решила? Да просто женщина оформила бы эту комнату совсем иначе. Тяжеловесная мебель и мрачные шторы на окнах даже меня вгоняли в депрессию. Что уж говорить о привыкшей к роскоши дамочке. Определённо, это не её стиль.

Шкатулка с артефактом сразу бросалась в глаза. Ошибиться было невозможно. Господин Салан довольно подробно описал, как она выглядит: ничего лишнего — ни причудливых завитков, ни изображений птиц или зверей, лишь строгие линии, тёмное полированное дерево и только на крышке закреплён голубоватый кристалл, исполняющий роль охранки.

Кристалл искрил и переливался всеми оттенками синего. Это было очень красиво и наверняка смертельно для всех, кроме его владельца. Однако у меня на этот случай был запасён артефакт с аурой хозяина дома. Даже думать не хочу, как Салану удалось его достать, ведь снять отпечаток ауры с человека не так просто.

Нужно как минимум получить его согласие на подобную процедуру. Существовали умельцы, снимающие отпечаток ауры с бессознательного тела, но после этого носителя как правило не оставляли в живых. Учитывая все известные мне обстоятельства, я рискнула предположить, что хозяина дома постигла именно эта участь.

Признаюсь честно, в тот раз меня подвело любопытство. Не стоило заходить в ту комнату, не стоило открывать шкатулку с артефактом. Следовало придерживаться первоначального плана и смыться из этого дома с тем, что первым попадётся под руку. Да вот хотя бы с теми серебряными подсвечниками, расставленными в коридоре у каждой двери. Мне хватило бы двух, чтобы продержаться на плаву целый месяц.

К несчастью, я была молодой и глупой, а ещё слишком самоуверенной и как следствие — невнимательной, потому и попала в ту простенькую ловушку, что была расставлена специально для меня. Будь я более искушённой в таких делах, непременно насторожилась бы и заметила тонкую сигнальную нить, протянутую у самого пола в метре от стола, на котором находилась шкатулка.

Они появились не сразу. Дождались еле слышного щелчка, с которым открылась крышка и только после этого дверь за моей спиной бесшумно отворилась. Присутствие посторонних личностей выдало колебание свечи. Она хоть и была магической, но довольно реалистично подражала своему прототипу из воска.

Я медленно обернулась. Суетиться или спастись бегством не имело смысла. Единственный выход из комнаты оказался заблокирован двумя рослыми мужиками, за спинами которых маячили тени хозяйки дома и моего нанимателя.

— Не стоило торопиться, — проворчал господин Салан, обращаясь к женщине средних

лет, облачённой в красивое платье. — Она не успела вынуть артефакт из шкатулки.

— Так прикажите ей сделать это, — капризным тоном потребовала стареющая красавица, нервно передёрнув обнажёнными плечами.

— Она мне не подчинится, — равнодушно ответил Салан.

— Тогда я вам не заплачу, — последовала угроза, от которой Салан отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Не стоит совершать ошибок, миледи, о которых в последствии придётся пожалеть.

Угроза из уст Салана прозвучала куда более убедительно, и женщина сменила тактику. Она заломила руки, тихонько всхлипнула и слёзно взмолилась:

— Ах, дорогой мой, простите мне мою глупость. Я просто не знаю, что делать. Покойный супруг оставил меня ни с чем. Стоит его сыну появиться на пороге этого дома и он вышвырнет меня на улицу, тогда мне точно нечем будет вам заплатить. Этот артефакт — моя последняя надежда. Клянусь, я отдам вам ровно половину содержимого сейфа, только помогите мне активировать ключ.

Салан немного подумал и согласился.

— Девочка, возьми артефакт в руки, — обратился ко мне негодяй то ли с просьбой, то ли с приказом, сразу и не поймёшь.

Мне было страшно до жути от понимания того, что живой из этой переделки мне не выбраться. Буду я сотрудничать или нет, исход для меня один — смерть от руки одного из громил, буравящих меня равнодушными взглядами наёмных убийц.

Решив потянуть время, я принялась торговаться:

— Если я возьму артефакт, мне позволено будет уйти?

— Нет, милая, — сочувственно покачал головой Салан, — мне жаль, но для тебя это путь в один конец.

— Тогда я отказываюсь делать это, — выкрикнула я, срываясь на визг.

— Откажешься, и твоя смерть будет долгой, — уведомил меня господин Салан.

Его взгляд не сулил ничего хорошего. Наёмники, видя моё отчаянье, слаженно ухмыльнулись.

«До чего же мерзкие рожи», — подумала я и взяла артефакт.

Я ожидала чего угодно: немедленной смерти, мучительных судорог во всём теле, да хотя бы того, что моя рука немедленно отсохнет от соприкосновения с чужим артефактом. Однако, ничего из перечисленного не произошло. Я продолжала удерживать в руках неправильной формы голубоватый камень, а он никак не реагировал на мои прикосновения к нему, притворяясь простой безделушкой.

— Вот видите, дорогая, мои предположения оказались верны — в девчонке имеется капля древней крови, — довольно потирая руки, изрёк господин Салан.

— Так это было всего лишь предположение? — взвилась истеричная дамочка. — Вы же уверяли меня, что обладаете достоверными сведениями. Да как вы могли подвергнуть меня и мой дом такому риску? Вы негодяй! Мошенник! Вы обманули моё доверие!

Салан недовольно поморщился, скорее от крика, чем от справедливых обвинений в свой адрес. Кажется, он не имел ничего против того, чтобы его считали обманщиком и негодяем.

— Не стоит привлекать внимание гостей, дорогая, — произнёс он с явной угрозой в голосе. — Своими криками вы переполошите весь дом. Хотите, чтобы все узнали о вашем бесчестном поступке? Согласитесь, не очень то красиво пытаться оставить законного наследника ни с чем. Против вас ополчится всё местное общество, да и правосудие не

останется в стороне, уж вы мне поверьте.

Дамочка задохнулась от возмущения, но ей всё же хватило ума промолчать, а Салан тем временем обратился ко мне:

— Деточка, будь добра, передай камушек нашей милой хозяйке. Да смотри, вложи прямо в руки, так будет верней.

Выбора у меня не было, и я вновь подчинилась чужому приказу.

Женщина схватила камень обеими руками и прижала его к пышной груди. Её глаза вспыхнули алчным блеском, а тонкие губы искривила злая усмешка.

Казалось, обо мне на время все позабыли, и я, воспользовавшись моментом, предприняла попытку выскользнуть из расставленной ловушки с наименьшими для себя потерями.

Только из этого ничего не вышло. Охранники не дремали и схватили меня ровно в тот момент, когда я уже находилась в полушаге от свободы.

— А с этой что делать? — один из громил, продолжая удерживать меня за шкуру, обратился с вопросом к Салану.

Но того не заботила моя дальнейшая судьба. Роль громоотвода я уже сыграла и теперь была ему не нужна.

— Делайте с ней, что хотите, — отмахнулся он от громил. — Только увезите её подальше от этого дома, а лучше и вовсе уберите из города. Мне свидетели ни к чему.

* * *

Вот так, походя, мне был вынесен смертный приговор. Я понимала, что вот-вот наступит конец моему безрадостному существованию, но поверить в это не могла. Надо же было так глупо попасться в простейшую ловушку. А ведь я сразу почувствовала, что здесь что-то не так, потому и не собиралась брать артефакт, однако сглупила и теперь расплачивалась за это. И ведь не пожалуешься никому на несправедливость судьбы, засмеют. Я рано уяснила простую истину — за всё в этой жизни нужно платить, и дороже всего нам обходится собственная глупость.

От досады хотелось рвать на себе волосы и кусать локти, но я могла лишь мычать от бессилия. Со связанными руками и кляпом во рту мне не оставалось ничего другого.

Наёмники вынесли меня через чёрный ход и довольно бесцеремонно сгрузили на пол кареты, а сами исчезли, правда ненадолго. Я даже не успела придумать план спасения, как они уже вернулись.

Мужчины расположились на дощатом сиденье рядом друг с другом, но с их появлением карета так и не тронулась с места. Ещё через несколько минут к нам присоединился господин Салан. В руках он держал большой чёрный саквояж. Судя по тому, с каким трудом мой недавний наниматель взбирался внутрь экипажа — саквояж был доверху набит деньгами или драгоценностями, а может, там находилось и то, и другое.

— Вы как всегда молодцы, — похвалил Салан наёмников, — чисто сработали. Труп обнаружат не ранее завтрашнего утра. К тому времени мы успеем не только убраться из города, но и замести следы.

Он говорил открыто, не обращая внимания на моё присутствие. Это было плохим знаком для меня. Впрочем, я и так уже знала, что жить мне осталось недолго. Прикрыв

глаза, я позволила мышцам расслабиться и не заметила, как уснула. Очнулась уже перед рассветом от того, что сильно продрогла. Меня знобило, тело сотрясала мелкая дрожь. Кисти рук затекли и онемели. Пальцы почти не слушались. Я пыталась их разминать, но без толку. Хорошо хоть от кляпа удалось избавиться, дышать сразу стало легче. Челюсти всё ещё сводило от боли, но это скоро пройдёт, можно и потерпеть.

Мои похитители спали: Салан в обнимку с саквояжем, а наёмники, тесно прижавшись друг к другу. Я завозилась и попыталась освободить руки от верёвки. Действовать приходилось очень осторожно, чтобы не задеть ненароком мужские сапоги, находящиеся в непосредственной близости от моего лица. К сожалению, у меня ничего не вышло, тот, кто стягивал узлы на верёвке, превосходно знал своё дело.

Конское ржание и заунывное пение, донёсшееся снаружи, разбудило моих спутников. А быть может, они и не спали, а просто наблюдали за моими неловкими потугами из-под полуприкрытых век и весело потешались над жалкой неудачницей, возомнившей себя умнее других.

Салан не спешил выходить. Вместо этого он послал одного из громил договариваться с цыганами о покупке девственницы для жертвоприношения. То есть меня собирались продать, вместо того, чтобы быстро и безболезненно перерезать горло. Мои волосы встали дыбом, в буквальном смысле этого слова. Ещё минуту назад я страшилась прихода смерти, но теперь готова была молить её о милосердии. Только бы избежать той страшной участи, что уготовил мне Салан.

Воспоминания о тех временах до сих пор даются мне нелегко. И я предпочла бы не бередить старые раны, но своевольная память как назло вытаскивает из тёмных закоулков моего сознания самые отвратительные моменты прошлого, вынуждая переживать их заново, каждый раз содрогаясь от ужаса и омерзения.

Вот меня передают с рук на руки кочующим цыганам, и мне до безумия хочется плюнуть в довольную рожу Салана, а лучше расцарапать её до крови, чтобы оставить отметины на его лице, но тело меня не слушается и злодей остаётся безнаказанным.

Затем надо мной склоняется жутковатого вида старуха. Её смуглое морщинистое лицо напоминает застывшую маску, настолько оно безэмоционально. Сквозь прорези век зловеще поблёскивают угольно-чёрные глаза. Я невольно цепенею под этим немигающим взглядом и разом забываю о сопротивлении. Проклятая ведьма лишает меня воли, после чего в мой приоткрытый рот с лёгкостью вливают отвратительную на вкус жидкость.

И сразу же после этого тело моё наливается тяжестью, а усталость придавливает гранитной плитой. Не хватает сил даже на то, чтобы держать глаза открытыми. Мысленно уговариваю себя не спать, но всё равно проваливаюсь в тягучее забытьё. Тону в нём, не имея возможности выбраться. Крик застревает в горле вместе с дыханием. Паника жжёт изнутри. Я бьюсь в агонии, предчувствуя скорый конец, но в последний момент меня грубо возвращают к жизни.

Несколько хлёстких ударов по щекам приводят меня в чувство, и я хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, глядя на мир безумными глазами.

Очнувшись окончательно от забытья, я обнаруживаю себя запертой в деревянной клетке. Моя временная тюрьма привязана кожаными ремнями к повозке. Сверху на прутья наброшен кусок плотной ткани, защищающий от солнца, но не от жары, от которой, кажется, плавятся кости.

К концу второй недели пути я превращаюсь в живой труп. Желание жить сменяется вялым безразличием. Мне уже всё равно, что будет со мной дальше, лишь бы всё закончилось поскорее. Наивная я даже не подозреваю, что мой самый главный кошмар ещё впереди.

Змеиный храм возникает перед глазами неожиданно. Создаётся впечатление, что он вырастает прямо из песка. Да и откуда бы ему ещё взяться в самом центре пустыни?

Сначала я принимаю это монструозное сооружение за мираж, но мои тюремщики ни минуты не сомневаются в том, что храм реален. Они радостно переговариваются на своём языке и тычут грязными пальцами в сторону окаменевшей разверзнутой пасти гигантской змеи.

Только теперь я замечаю, что отважившихся посетить местную святыню нашлось не так уж много — не более десяти человек. Все как один молодые, сильные мужчины и с ними та самая старуха с кошмарными глазами, что превратила меня в безвольную куклу. Остальные замирают в отдалении у неведомой черты, так и не решаясь её переступить.

Как я уже говорила, вход в храм олицетворяет собой раскрытую пасть гигантского змея. Всё это выглядит настолько реалистично, что в голову приходит нелепая мысль о том, что когда-то давно это чудище было живым, ползало по пескам, наводя ужас на жителей оазисов и немногочисленных путешественников. Быть может, у него даже имелись сородичи,

которым повезло умереть своей смертью. И только этому бедолаге не посчастливилось встретить на своём пути человеческих магов. В тот роковой день, когда пришёл конец его существованию, этот змей, видимо, вознамерился сытно пообедать, но ошибся с выбором жертвы, и теперь вынужден вечно изображать памятник самому себе.

Все эти пустые предположения, здорово отвлекают от пугающих мыслей, хоть и не помогают избавиться от них полностью, но я радуюсь даже кратковременной передышке, потому что чувствую, что сознание моё на пределе. Оно больше не в состоянии выносить возникшее напряжение и готовится к тому, чтобы покинуть меня навсегда.

Я уже догадываюсь, что внутри меня не ожидает ничего хорошего, и потому отчаянно трушу. Поддавшись порыву, закрываю глаза, лишь бы не видеть жуткой змеиной морды с оскаленными клыками. Никогда не понимала значения словосочетания — чудовищная красота, но к описанию этого храма оно подходит как нельзя лучше.

Пространство вокруг внезапно наполняется шуршащими звуками. Они неприятно скребут по нервам, вызывая желание заткнуть уши. Я распахиваю глаза и вижу источник моего раздражения. Это непрерывно перемещающиеся по каменным плитам чешуйчатые твари. В храме их так много, что, кажется, невозможно сделать и шага, чтобы не отдавить одной из них хвост.

Солнце снаружи палит нещадно, накаляя воздух до состояния печного жара, но от увиденного меня пробирает озноб. Обхватив себя руками, я малодушно радуюсь тому, что не нужно идти самой. Двое мужчин несут меня в паланкине, как какую-то восточную принцессу. К слову, мой новый наряд вполне соответствует этому образу: ярко красные шаровары, расшитый бисером лиф, на руках широкие золотые браслеты и перстни с драгоценными камнями, а в ушах тяжёлые серьги.

Признаюсь, я в жизни не видела столько золота, сколько было надето на мне в тот день. По крайней мере до тех пор, пока не спустилась в храмовое подземелье.

Пока я глазею по сторонам, поражаясь великолепию внутренней отделки храма, мои носильщики достигают цели. Они очень бережно опускают паланкин на мозаичный пол, а меня подхватывают на руки и водружают на пьедестал, как статую.

Озираясь по сторонам, попутно стараюсь устроиться поудобнее. Камень, на который меня переместили, расположен в центре огромного зала и выглядит очень подозрительно, учитывая то обстоятельство, что мы находимся в храме, причём не совсем обычном. Тут нет ни храмовников, ни мелких служек, но я готова поклясться, что Змеиный бог его не оставил. Он неотрывно наблюдает за всем, что здесь происходит, и скорее всего ожидает момента, когда сможет получить свою жертву.

И словно вторя моим мыслям, под звуки тягучей мелодии в воздухе разливается сладкий цветочный аромат. Одурачивающая смесь из звуков и запахов притупляет сознание, заставляя расслабиться и смириться с происходящим. Краем глаза я замечаю, что мои носильщики, согнувшись в три погибели, спиной пятятся к выходу, да там и замирают в весьма неудобной позе.

Помнится, я даже успеваю их пожалеть, ведь спина после такого издевательства непременно напомнит о себе острой болью.

Старуха напротив придвигается ко мне ещё ближе и начинает кружить вокруг камня, как ненормальная. Её многочисленные юбки то взмывают вверх, образуя идеальный круг, то опадают вниз, обвиваясь вокруг ног престарелой танцовщицы, чтобы на следующем развороте вновь полыхнуть ярким многоцветием красок.

Седые косы старухи извиваются, подобно змеям. Её глаза полыхают безумным блеском. Напомаженные алой помадой губы смотрятся несуразно на жёлто-сером морщинистом лице, как и подведённые сажей брови и наклеенные ресницы. А когда эти губы вдруг начинают шевелиться, издавая нечленораздельные звуки, я едва удерживаюсь от того, чтобы не упасть с камня, на котором стою, ведь кукла не может говорить. Старуха в этот момент и впрямь напоминает ярмарочную марионетку, не хватая лишь кукловода и тянущихся к нему нитей. В остальном, сходство является настолько полным, что я невольно поднимаю глаза кверху, ожидая увидеть там главного организатора этого представления.

Но лучше бы я этого не делала.

Крик застревает в горле, так и не родившись, а колени предательски подрагивают, когда я вижу над собой голову гигантского змея. Уверена, хвост там тоже имелся, и наверняка очень длинный. И для того, чтобы в этом убедиться, нужно всего лишь оглянуться назад. Вот только тело перестаёт мне повиноваться. Я застываю с поднятой вверх головой, не в силах противиться жёлтому гипнотическому взгляду чешуйчатого гада, а может быть, гадины. Кто этих змей разберёт? Да это и не важно. Главное сейчас заключается в том, что жить мне остаётся считанные секунды. Меня просто сожрут и вряд ли при этом подавятся. А ведь я ещё так молода, и очень хочу жить.

Внутри меня ширится и растёт возмущение, и я вдруг понимаю, что не готова расстаться с жизнью по прихоти каких-то негодяев.

Жалость к себе довольно быстро сменяется злостью, и в следующий миг невероятным усилием воли я выхожу из оцепенения и сразу же спрыгиваю с пьедестала, сбив при этом старуху с ног.

Надо сказать, вышло очень удачно, хоть и не специально. Много позже, сопоставив все факты, я поняла, что ведьма в тот момент наговаривала какое-то заклятье, сдерживающее ползучего гада, а когда она замолчала, чешуйчатый людоед мгновенно пришёл в себя.

А в тот момент я решаю не дожидаться, пока он вновь обратит на меня внимание, и укрываюсь за камнем.

* * *

Дальнейшее я предпочла бы не видеть никогда в жизни, но, увы, моим мнением никто не интересовался.

В общем, хозяин храма не стал церемониться с незваными гостями, а принялся заглатывать их целиком, одного за другим. Я же старалась не думать о том, что мои тюремщики скорее всего были съедены заживо. Смотреть на весь этот ужас не было ни сил, ни желания и я малодушно прикрыла глаза ладошками.

Открыла их лишь тогда, когда всё вокруг стихло. И всё равно долго не решалась сдвинуться с места. Так и сидела, прижавшись спиной к тому камню, на который меня водрузили незадолго до этого кошмара, видимо, для того, чтобы змею было удобнее заглатывать свою жертву.

Как вспомню его магнетические глаза с узкими вертикальными зрачками и широко распахнутую пасть с двумя длинными клыками, так сразу бросает в дрожь.

А тогда и вовсе всю трясло, как в лихорадке, у меня буквально зуб на зуб не попадал. И только я начала успокаиваться, как случилась новая напасть. Змей не рассчитал траекторию

своего движения и случайно саданул по камню хвостом, снося его с места. Моё укрытие отлетело в сторону, открывая отверстие в полу, в которое я и провалилась.

Помню, как вопила во всё горло до тех пор, пока окончательно не сорвала голос. Думала, разобьюсь насмерть. Лучше бы так и было. По крайней мере, мне не пришлось бы столкнуться с кошмаром всей моей жизни. Напрасно я думала, что в мире нет ничего страшнее того гигантского змея. Реальность показала, что ей есть, чем меня удивить.

Вопреки моим ожиданиям, приземление оказалось довольно мягким, хоть и странно скользким, но порадоваться своей удаче я не успела. В следующее мгновение моё тело пронзили тысячи острых игл, на деле оказавшихся змеиными клыками. Этих тварей тут было видимо-невидимо, и угораздило же меня свалиться прямо на них. Змеи набрасывались на меня с небывалым остервенением, впрыскивая в моё тело свой яд. Жаль только, действовал он не моментально, и какое-то время я оставалась в сознании.

Не смотря, на невыносимую боль, кричать я уже не могла, только сипела, а потом милосердная тьма наконец приняла меня в свои любящие объятия.

* * *

Очнулась я от ощущения чьего-то пристального взгляда. Тело больше не болело и вообще казалось невесомым. Я лежала на чём-то тёплом и удивительно приятном на ощупь.

Глупо отказывать себе в маленьких удовольствиях, когда ты уже умерла, вот и я не удержалась, провела по шелковистой поверхности раз, другой. Прижалась к ней щекой и обхватила руками лежанку, по форме сильно напоминающую бревно. Смерть оказалась не такой ужасной, как я себе представляла. Мне было хорошо и спокойно. Мерное покачивание убаюкивало. Вот только чувствовала я себя немного странно, но это и не удивительно, просто не успела ещё привыкнуть к своему новому состоянию.

Открывать глаза не торопилась, решив, что успею выяснить, как выглядит моё новообретённое пристанище, ведь впереди меня ожидает целая вечность.

Покрепче зажмурившись, я сладко потянулась и вдруг почувствовала, что лежанка подо мной ощутимо так дёрнулась и неожиданно выскользнула из-под меня, оказавшись совсем не такой надёжной, как думалось вначале.

С громким визгом я полетела вниз, чтобы в следующую секунду быть пойманной на лету и зажатой в тугие тиски. Глаза сами собой распахнулись во всю ширь, и я увидела перед собой лицо женщины.

Надо сказать, выглядела незнакомка более чем странно. Начнём с того, что вместо волос у неё на голове красовался чешуйчатый нарост. В придачу к наросту имелись приплюснутый нос, впалые щёки и вытянутые к вискам глаза с вертикальными зрачками и совсем без белков. Губ, к слову, у этой дамочки тоже не было, зато изо рта выпирали два длиннющих клыка весьма устрашающего вида, а между ними то и дело мелькал раздвоённый язык. При ближайшем рассмотрении кожа на лице незнакомки оказалась сплошь покрыта мелкими чешуйками телесного цвета. И только от скул к вискам тянулись две широкие полосы более крупных чешуек, переливающихся всеми оттенками красного и бордового цветов. Массивная, слегка приплюснутая голова не иначе как чудом удерживалась на длинной тонкой шее. Высокая грудь, тонкие руки и точёные плечи намекали на наличие у этого существа человеческих предков. В памяти тут же всплыли легенды о загадочных

змеелюдах, якобы обитавших в пустыне много столетий назад. Скромностью женщина-змея явно не отличалась. Одежды на ней не было совсем, зато украшений имелось с избытком. Я даже засмотрелась на переливы оправленных в золото камней. Красиво...

Незнакомку трудно было назвать красивой. Но это на мой человеческий вкус, а у змеелюдов могли быть иные понятия о красоте. Об этой таинственной расе мало что было известно, но кое-что я всё-таки знала, хоть и понаслышке.

— Ссс пробуждением маленькая принцессса, — голос женщины-змеи оказался низким, грудным и чрезвычайно приятным на слух.

Я невольно задалась вопросом: мне показалось, или она на самом деле пытается быть дружелюбной? Честно говоря, ей это плохо удавалось. Не с такой внешностью заводить друзей. Однако, в моём положении глупо было бы привередничать. Стоило брать то, что дают. Как говорится, не съели и на том спасибо.

До меня потихоньку стало доходить, что я по какой-то причине ещё жива, но легко могу умереть вот прямо сию минуту, если не проявлю хоть немного ответной учтивости.

— Сссспасибо, госсспожа, — получился какой-то полусвист-полушипение, но я храбро продолжила: — Проссттите, но вы ошшибаетесссь, я ссссамая обычная девочка.

Честное слово, я не дразнилась, у меня даже в мыслях этого не было. Просто что-то застряло во рту и мешало правильно и чётко произносить слова. Наплевав на приличия, я залезла пальцами себе в рот и обнаружила там...

Что бы вы думали?

Именно так: удлинившиеся клыки и слегка раздвоённый язык.

Судорожно обхватив руками лицо, я провела ладонями по волосам, пошевелила ногами и наконец облегчённо выдохнула. Оказалось не всё так страшно, как почудилось в первый момент: кожа на ощупь по-прежнему была человеческой, да и волосы никуда не делись. Ноги, к слову, тоже остались при мне. В отличие от моей собеседницы, обладающей толстым змеиным хвостом, я всё ещё походила на человека, особенно если не заострять внимание на кое-каких мелочах.

Я подумала, что произошедшие со мной незначительные изменения будет довольно легко скрыть. Правда придётся всё время молчать и притворяться немой, но зато никто не заметит ни клыков, ни раздвоённого языка.

— Теперь ты принцессса, — упорствовало хвостатое создание.

Да и ладно. Побуду принцесссой. Жалко что ли? Главное я уже поняла, есть меня не собираются, а всё остальное можно и потерпеть.

Страх отступил, а любопытство напротив заявило о себе в полный голос.

— Это вы помогли мне выжить? — спросила я, практически уверенная в ответе.

Незнакомка самодовольно улыбнулась.

— Только Сссайясссхари решшшает, кому жить, а кому умирать. Дети никогда не перечат сссвоей матери. Теперь ты — моя дочь. Нарекаю тебя Эфирассси, — торжественно произнесла женщина-змея, видимо желая, чтобы я осознала всю важность момента.

Честное слово, я прониклась, но ненадолго. Устроившись поудобнее в нежных материнских объятиях, я нечаянно глянула вниз, туда где извивались, клубились, переплетаясь между собой сотни, тысячи змей и нервно сглотнула. Назвать эту змеиную кодлу семьёй, язык не поворачивался, особенно если вспомнить, какую тёплую встречу устроили мне эти родственнички. Они просто напросто накачали меня ядом под завязку.

— Мамочка, — всхлип вырвался сам собой, и я в поисках спасения припала к груди

названной матери.

Сайясахари на мгновение опешила. Не ожидала, наверное, от меня проявления родственных чувств. Честно говоря, я и сама от себя не ожидала ничего такого. К тому же новообретённая мамочка одним своим видом могла довести кого угодно до мокрых штанов, зато на ощупь она оказалась довольно приятной — тёплой и как это ни странно довольно гладкой. Я даже поймала себя на мысли, что могла бы понежиться в тёплых материнских объятиях ещё немного, день или два, в общем, пока не надоест.

Однако у мамы на мой счёт имелись свои планы.

Она резко отстранилась, удерживая меня на вытянутых руках, и прошипела:

— Оссоставь эти нежности, принцесса. У нассс ссс тобой имеется один нерешшщённый вопросс. Ты должна принять кровь Великого Змея, чтобы ссстать одной из нассс.

— Да пожалуйста, — прошепелявила я с готовностью. — Вссегда мечтала быть принятой в род. Признаюсссь честно, одной жить на сссвете не очень-то весссело.

Тут взгляд мой вновь устремился вниз, и я ощутимо вздрогнула, подумав, не поторопилась ли я с ответом.

— Вот и ссславно, — обрадовалась мамаша и с размаху вонзила острые клыки в своё запястье.

Я собиралась закричать от ужаса и омерзения, представив, как сейчас из её вены хлынет кровь, заливая меня отвратительной липкой субстанцией с ног до головы. Но в конце концов так и застыла с открытым ртом, потому что из двух аккуратных дырочек, появившихся на запястье матушки, выделилось ровно две капли густой зеленоватой жидкости.

— Ссслизни, — прошепелявила матушка, а я огляделась по сторонам, не находя никаких слизней.

— Ссслизни, — повторила она вновь, но я продолжала смотреть на неё с недоумением.

Тогда эта нехорошая женщина обхватила одной рукой мою голову, а второй запечатала мой так не вовремя открывшийся рот. Я тут же ощутила горечь на языке и попыталась вырваться из захвата. К сожалению, мои трепыхания ни к чему не привели.

Вскоре горечь сменилась жжением, да таким сильным, будто я по глупости сыпанула себе в рот жгучего перца. На глаза навернулись слёзы, они крупными каплями потекли по щекам. Я шумно сглотнула, слишком поздно сообразив, что не стоило этого делать. В ту же секунду пищевод обожгло огнём, за ним воспламенился желудок, а вскоре я вся полыхала, как изнутри, так и снаружи.

Ощущения были такие, будто меня поджаривают на медленном огне.

За мгновение до своей очередной кончины я с огромным трудом разлепила тяжёлые веки и сквозь пелену слёз посмотрела в глаза своей убийцы.

Сайясахари улыбалась.

Демоны её побери, она выглядела до неприличия счастливой и довольной собой. Во мне вскипела злость. Я тут умираю в мучениях, а ей выходит, только того и надо было, чтобы я загнулась во цвете лет, наглотавшись той зелёной отравы, что течёт по её венам.

«Вот ведь гадина», — подумала я прежде, чем провалиться в небытие.

* * *

И вновь я поспешила с выводами. Как вскоре выяснилось, матушка вовсе не собиралась

меня убивать. Напротив, она мечтала о том, чтобы продлить мне жизнь на долгие годы.

Очнулась я, как и в прошлый раз, в нежных объятиях её толстого хвоста. И должна признаться, чувствовала себя превосходно, как будто заново родилась.

Сайясахари провела кончиком хвоста по моей голове, приглаживая растрепавшиеся волосы, и удовлетворённо вздохнула.

— Не думала, что ты сссправишшься, — прошипела она, разглядывая меня с интересом, — ссилёнок в тебе маловато, но ты оказалассь живучей, не то, что другие.

— А были ещё и другие? — спросила я напряжённо. Хорошее настроение мгновенно улетучилось.

— Рассзумеется, были, — подтвердила мои худшие опасения Сайясахари. — Я сслужу в этом храме около тысссячи лет и вссё время ищущ себе ссзамену. Таково уссловие моего воссзращения в родной мир. Просстрансственные врата нельсся оссоставлять бессз приссмотра. Но вы, люди, сслишком хрупкие ссоздания. Вашши сслабые тела окасзалиссь не в сссостоянии сссправитьсся сс процессом перерождения.

Дальше я не слушала. То, что касалось непосредственно меня, я уяснила. Оказывается, в род меня приняли не просто так, а для того, чтобы взвалить на мои хрупкие плечи тяжеленный груз ответственности за какие-то там ворота.

Я посмотрела украдкой на продолжавшую распинаться Сайясахари и поняла — она не шутит. Эта дамочка готова пойти на что угодно, лишь бы вернуть себе свободу. Вот только и я не готова расстаться со своей независимостью, ради кого бы там ни было.

С того самого дня я стала готовиться к побегу, потому что не собиралась в угоду Сайясахари провести остаток жизни, запертой в храме.

* * *

Однако, подходящего случая всё никак не представлялось. Я потеряла счёт дням, успела привыкнуть к своему новому имени и перестала опасаться ползающих вокруг змей. Они на меня не нападали, я, в свою очередь, старалась не наступать им на хвосты. В общем, мы прекрасно уживались друг с другом.

Вопрос с питанием так же не возникал. Каждый день Сайясахари заставляла меня слизывать пару капель своей крови и этой малости мне хватало на то, чтобы в течение суток не испытывать ни голода, ни жажды.

К счастью, кровь Сайясахари теперь служила лишь питанием для меня и я больше не корчилась в муках после её попадания в мой организм.

Чем уж питалась сама Сайясахари, мне было не известно. Изредка она исчезала из поля моего зрения и возвращалась сонная и отяжелевшая, как после сытного обеда.

* * *

Долгожданный день наступил внезапно. Я по обыкновению перебирала сваленные в кучу драгоценности. За прошедшие тысячелетия их скопилось тут немало, а Сайясахари, как выяснилось, была не очень хорошей хозяйкой — порядка в её доме не наблюдалось. Я же не знала, куда деваться от скуки, вот и решила разложить всё по местам, а по ходу дела

примеряла на себя всё подряд.

Внезапно в тишине храма, нарушаемой лишь свистом ветра, да шорохом змеиной чешуи, зазвучала знакомая тягучая мелодия.

Сайясахари, до этого мирно дремавшая, вдруг резко выпрямилась, сузила глаза и расплылась в клыкастой улыбке. А потом она в одно мгновение преобразилась в ту самую змеюку, которая едва ли не до смерти напугала меня в тот памятный день, когда цыгане собирались принести меня в жертву змеиному богу.

Это было настолько неожиданно, что я застыла, как в ступоре и только молча наблюдала за тем, как хвост так называемой мамыши, извиваясь, скрывается в тёмном проходе, ведущем в верхний храм.

Отругав себя за недогадливость, я заметалась по подземелью, лихорадочно придумывая план спасения. Могла бы и раньше сообразить, что моя названная мать умеет превращаться в гигантского змея. А ведь я настолько к ней привыкла, что перестала обращать внимание на её хвост и довольно специфичную внешность.

Пришлось встряхнуть себя ещё раз, да хорошенько. Ведь пока я тут придаюсь самобичеванию, торопливое время утекает, как вода сквозь песок. Помедлю ещё немного и потеряю, быть может, единственный шанс на побег.

Однажды Сайясахари случайно проговорила, что не может выйти за пределы этих стен, и я поняла, что непременно должна воспользоваться этим знанием, понадеявшись на то, что моя связь с храмом не настолько прочна, и он не станет меня удерживать, пока здесь находится настоящая хранительница врат. Достаточно незаметно выскользнуть из храма, и я свободна. Так просто и так сложно одновременно.

О том, как буду выбираться из пустыни, я не думала, решив положиться на удачу.

Дальше я действовала будто во сне. Просто отключила сознание и доверилась инстинктам. В критических ситуациях только так и следует поступать. Пока мозг будет искать выход из положения, тело отреагирует, как надо, выскальзывая из-под удара.

За последнее время я сильно изменилась. Пусть внешне это не очень бросалось в глаза, но внутренне я стала другой. Более гибкой, более сильной, более выносливой, чем раньше. И осознание этого вселяло в меня уверенность в благополучном исходе дела.

Идти пришлось тем же путём, по которому уползла Сайясахари, просто потому, что из подземелья имелся только один выход. С каждым шагом музыка становилась всё громче, тягучая мелодия звала за собой, медленно, но верно погружая моё сознание в транс.

В ногу вонзилось что-то острое, и боль мгновенно вернула меня к суровой действительности. Я ведь уже говорила, что драгоценности в змеином храме валялись буквально под ногами? Так вот одна из этих безделушек и стала моим спасением. Подхватив с пола золотой браслет, я натянула его на предплечье. С моими тонкими руками там ему самое место. Подумала, и прихватила ещё несколько вещичек с камушками покрупнее. От Сайясахари не убудет, а мне останется память о ней и о недолгом времени, проведённом рядом с названной матерью. Всё же она по-своему была добра ко мне. Не хотелось её разочаровывать, но родители должны быть готовы к тому, что однажды дети вырастут и решат окунуться в самостоятельную жизнь.

Как я и думала, в верхнем храме меня ожидала неприглядная картина — очередное жертвоприношение. К сожалению, я ничем не могла помочь несчастному, занявшему место на камне. Я даже в собственном спасении не была уверена, нечего было и думать о том, чтобы прихватить с собой кого-то ещё.

И всё же парня было жалко. Совсем ведь мальчишка, старше меня года на два, не больше. Ему бы жить да жить.

Моё сознание будто раздвоилось. Одна часть меня уговаривала оставить всё, как есть, и спастись самой, а другая уже продумывала план спасения несчастного парня.

Цыганка, кружившая вокруг камня, была другой, но она так же, как та старуха собиралась расплатиться чужой жизнью за благосклонность Хранительницы врат. Вечные странники, дети дорог — как только не называли в народе это бродячее племя. Поговаривали, что цыгане способны ходить между мирами. Теперь то я точно знаю, что это никакие не выдумки. И всё же считаю несправедливым, когда за свободу одних кто-то другой должен расплачиваться собственной жизнью.

Не в силах отвести взгляд от разворачивающегося передо мной зрелища, я медленно присела и пошарила рукой подле себя. Пальцы тут же нащупали металлическую чашу, кажется, серебряную с позолотой. Ничего, сойдёт и такая.

Прицелившись, я метнула чашу в мальчишку. Правильнее было бы метить в цыганку, но я побоялась промахнуться и не попасть по движущейся мишени, а парень, в отличие от неё, замер истуканом и не шевелился.

Я надеялась, что моя идея сработает, и не просчиталась. Мальчишка оказался смышлённым. Болезненный удар вывел его из оцепенения, и он быстро сообразил, что нужно делать — спрыгнул вниз, отполз за камень и там затаился.

Мамочка тоже не подвела. Мигом расправилась с теми, кому не хватило ума вовремя

унести ноги. Насытив своё бездонное нутро, она сонно прикрыла глаза и очень-очень медленно поползла восвояси. Проползая мимо меня, Сайясахари лениво дёрнула головой, приглашая идти следом. А я поразилась её наивности. Неужели она и впрямь думает, что я буду послушной девочкой и вернусь обратно в подземелье?

— Я сейчас, — прошепелявила я вслед мамаше, на всякий случай, чтобы она не занервничала раньше времени. Сама же опрометью бросилась к мальчишке.

Мягко говоря, он был немного не в себе: дико таращил глаза, издавал нечленораздельные звуки, а от меня шарахнулся так, словно я собиралась сожрать его заживо, совсем как моя названная мамуля.

Да уж, не каждый способен пережить такое и не свихнуться. Но не оставлять же горемычного здесь, когда уже столько сделано для его спасения.

Схватив парня за руку, я потащила его к выходу. Разумеется, он упирался, но с моими возросшими силами не составило труда вывести мальчишку наружу. И вовремя.

Думается мне, что матушка быстро опомнилась, поняла свою оплошность и кинулась обратно, но не смогла развернуться в узком проходе. Оттого и задержалась. Ведь ей пришлось сначала ползти вниз, а потом возвращаться обратно. Эти несколько минут и дали нам необходимую фору, позволив, в конце концов, вырваться на свободу.

Я стояла шагах в двадцати от храма и смотрела на то, как отчаянно мечется, бьётся внутри него разгневанная туша гигантской змеи. Сайясахари раз за разом пыталась прорваться в открытую дверь и неизменно ударялась о невидимую преграду, легко пропустившую нас, но ставшую непреодолимым препятствием на её пути.

* * *

— Эй, ты живой? — я трянула спасённого мальчишку за плечи.

Он никак не желал приходить в себя, и я его понимала. Действительность выглядела пугающей даже для меня — девчонки с улицы, в течение пяти лет обучавшейся наёмническому ремеслу.

— Да очнись же ты, — прикрикнула я и отвесила застывшему истуканом парнишке смачный подзатыльник. — Или хочешь, чтобы нас тут сожрали?

Угроза подействовала, взгляд мальчишки обрёл осмысленное выражение. На меня он по-прежнему смотрел с затаённым ужасом, но зато был способен худо-бедно воспринимать человеческую речь.

Признаю, у меня имелись небольшие проблемы с дикцией, но взаимопониманию между нами это точно не мешало.

— Я в порядке, — прошептал он срывающимся голосом. — А ты вообще кто такая?

— Я то? — ехидная ухмылка обнажила острые клыки. Мальчишка ожидаемо отпрянул назад и затрясся, как лист на ветру.

Я же, гордо приосанившись, представилась:

— Имя моё Эфирасси, если коротко — Эфа. А тебя-то как назвать, горемычный?

— Ярик, — проблеял мальчишка и, кажется, собрался грохнуться в обморок.

— Эй ты, болессзный, а ну не рассказывать. Нам ещё из пустыни выбираться. Будешь изображать припадочного, оставлю прямо здесь.

И снова угроза оказала нужное воздействие. Ярик вытянулся в струну и даже

прищёлкнул босыми пятками, по примеру военных. Получилось не так эффектно, как у бравых служаек, но зато весьма показательно. Мне сразу стало ясно, отчего наставники в гильдии предпочитали не тратить силы на уговоры, а сразу переходили к угрозам, обещая немислимые кары за любой проступок, будь то лень или какая другая провинность.

* * *

Вечерело. Не самое лучшее время суток для начала скитаний по пустыне, но и оставаться возле храма было страшновато. А ну как Сайясахари найдёт способ преодолеть ту хлипкую преграду, что встала на её пути? Я сильно опасалась, что в таком состоянии она и не вспомнит, что несколькими неделями ранее назвала меня дочерью. О судьбе мальчишки даже гадать не приходилось. Сайясахари его тощее тельце на один укус, проглотит и не заметит.

Цыганский табор маячил где-то на горизонте. Скорость, с которой они покинули опасное место, вызывала уважение.

Ярик с тоской посмотрел вслед удаляющимся кибиткам. Неужели он настолько наивен, что стал бы просить о помощи своих несостоявшихся убийц? И это не пустые обвинения. Как ещё прикажете называть людей, приговоривших подростка к жуткой смерти?

— Хочешшь их догнать? — поинтересовалась я с издёвкой в голосе.

— А это возможно? — спросило неразумное дитячко с надеждой.

Ну вот как разговаривать с таким олухом? Неудивительно, что он едва не сыграл роль жертвы. Потом я припомнила, что и сама не так давно пробовалась на эту же роль и решила повременить с выводами относительно его разумности.

— Ессли посстараться, то к рассвету ты сссможешшь их догнать, — поделилась я ценной информацией, внимательно наблюдая за реакцией парня.

Ярик помолчал пару минут, выискивая скрытый подвох в моём ответе. А потом спросил:

— А ты разве со мной не пойдёшь?

Меня порадовало то, что парень оказался небезнадёжен, но всё же пришлось кое-что ему объяснить.

— Я, в отличие от тебя, не сссобираюсь второй рассз ссстановиться жертвой. И тебе не сссоветую ссзря ссбивать ноги, — посоветовала я с самым серьёзным видом. — Проще будет ссейчас же вернуться в храм и покончить ссо вссем одним махом.

— Ты думаешь, они снова приволокут меня сюда? — Ярик выглядел растерянным. Наивная душа. Как только умудрился дожить до своих лет?

— Даже не сссомневайсся, — оскалилась я, весьма довольная его сообразительностью.

— Тогда я пойду с тобой, — заявил он решительно, при этом опасливо косясь в сторону храма. А потом вдруг сорвался с места и рванул обратно, к радостно скалящейся Сайясахари. Я едва успела схватить его за руку и что есть силы дёрнуть на себя, разворачивая в другую сторону.

Оказывается, пока я налаживала контакт со спасённым мальчишкой, Сайясахари прекратила бесполезные метания и застыла в проёме, гипнотизируя нас взглядом. К счастью, с кровью Великого Змея я получила иммунитет к подобным воздействиям на сознание, а Ярика удалось легко привести в чувство при помощи подзатыльника.

Дальше мы шли не оборачиваясь, шаг за шагом сокращая расстояние, отделяющее нас от мира, населённого людьми.

* * *

Поначалу идти было легко. Дневная жара спала, лёгкий ветерок овеивал лицо, к тому же в толще песка ещё угадывалась колея, проложенная цыганскими кибитками на пути к храму. Ориентироваться в пустыне было сложно, а потому я решила придерживаться этого весьма зыбкого указателя, пока будет такая возможность.

Разумеется, мы двигались в сторону, противоположную той, куда ушли цыгане. Мне было всё равно, куда идти, а Ярик стремился поскорее вернуться домой. Вплоть до наступления темноты мы шли молча, понимая, что к утру от колеи скорее всего не останется и следа, и нам придётся полагаться лишь на удачу.

Но вот небо окончательно потемнело, и вокруг заметно похолодало. Дальнейшее продвижение стало невозможным по двум причинам: Ярик не обладал моей выносливостью, а меня сковывала по рукам и ногам сильно понизившаяся температура. В общем, мы поняли, что дальше идти не сможем, даже под страхом смерти. Прижавшись друг к другу, мы легли головами по ходу движения и заснули практически мгновенно.

Сейчас я понимаю, как нам тогда повезло. Пустыня словно взялась оберегать двух неразумных детей, решивших отправиться в опасный путь, не имея ни сил, ни знаний, ни каких-либо припасов, включая воду. Песчаная буря обошла нас стороной, хищные твари если и попадались на нашем пути, то мы их не замечали.

Самым страшным испытанием для Ярика стала жажда. К слову, меня она почти не мучила. На третий день пути, я поняла, что если ничего не предпринять прямо сейчас, то мальчишка этой же ночью умрёт у меня на руках. И тогда я напоила его своей кровью. Это помогло нам продержаться следующие двое суток. А потом к нам пришло спасение в виде торгового каравана, нагнавшего нас практически на краю пустыни.

К тому времени на моём теле не осталось и следа чешуи, даже раздвоенный язык обрёл привычную форму и больше не мешал говорить. Я решила, что благополучно избавилась от змеиного наследия, и очень обрадовалась, но время показало, как сильно я ошибалась.

С караванщиками мы расстались довольно мирно. Я искренне опасалась пленения и последующей продажи в рабство, но то ли вид у нас был чересчур заморённый, то ли конкретно эти торговцы не занимались похищением и продажей людей. В общем, отпустили нас без лишних разговоров и даже выделили кое-какой провиант, чтобы мы не умерли с голоду прежде, чем доберёмся до дома.

Ярик оказался не так глуп, как я о нём подумала вначале. Родом он был из приграничья и прекрасно разбирался в географии здешних мест. Так что провёл нас к своему дому кратчайшим путём.

Встреча с родными Ярика прошла довольно бурно. Сначала, как водится, мальчишку стиснули в объятиях, залили слезами, а потом уж всыпали хворостиной по мягкому месту, чтобы впредь даже думать не смел о побеге.

И всё же не зря он показался мне дурнем. Да был бы у меня такой дом, с такой любящей семьёй, я бы держалась за него обеими руками, а ему, видите ли, жизнь скучной показалась. Эх, маловато ему всыпали. Я бы добавила ещё.

Семья у Ярика и впрямь оказалась замечательной. Мать, отец, бабка с дедом и четыре сестры мал мала меньше. Он самый старший из детей — наследник и опора.

Руки так и чесались надавать этой подгнившей опоре затрещин, чтобы больше не смел расстраивать мать и прежде времени старить отца. Да он и сам, кажется, всё понял. Ходил с виноватым видом, часто возился с сестрёнками и всё время старался помочь матери по хозяйству — воды натаскать или дров наколоть.

Я же не знала, что делать дальше. На мою голову вдруг обрушилась невиданная доселе забота. Ярик в красках расписал, как, рискуя собственной жизнью, я спасала его от мучительной смерти. Как не бросила одного погибать в пустыне, и тащила за собой несколько дней, хотя в одиночку мне было бы гораздо легче спастись.

Единственное, о чём он умолчал, так это о моём необычном виде, от которого к концу путешествия не осталось и следа. Думаю, Ярик решил, что ему всё привиделось, а я не стала его разубеждать.

На семейном совете меня единогласно приняли в семью, правда перед этим удостоверились, что родных у меня нет, и никто меня не ищет. Я бы и рада была остаться у них, да не смогла. Пустыня не желала меня отпускать: пела колыбельные по ночам, в жаркий полдень опаляла кожу горячим дыханием, с резким порывом ветра бросала мне в лицо горсть прокалённого на солнце песка, и я с наслаждением умывалась им, как прежде умывалась родниковой водой. А после замечала проросшие чешуйки на висках, и становилась странно молчаливой, потому что раздвоённый язык — это не то, что стоит показывать приютившим тебя людям.

И всё же мне пришлось раскрыться перед ними. Уйти, не сказав ни слова, я не могла. А после долго плакала, утешаемая матушкой Эдной и бабушкой Тори. Старшие мужчины — папаша Нейл и дедушка Кай тоже отнеслись с пониманием к моей проблеме. И только Ярик не понимал причины моего расстройства.

— Дура ты, Эфа, нашла из-за чего горевать, — втолковывал он мне с умным видом бывалого путешественника. — Тебе сказочно повезло, а ты слёзы льёшь почём зря. Знал бы я, что змеюка такими способностями одарить может, ни за что бы оттуда не ушёл.

— Может одарить, а может и живьём проглотить, — отвечала я меланхолично. Слёзы давно все были выплаканы, и теперь я была спокойна, как никогда. Даже глупости Ярика выслушивала без раздражения.

— Это да, — погрустнел он мгновенно. — Да и страшная она до жути. Помнишь, как глазищи свои на нас тарщила? Ноги то сами к ней повели, хоть умом я и понимал, что добром это не кончится.

— Главное, помни об этом, да держи язык за зубами, — посоветовала я. — А то мало ли кто из твоих друзей захочет тот дар получить, да по глупости жизни лишится. Ты же вовек себе этого не простишь.

На лице Ярика отразилось разочарование.

Так и есть, намеревался перед мальчишками хвост распушить, герой. Мне только встречи с его друзьями не хватало. Хорошо, что я утречком собралась уходить. Правда пока не решила куда, но точно подальше от этих мест. Остановлюсь там, куда не будет долетать зов пустыни. Может, где и приживусь.

Семью Ярика я всегда вспоминала с добром. Они тогда не поскупились — нарядили меня во всё новое, обувь справили, место в почтовом дилижансе выкупили. Не каждое родное дитя провожают с такой заботой. Даже денег хотели дать. Да только я не взяла. Взамен попросила продать кое-что из украшений. Они сильно удивились, откуда у меня такие богатства. Честно призналась, что из Змеиного Храма, но посоветовала поскорее о том забыть. Никакое золото не стоит загубленной жизни. А Сайясахари больше такой ошибки не допустит — не позволит снова себя провести.

Позже я навещала их и не раз. Только жить рядом с пустыней так и не смогла, хоть и нанималась несколько раз проводником, когда возникала нужда в деньгах.

* * *

Ну да хватит воспоминаний. Пора и делом заняться.

Добрые люди поведали, что господин Салан обосновался в этом городишке. Нынче он был на хорошем счету, богатый и всеми уважаемый человек. Выкупил у законного наследника тот самый дом и теперь проживает в нём на правах владельца.

Чем хороша личина наёмника? Да тем, что на таких, как мы никто не обращает внимания. Богатые господа часто нуждаются в наших услугах, перечень которых довольно разнообразен. Ту вам и охрана, и сопровождение, и доставка ценных грузов, и получение информации, и возврат долгов и, разумеется, устранение неугодных людей. О последнем не принято говорить вслух, но всем известно, к кому следует обращаться в случае необходимости.

Так что моё появление на улицах города не вызвало ни у кого интереса. Эка невидаль, светловолосый мальчишка из гильдии, спешащий с посланием к одному из клиентов. Такие посланцы тут встречаются чуть ли не на каждом шагу.

Поэтому я и не таилась, а напрямик направилась к дому господина Салана, где опять-таки у всех на виду постучала во входную дверь старинного особняка.

Мой хитроумный план заключался в том, чтобы проникнуть в дом с центрального входа. Салан никогда не пренебрегал осторожностью и своё жилище обезопасил на славу. Я конечно могла бы попытаться преодолеть установленную им защиту, но зачем тратить силы и время, если имеется простое решение проблемы?

На мой стук вышел дворецкий, посмотрел снисходительно, видно принял за ученика. Ну да, ростом я ниже своих товарищей по ремеслу, да к тому же не ношу на рукаве знак гильдии, потому что мне не позволили пройти обучение до конца.

Я, в отличие от многих, вольный наёмник, живущий по своим собственным законам. В моём положении имеются как плюсы, так и минусы, но первых всё же больше, как ни крути.

— Чего тебе? — дворецкий оказался не очень то приветливым.

— К господину Салану с донесением, — отрапортовала я бойко, вытягиваясь в струну и преданно заглядывая дядечке в глаза.

— Давай сюда, я передам, — не поддался на мою уловку мужчина.

— Велено передать лично в руки, — продолжила рапортовать я, постепенно наращивая громкость.

Дворецкий скривился, но в дом всё же впустил. Защита тихо тренькнула, реагируя на оружие.

— Оставь всё там, — махнули мне рукой, и я без пререканий выложила на небольшой столик пару кинжалов и небольшой арбалет.

— Жди здесь, я доложу господину, — последовал следующий приказ, и я послушно замерла на месте.

Так и простояла всё время без движения, пока слуга не вернулся обратно. И только после этого позволила себе переступить с ноги на ногу, будто получила команду «вольно».

— Поднимайся на второй этаж, вторая дверь слева. Господин тебя ждёт, — сказал дворецкий и отвернулся, более не удостоивая меня своим вниманием.

Я же легко взлетела по лестнице на второй этаж и направилась по указанному маршруту. Дверь в кабинет оказалась приоткрыта, но я всё равно постучала и, лишь получив разрешение, вошла.

За прошедшие годы тут мало что изменилось. Несколько незначительных деталей, вроде напольного ковра и пары аляповатых картин модных нынче мастеров, существенной роли в деле изменения интерьера не сыграли.

Преодолев разделяющее нас расстояние, я протянула Салану письмо, написанное мной лично на староидьярском языке. А пока он распечатывал послание и с недоумением разглядывал причудливые письмена, я деловито доставала из потайного кармашка пропитанные ядом иглы. Тем самым ядом, который время от времени выделяют мои собственные ядовитые железы. Что поделать, вот такая я неправильная змеелюдь — брезгливая не в меру. Как только представляю, что придётся кусать чью-то жирную потную шею, так сразу к горлу подкатывает тошнота. Приходится изворачиваться, как только можно.

Салан морщил лоб, беззвучно шевелил губами, разбирая слово за словом. У меня даже закрались подозрения, что ему знаком этот древний язык, широко распространённый в узких кругах. Последние несколько столетий им пользовались исключительно наёмники. Неужели этот гад когда то был одним из нас? Если это так, то мне следует поторопиться с исполнением приговора, текст которого обвиняемый, судя по всему, почти дочитал до конца.

Я незаметно переместилась за спину своему обидчику. И когда Салан оторвался от письма, чтобы взглянуть на посланника, меня на прежнем месте уже не было.

— Приговор окончательный и будет приведён в исполнение незамедлительно, — шепнула я на ухо вору, убийце и работорговцу, а затем решительно вонзила в его шею ядовитую иглу.

Салан резко дёрнулся, но тут же замер. Первая порция яда его не убила, а лишь парализовала, как и было задумано. Видно было, что мошенник прилагает немалые усилия, чтобы пошевелить рукой или ногой, однако тело ему уже не повиновалось.

Я неспешно подошла к двери и заперла её на ключ. Теперь нам никто не помешает.

— Помнишь меня? — спросила я Салана, становясь напротив него и откидывая с головы капюшон. — Вижу, что помнишь, — удовлетворённо кивнула, заметив проблеск узнавания в его глазах. — Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу получить небольшую компенсацию за те неудобства, что мне пришлось испытать по твоей вине? Согласись, это было бы справедливо.

После слов о компенсации и справедливости Салан не на шутку разгневался и опалил меня таким ненавидящим взглядом, что я невольно улыбнулась. Всегда приятно видеть противника разъярённым и при этом совершенно беспомощным, как новорожденный котёнок.

Продолжать разговор с этим негодяем не было смысла, да и время поджимало. Не обращая на него внимания, я принялась обыскивать кабинет. Справилась довольно быстро. Добычу складывала на столе. Она оказалась довольно внушительной: векселя, закладные, золотые монеты и недавно вошедшие в обращение ассигнации.

Векселя и закладные я сожгла в камине, пусть люди, попавшие в кабалу к этому негодяю, вздохнут свободно. А вот банковские ассигнации и часть золотых монет рассовала по карманам. Жадность, как всегда, подмывала взять больше, но у меня в голове уже созрел план, как распорядиться оставшимся золотом с большей пользой для себя.

Около сотни золотых монет я рассыпала по столу, надеясь, что дворецкий поступит именно так, как я от него ожидала, то есть, возьмёт эти деньги себе. Убийство Салана не оставят без внимания, будет расследование. И разумеется, дворецкий вспомнит ученика из гильдии наёмников, доставившего письмо господину. Только вот незадача, то послание я тоже спалила, зато при обыске у дворецкого обнаружат внушительную сумму денег. И кто тогда окажется под подозрением?

А ещё лучше, если он просто скроется с деньгами. Тогда по его следу направят лучших ищеек королевства и когда поймают, а это лишь вопрос времени, все его свидетельства не будут иметь никакой ценности.

И да, мне ничуть не жаль этого мужика. Он меня не узнал, но я то его вспомнила. Это был подручный Салана, тот самый, что участвовал в моём похищении. Жаль, второй не дожил до этого дня. Кто-то успел достать его раньше меня.

— Ну вот и всё, господин Салан. Пришла пора нам прощаться и теперь уже навсегда, — обратилась я к обвиняемому, наконец осознавшему, что помилования не будет.

Вторая игла вошла в его шею так же легко, как и первая. Глаза Салана мигом остекленели. Всё-таки хороший у меня яд, спасибо Сайясхари.

Дворецкому я сказала, что вернусь через полчаса, его господин к тому времени напишет ответ, а до той поры он велел его не беспокоить.

Меня в очередной раз облили презрением и молча закрыли за мной входную дверь. Я же не стала медлить и припустила к городским воротам, туда, где меня дожидалась моя лошадь. Выплату по старому долгу я получила, в этом городе меня больше ничто не держит.

Напарники ожидали моего появления в небольшой деревеньке, расположенной в паре часов верховой езды от Дархона. Стайка разновозрастных ребятишек, завидев меня, шустро сорвалась с места и помчалась прочь. Не трудно было догадаться, что они побежали к кому-то с докладом.

Я поехала вслед за ними, так как была уверена, что нанимателями окажутся мои друзья, и мысленно похвалила их за сообразительность. Руди и Шарк поступили разумно, потратив несколько медяков на этих сорванцов. Деньги не бог весть какие, а польза от такого вложения очевидна.

Следуя за детьми, я без труда отыскала парней. Судя по их сытому и довольному виду, за время моего отсутствия они успели отобедать и теперь намеревались вздремнуть, расположившись тут же на широких лавках, стоящих у стены.

Деревенский трактир пустовал. Местные в это время были заняты делом, а проезжие, скорее всего, предпочитали засветло доехать до Дархона и потому не задерживались в пути. Наплыв посетителей наверняка начнётся ближе к вечеру, вот тогда здесь яблоку будет негде упасть. Сейчас же в полутёмном зале царили тишина и покой.

При моём появлении ни Руди, ни Шарк даже не дёрнулись. Лишь окинули меня цепкими взглядами из-под полуприкрытых век и, убедившись, что со мной всё в порядке, вернулись к прерванному сну.

Из кухни выглянула конопатая розовощёкая девица. Ойкнула, заметив нового посетителя, и поспешила принять заказ. Проголодаться я не успела, но отказываться от обеда не стала. Никогда не знаешь, что может случиться в пути и когда в следующий раз удастся нормально поесть. Именно непредсказуемость жизни приучила меня наедаться и отсыпаться впрок.

Уже через час мы продолжили путь. Навёрстывая упущенное время, подгоняли коней, чтобы оказаться как можно дальше от принцессы и её сопровождения.

Мы чуть было вновь не столкнулись нос к носу с выскочкой капитаном. К счастью, деревенские мальчишки честно отработывали полученные деньги и вовремя известили нас о прибытии трёх золочёных карет в сопровождении отряда воинов.

Пришлось спешно уносить ноги.

* * *

Следующие два дня прошли без происшествий, а к концу третьего мы въехали в город Бербо — средоточие золотых и серебряных дел мастеров, а также огранщиков драгоценных камней.

Ювелирные лавки занимали центральную часть города. От обилия драгоценностей, выставленных в многочисленных витринах, рябило в глазах. Человеку, впервые увидевшему такое величие, вероятно, сносило крышу, но мы с парнями насмотрелись в жизни всякого, а потому отнеслись спокойно к блеску золота и россыпи драгоценных камней. Все эти богатства были надёжно защищены от грабителей, а о том, чтобы потратить на ненужные побрякушки с трудом заработанные деньги, не могло быть и речи.

— Чего тебя сюда понесло? — нахмурился Шарк. — С нас в этом городе последние штаны снимут.

— Не волнуйся, дружище, мы тут проездом, — ответила я беспечно, придерживая коня возле конторы скупщика. — Вы езжайте дальше, а я загляну на минуту к старому знакомому и скоро вас догоню, даже соскучиться не успеете. Сразу за городом находится поселение литейщиков, ждите меня там. В таверне «Зуб дракона» неплохо кормят и за ночлег денег не берут.

Пришлось умолчать о том, что бесплатный ночлег подразумевает ночь, проведённую на сеновале. Но ведь и мы не какие-нибудь неженки, походными условиями нас не удивишь. Зато получится сэкономить значительную сумму денег, что в нашей ситуации будет не лишним.

Оставив лошадь у коновязи, я отправилась на встречу с прошлым.

Господин Азарлих ничуть не изменился за то время, что мы не виделись. Скупщик узнал меня сразу. И это не удивительно. Люди его профессии, как правило, обладают великолепной памятью на лица.

— Ты?! — его возглас был полон удивления и негодования. Мужчина хищно ощерился, демонстрируя редкие жёлтые зубы. Лысина на его голове мгновенно покрылась испариной.

— Не стоит так волноваться, милейший господин Азарлих, — я нарочито медленно растянула губы в улыбке, старательно пряча клыки. — Я тоже безмерно рада вас видеть. Мне так и не удалось забыть о той исключительной щедрости, что вы продемонстрировали при нашей первой встрече. Жаль, до сегодняшнего дня я не имела возможности отплатить вам за доброту. Но лучше ведь поздно, чем никогда. Не так ли, дорогой друг? Я ведь могу вас так называть?

Мой голос звучал ласково, даже умиротворяюще. Внутренне усмехаясь, я наблюдала за тем, как меняется выражение лица скупщика, как разглаживаются морщины на его лбу, а хищный оскал преобразуется в слащавую улыбку.

Глупец, он и впрямь подумал, что я пришла к нему с благодарностью.

Впрочем, благодарить старого прохиндея было за что. Во-первых, за справедливую цену, которую он назначил за тот изумруд, что я принесла ему на продажу.

А во-вторых, за науку, которую мне преподал посланный господином Азарлихом головорез. Правда, во время обучения мне едва удалось уцелеть, но ведь никто и не обещал, что будет легко.

Молодцеватый парень приятной наружности нагнал меня на выезде из города и как-то незаметно набился в попутчики. В пятнадцать лет я казалась самой себе ужасно взрослой. Внимание молодого человека мне польстило. Между нами завязалась непринуждённая беседа. И когда новый знакомый предложил мне остановиться на ночлег в доме его сестры, я без колебаний согласилась. Стыдно признаться, но в тот миг я подумала о том, что он, быть может, влюбился в меня без памяти и потому решил представить родне, как свою невесту.

Меня не насторожило даже то, что дом его сестры располагался в отдалении от людских поселений. Зато вредная, но чрезвычайно осторожная змеиная сущность, укоренившаяся во мне по воле Сайясахари, без устали жалила меня в то самое место, которое стремилось вовлечь нас в неприятности. Устав от неё отбиваться, я наконец дала себе труд задуматься о том, что же на самом деле нужно от меня этому парню.

Ужасно не хотелось расставаться с розовыми мечтами о семейном счастье, но я стойко выдержала болезненный удар по самолюбию, вынужденно признавая тот факт, что тощий

нескладный подросток, каким я являлась на тот момент, не смог бы заинтересовать столь видного парня, у которого наверняка нет отбоя от девок.

Ещё оставалась надежда, что все его поступки совершаются просто так, по доброте душевной, но даже моя наивность, как выяснилось, имела свои пределы. К тому же местность вокруг становилась всё более дикой и необжитой, что только увеличивало мою подозрительность.

— Далеко ещё до дома твоей сестры? — спросила я мнимого жениха, из последних сил цепляясь за те крохи надежды, что ещё оставались в моём сердце.

— До сестрицы то далеко, — белозубо улыбнулся мне парень, — а вот до нужного нам места мы уже добрались.

Я растерянно огляделась по сторонам. Вокруг нас простирался густой ельник. Исчез даже малейший намёк на тропинку, а я и не заметила этого, глубоко погружённая в свои мысли.

Взгляд моего спутника вмиг сделался холодным и равнодушным.

— Отдашь деньги сама, и я, так и быть, оставлю тебя целой и невредимой, а нет, так не обессудь, убить не убью, но подранки в этом лесу долго не живут.

В этот момент как по заказу вдалеке послышался волчий вой.

Атмосфера этого места подавляла, вселяла в сердце отчаяние и безысходность. И будь я более впечатлительной особой, то без разговоров отдала бы все деньги. Но с этим горе-грабителю не повезло. Я не собиралась расставаться ни со своим имуществом, ни, тем более, с жизнью. К тому же, это были мои последние сбережения. Подростку не так то просто получить выгодный заказ. И даже простые задания с минимальной оплатой в те годы попадались не часто. Я только-только начинала создавать себе имя. Деньги за изумруд должны были помочь мне продержаться на плаву около года и даже чуть больше, если быть очень экономной.

Так что я постаралась задвинуть страх подальше и вытянуть на поверхность злость и негодование. Эти чувства неизменно ослабляли моё человеческое я, и позволяли змеиной сущности брать верх.

В то время я ещё не обзавелась иглами с ядом, а потому пришлось действовать по-старинке. А чтобы отвлечь внимание грабителя, я достала из-за пазухи свёрток с деньгами и отбросила его в сторону.

— Теперь я могу ехать? — уточнила я с той же целью.

На что получила исчерпывающий ответ:

— Не так быстро, малышка. Я ведь должен убедиться в том, что ты меня не обманываешь и в свёртке находится вся сумма, выплаченная тебе Азарлихом.

Услышав эти слова, я поняла, кто навёл на меня грабителя, и мысленно пообещала себе когда-нибудь разобраться со старым мерзавцем, поступившим со мной так подло.

Стараясь не выпускать меня из виду, парень наклонился и поднял свёрток. Всё же ему пришлось ненадолго отвлечься, чтобы пересчитать деньги. Всего на несколько кратких мгновений, которых мне вполне хватило на то, чтобы совершить стремительный бросок прямо из седла.

Моё тело вытянулось в струну, казалось, в нём не осталось ничего человеческого. Внешне я выглядела прежней, за исключением незначительных изменений в виде отросших клыков, удлинившихся когтей и нескольких чешуек на висках, но моё внутреннее состояние было сродни змеиному. Я даже ощущала себя иначе, будто и впрямь сумела полностью

превратиться в чешуйчатого гада.

Полёт продлился недолго. Я свалилась на парня сверху и случайно царапнула отросшими клыками кожу у него на щеке. Честно говоря, я не собиралась кусать негодяя. Думала его оглушить и только. Ради этого зажала в кулаке мешочек с мелкими монетами. Если знать, куда бить, можно с одного удара погрузить человека в бессознательное состояние на довольно продолжительное время, которого мне бы точно хватило на то, чтобы убраться от грабителя подальше.

Когда парень начал оседать на землю, я испугалась, что ненароком его убила, но этот мерзавец оказался живучим и вместо того, чтобы расстаться с жизнью, отделался параличом.

Гораздо позже опытным путём я выяснила, что паралич, вызванный моим ядом, является временным и обычно длится час-полтора, не больше. Так что вполне возможно, что мой несостоявшийся грабитель до сих пор где-то живёт и здравствует. Или до него добрались волки, что тоже не исключено. В любом случае, я поступила с ним именно так, как он собирался поступить со мной. Как говорится, всё по-честному, без обид.

* * *

Скупщика я тоже не собиралась убивать. Наказание ведь должно соответствовать тяжести совершённого преступления, а за попытку ограбления не присуждают смертную казнь.

Судьба сама подсказала мне, что нужно делать.

Для господина Азарлиха я припасла нечто особенное — два великолепных рубина, каждый величиной с ноготь большого пальца. Вместе они создавали идеальную пару, что в разы увеличивало их стоимость. Правда, в дополнение к рубинам прилагалось наложенное на них проклятье, разрушаемое лишь смертью владельца, но об этой маленькой детали я благоразумно решила умолчать.

Надо сказать, что эти камушки попали ко мне совершенно случайно и не стоили мне ровным счётом ничего. Случилось так, что около года назад некая молодая особа наняла меня в телохранители. Бедняжка за короткое время лишилась практически всех своих родных и вполне оправданно начала опасаться за свою жизнь.

Леди Аннет — так звали мою работодательницу, в тот раз очень повезло, причём повезло вдвойне. Мало того, что ей удалось нанять в телохранители девушку, так я к тому же оказалась тем самым существом, что смогло распознать опасность, таящуюся в кроваво-красных рубинах, подаренных ей неизвестным поклонником.

Подарок был вопиюще, недопустимо дорогим, но леди Аннет не нашла в себе сил от него отказаться. К тому же, имя дарителя было ей не известно и кому возвращать подарок, она не знала. Тогда аристократка решила забыть о приличиях и оставить камни себе.

В скором времени она обратилась к мастеру ювелиру, и тот изготовил ей серьги с рубинами. Вот только счастье то украшение ей не принесло. Стоило леди Аннет надеть эти серьги, и тихая скромная девушка превращалась в жестокого и хитроумного убийцу.

Дар Сайясахари вновь проявил себя самым неожиданным образом, и мне не составило труда обнаружить доказательства причастности моей нанимательницы к совершённым преступлениям. Орудия убийства, одежда со следами крови, маски и парики — всё это

хранилось в потайной комнате, оборудованной в её доме не так давно.

В своём обычном состоянии леди Аннет не помнила о существовании этого помещения, зато в изменённом часто использовала его в своих целях.

Оставалось выяснить имя доброжелателя, вознамерившегося известить на корню род леди Аннет, а её саму, скорее всего, передать в руки правосудия.

Злодеем оказался сводный брат девушки. Кровного родства между ними не было, а потому он мог не опасаться за свою жизнь. Зато, будучи усыновлённым отцом Аннет в раннем детстве, лорд Киреан вполне мог стать следующим главой рода. Сводная сестра стояла у него на пути, и он придумал, как от неё избавиться, не вымазавшись по локоть в крови.

Достучаться до сознания леди оказалось не просто. Она не желала верить в то, что брат, которого она нежно любила, мог поступить с ней так мерзко, а больше всего ей не верилось в то, что именно она являлась тем жестоким убийцей, что буквально вырезал всю её родню.

Помню, как леди Аннет плакала и рвала на себе волосы, как долго не могла прийти себя от потрясения. И лишь на третий день она прекратила напрасные метания и застыла в немом оцепенении, с остекленевшим взглядом и бледным лицом. А когда окончательно пришла в себя, подала заявление в магистрат.

Суд признал её невиновной, а истинного виновника произошедшей трагедии приговорил к смертной казни.

В моих услугах более не было нужды. Однако оставалось ещё одно нерешённое дельце, и касалось оно тех самых рубинов. Леди Аннет не желала оставлять их у себя, но и избавиться от зловещего подарка не получалось. Эти камни оказались зачарованы таким образом, что их невозможно было продать, они всё равно возвращались обратно. Заклятье позволяло передать их в качестве дара, но такой ужасной судьбы, какая постигла её, девушка никому не желала.

И тогда я попросила леди Аннет подарить рубины мне, мотивируя это тем, что у меня нет кровной родни, а значит, наложенное на камни проклятье ничем мне не грозит.

Таким образом я оказалась владелицей сокровища, по известной причине не имеющего цены.

* * *

— И как же ты собираешься меня отблагодарить, девочка? — голос скупщика вывел меня из задумчивости.

Я вынула из внутреннего кармана куртки небольшой мешочек с серьгами, развязала стягивающие его завязки и вытряхнула содержимое на столешницу.

Драгоценные камни полыхнули алым огнём, вобрав в себя свет от магического светильника, подвешенного аккуратно над столом господина Азарлиха.

У него тут же перехватило дыхание от вида рубинов.

А я и забыла, насколько могут быть опасными эти камни. У скупщика едва не случился сердечный приступ от одного только взгляда на это кроваво-красное совершенство.

— Сколько ты хочешь за них получить? — спросил господин Азарлих дрогнувшим голосом.

Он протянул над столом руки, но так и не решился дотронуться до камней, словно

опасался, что от его прикосновения они могут исчезнуть.

— Камни не продаются, милейший господин Азарлих.

Лицо скупщика от этих моих слов мгновенно вытянулось и утратило все краски, превращаясь в мертвенно-бледную маску. Я подумала, что не стоит тянуть с разъяснениями, не то Азарлиха и впрямь хватит удар, а в мои планы, как вы помните, не входило его убивать.

— Это подарок, — я многозначительно посмотрела на скупщика и провела пальчиком по одному из рубинов.

Взгляд Азарлиха наполнился безумной надеждой. Мне вдруг стало смешно.

Уверена, в этот момент старый негодяй и сам готов был поверить в собственную добродетель и даже вообразить себя моим благодетелем, лишь бы оказаться достойным подобного дара. И всё же в его скукоженном от скупости сознании возникли определённые сомнения, даже подозрения, но Азарлих поспешил от них отмахнуться, как от назойливой мухи. Желание получить бесценные камни в подарок оказалось столь велико, что напрочь лишило опытного пройдоху способности мыслить здраво.

Скорее всего, он решил, что сумеет выкрутиться из любых проблем, даже если камни окажутся краденными и за ними будет вестись охота. Многолетняя практика обмана и надувательства наложила свой отпечаток на личность Азарлиха. Он привык к тому, что в роли жертвы всегда выступает кто-то другой, но только не он.

Лёгким касанием я подтолкнула серьги в направлении скупщика. Они сдвинулись совсем немного, но ему этого хватило, чтобы истолковать происходящее в свою пользу и накрыть своим телом желанную добычу.

Честно признаюсь, такого я не ожидала, но он и впрямь подмял рубины под себя, вместо того, чтобы просто взять их в руки, как поступил бы всякий здравомыслящий человек. У меня даже возникли сомнения по поводу того, что он когда-нибудь решит их продать. Уж слишком безумным стал его взгляд. Кажется, месть моя оказалась чрезмерной, лишив беднягу рассудка. Пришлось напомнить себе, что лучшей кандидатуры на роль хранителя проклятых рубинов мне не найти. Хотя бы потому, что Азарлих не имеет кровных родственников — в этом я убедилась заранее. А ещё ему даже в голову не придёт безвозмездно передать мой дар кому-то другому.

Довольная тем, как ловко избавилась от кровавых рубинов, я поспешила покинуть лавку скупщика, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Оказавшись на улице, не удержалась от злорадной усмешки. Интересно, как быстро Азарлих поймёт, что с камнями что-то не так? В любом случае, беспокойная жизнь ему теперь обеспечена. Чего я в общем-то и добивалась.

* * *

С делами в Бербо я разобралась довольно быстро. Даже успела нагнать парней, застрывших у оружейной лавки. Заметила их издалека, благо, внутрь зайти они не решились, так и глазели с улицы на выставленные в витрине образцы холодного оружия.

— Я бы с таким арсеналом побоялся выходить из дома без охраны, — глубокомысленно изрёк Шарк, вероятнее всего прикидывая в уме стоимость золота и драгоценных камней, которыми были увешаны изделия местных оружейников.

Руди досадливо сплюнул на землю:

— Баловство всё это и скудоумие. Хорошему клинку никакие украшения не нужны.

— Так и я о том говорю, — охотно поддакнул Шарк, — добра от такого оружия не жди.

Всякого лиходея к себе притянет, замучаешься отбиваться.

Придя к взаимопониманию, парни собрались ехать дальше, и тут я их окликнула.

— Руди, Шарк. Подождите.

Они удивлённо уставились на меня, не ожидая увидеть так скоро, ведь в прошлый раз мне понадобилось гораздо больше времени на улаживание своих дел.

— Не застала знакомого на месте? — осведомился Руди.

— Ну почему же? Застала, — растянула я губы в улыбке.

Парни даже не дрогнули, привыкли за столько то лет к моему оскалу.

— Он хоть живой остался после твоего визита? — хохотнул Шарк.

Я только отмахнулась:

— Да что с ним делается? Старый паук ещё всех нас переживёт. Скупщики — народ живучий.

Больше вопросов мне не задавали. А вскоре мы выехали за городские ворота, и я поехала вперёд, чтобы показать своим спутникам дорогу, ведущую к таверне «Зуб дракона».

Сразу за городскими стенами располагалось целое поселение мастеровых. Все те, кто не дотягивал до гордого звания ювелира или огранщика драгоценных камней, селились здесь.

Особым богатством жители пригорода похвастаться не могли, но и бедняками их не назовёшь. В основном это были люди со средним достатком, достаточно прочно стоящие на ногах.

В таверне «Зуб дракона» ошивались в основном местные, приезжих тут не жаловали, но и не прогоняли. Я же ненароком умудрилась стать тут своей и тоже благодаря дару, полученному от Сайясахари.

А дело было так.

Около года назад я проезжала мимо этих мест. Настроение было превосходным. Закрыв очередной контракт, я возвращалась в столицу, собираясь хорошенько отдохнуть перед тем, как браться за следующий. Заработанных денег должно было хватить надолго. Я уже достигла того уровня известности в среде наёмников, при котором могла позволить себе выбирать только особо прибыльные задания.

Заезжать в Бербо не собиралась — слишком дорого, но вот в пригороде всегда можно было найти кров на одну ночь за разумную цену. Помню, я ещё раздумывала, попроситься ли мне на ночлег к кому-нибудь из местных жителей или всё же попытаться счастья на постоялом дворе, и всё больше склонялась к первому варианту. В хозяйском доме было бы и сытней, и спокойнее.

В небольших поселениях люди с детства были приучены считать каждый медяк и потому охотно пускали на постой одиноких путников, а вот компанией к ним лучше было не соваться, даже на порог не пустят, из страха быть ограбленными.

Я же никогда не встречала отказа. Никто не видел во мне угрозы. Напротив, мой вид почему-то вызывал у всех жалость. Ну как же — такая молоденькая и вынуждена заботиться о себе сама. Нет ни дома, ни семьи, ни защиты. Сиротинушка горемычная, да и только.

Так вот, пока я раздумывала, куда податься, произошло одно событие, определившее мои дальнейшие действия.

К тому времени я успела доехать до середины поселения. Приближалось время вечерней дойки. Хозяйки выходили к воротам, чтобы встретить своих коров с пастбища. Женщины с

любопытством поглядывали на меня, но вступать в разговор не спешили. Это был удобный момент, чтобы обратиться к одной из хозяйшек с просьбой о ночлеге, и я почти на это решилась, но потом передумала, поддавшись на уговоры пустого желудка, и направила лошадь к таверне, которую заметила неподалёку. Там можно было поесть сразу, не дожидаясь, пока вся семья соберётся вечерить.

Неожиданно позади меня послышались громкие крики и ругань.

Резко обернувшись, я увидела, что в мою сторону, раздувая ноздри и бешено вращая глазами, несётся огромный бык. Оглянувшись по сторонам, я поняла, что деваться мне некуда. Ранее распахнутые настежь ворота мгновенно оказались наглухо закрытыми. Сама я легко могла бы спастись, в два счёта перемахнув через ближайшей забор. А вот лошадка моя, к сожалению, оказалась не способна на такие кульбиты. Пришлось бы оставить её посреди улицы на растерзание обезумевшему животному, но для меня это было неприемлемо.

Решение пришлось принимать быстро. Признаюсь, я не была уверена в том, что у меня всё получится, как надо, но попытаться то стоило.

Соскочив с лошади, я понеслась навстречу разъярённому быку. Расстояние между нами стремительно сокращалось. Меня охватил сумасшедший азарт, сердце бешено колотилось в груди, мышцы напряглись. В этот момент я самой себе напоминала сжатую до предела пружину.

И когда до быка оставалось не более десятка шагов, я с мстительным удовлетворением отметила удивление, отразившееся на его морде. Моё поведение явно находилось за гранью бычьего понимания. По его животному разумению, я должна была улепётывать от него со всех ног, оглашая улицу криками ужаса и отчаяния. Вместо этого, я неслась навстречу своей гибели с совершенно дикими глазами и безумной улыбкой на лице.

В бычьих глазах мелькнул первый проблеск сознания. Пелена безумия, охватившая животное, начала спадать, и бык даже попытался притормозить, чтобы избежать столкновения со мной. На этом можно было бы остановиться, но рисковать я не стала и довела задуманное до конца. Кто знает, вдруг у него это лишь временное просветление?

За мгновение до нашего столкновения я резко взметнулась вверх, совершила в воздухе переворот и приземлилась у быка на спине, без промедления вонзая в его толстенную шею подряд три смазанных ядом иглы. Такой туше одной иглы было бы явно маловато, чтобы свалить её с ног, а вот трёх должно было хватить на то, чтобы погрузить этого крепыша в безмятежный сон до самого утра. По крайней мере, я на это очень надеялась.

А бык был хорош. Сидя у него на спине, я смогла по достоинству оценить его габариты. И лишь когда всё закончилось, до меня наконец дошло, как сильно я рисковала, совершая этот безумный поступок. Ясное дело, что гибель такого великолепного производителя мне бы не простили.

К счастью, местные жители не сразу пришли в себя, и у меня было время на то, чтобы убедиться в том, что бык жив. Как и на то, чтобы в случае чего успеть смотаться с места преступления, не дожидаясь, пока гнев толпы обрушится на мою бедную голову.

К слову, усыпить быка у меня так и не вышло, дозы яда для погружения этого красавца в сон всё-таки не хватило. Он всего лишь сделался вялым и заторможенным, но и это его состояние, как я подозревала, скоро должно было пройти. К сожалению, когда это случится, точно сказать не могла, всё же раньше в моей практике не случалось подобных инцидентов, а потому местному пастуху лучше было бы поторопиться и отвести животное в загон, пока существует такая возможность.

Передав животное с рук на руки местному пастуху, я постаралась уверить побелевшего от пережитого волнения парня, что с его подопечным всё будет в порядке. Он не очень то мне поверил, но предъявить мне так ничего и не смог. Бык хоть и выглядел странно, но без сомнения был жив и даже не ранен, а свои иглы я благоразумно спрятала подальше ещё до появления первых свидетелей.

* * *

С тех пор я стала местной знаменитостью. Меня узнавали в лицо и приветствовали, как старую знакомую. А рассказы завсегдаев таверны о том моём поступке с каждым разом обрастали всё новыми подробностями.

Бык, к слову, здравствует и по сей день, только стал смиренным и ласковым точно телёнок, но на его востребованности как производителя это никак не отразилось. Так что претензий ко мне у его хозяина как не было, так и нет. Напротив, он очень доволен, и каждый раз при встрече допытывается, каким таким заклинанием я припечатала эту злобную скотину и нельзя ли проделать то же самое с одним вредным до безобразия, но ужасно породистым жеребцом, которого он прикупил по дешёвке. Я же делаю вид, что вообще не при делах и сама не понимаю, как так вышло. Мне только славы укротительницы домашней скотины не хватало. Это же самый настоящий позор для наёмницы моего уровня. После такого мне вовек не отмыться, а о серьёзных контрактах можно будет позабыть навсегда.

Наше появление в таверне ни для кого не стало неожиданностью. Бербо — город небольшой, а его пригород и того меньше. Не удивительно, что слухи тут разносятся со скоростью лесного пожара.

— Эфа, привет. Как дела? Ты к нам надолго? — неслоь со всех сторон, пока мы с приятелями осматривались, оценивая обстановку.

Одноглазый Эрвин — владелец этого заведения, вышел встречать нас лично. В том, что он искренне рад меня видеть, я даже не сомневалась, ведь каждый мой приезд приносил ему кучу денег.

— Эфа, ящерка моя желтоглазая, — прогудел хозяин таверны густым басом, заключая меня в медвежьи объятия, — ты где так долго пропадала?

Будь мои рёбра менее крепкими, они неминуемо превратились бы в труху под давлением его искренней радости. Этот громила так и не научился соизмерять свои силы с возможностями окружающих его людей. Мне несказанно повезло, что стопроцентным человеком я давно не являлась. Ещё бы длину ног нарастить, а то надоело болтаться между полом и потолком, пока Эрвин самозабвенно наминает мои бока своими ручищами.

— Ну хватит меня тискать, Эрвин, сейчас же отпусти, а то укушу, — произнесла я по возможности грозно и для наглядности продемонстрировала ему острые клыки.

— Ох, детка, ты когда-нибудь уморишь меня своими шуточками, — здоровенный двухметровый мужик в центнер весом расхохотался прямо над моим ухом, отчего я на миг оглохла. — Ты бы лучше не хвасталась своими молочными зубками, дорогая. Народ в таверне бывает разный, не ровен час нарвёшься на какого-нибудь мага, охочего до таких диковинок, как ты, моя юркая змейка.

Я громко фыркнула и, ловко извернувшись, выскользнула-таки из удушающих объятий здоровяка. Его смех вдруг оборвался, а густые брови сдвинулись к переносице.

— Эти двое досаждают тебе, малышка?

Я растерянно оглянулась и увидела стоящих за моей спиной Руди и Шарка. Их лица были напряжены, они явно готовились броситься на мою защиту, но вовремя остановились, поняв, что никто не собирается меня убивать.

— Успокойся, Эрвин, они со мной, — поспешила я с ответом.

С этого громилы станется накинуться на моих приятелей с кулаками. Против него одного они бы несомненно выстояли, но тут присутствовало ещё десятка три желающих набить моим недоброжелателям морду. А это уже совсем другой расклад. К счастью, моего слова оказалось достаточно, чтобы все успокоились.

Да и сам хозяин таверны сразу же потерял интерес к моему сопровождению и задал свой обычный вопрос:

— Ты как, Эфа, сильно голодна? Созывать народ на представление уже сейчас, или сначала велеть подавать ужин?

Созывать народ он собрался, ага. Да все кто хотел прийти, давно уже собрались и ждали только моего появления.

Хитрюга Эрвин заранее знал, что я ему отвечу, но неизменно проявлял заботу о моём самочувствии. Это было приятно, и я не стала обманывать его ожидания.

— Сперва представление, Эрвин, еда — после, — выдала я свой обычный ответ, а потом

добавила: — Но это касается только меня. Руди и Шарка нужно накормить прямо сейчас.

Эрвин довольно заулыбался. Наверняка уже подсчитывал в уме прибыль, которую он получит за сегодняшний вечер. Народу собралось немало. Все сидячие места в таверне были заняты. И только мой столик у окна пустовал. К нему мы и направились. Парни хранили молчание. Они вообще не любили трепаться попусту. Опасности никакой нет, еду сейчас принесут, а всё непонятное скоро прояснится само собой.

Я сбросила сумку на ближайший табурет и с удовольствием потянулась. Нельзя сказать, что дорога давалась мне тяжело, усталости я почти не ощущала, но от долгого сидения в седле затекали все мышцы. Хотелось размяться, выполнить несколько упражнений на гибкость, но не делать же это при всех, тем более, что в мои планы не входило провоцировать местных мужчин на всякие непристойности. Пришлось довольствоваться малым. Я несколько раз крутанула руками вперёд, потом назад, изображая ветряную мельницу, повертела головой в одну сторону, потом в другую и на этом моя подготовка к вечернему представлению была завершена.

Из дорожной сумки я извлекла двенадцать метательных ножей. Их гладкие рукояти идеально ложились в мою ладонь. Любовно проведя кончиками пальцев по острым лезвиям, как всегда ощутила ответную дрожь закалённого металла. Сегодня моей напарницей в представлении выступала Маришка — девица бойкая и непоседливая. Как человек она мне даже нравилась, но как мишень — вызывала глухое раздражение, а всё потому, что не могла стоять смирно. Её постоянно тянуло то нос почесать, то косу на спину перебросить, то подмигнуть кому-то из зрителей.

И всё же именно с этой шустрой девицей мне чаще всего приходилось иметь дело. Она была старшей в семье и не упускала ни единой возможности подработать, чтобы помочь родителям и скопить денег на приданое.

Мне хватило одного взгляда на Маришку, чтобы настроение окончательно испортилось. Если она и дальше будет так вертеться, то может остаться без глаза или без уха, это уж как повезёт. И тогда приданое ей уже не понадобится. Вряд ли кто-то захочет взять в жёны кривую или безухую девицу. Даже старина Эрвин, хоть он и сам одноглазый. А ведь Маришка имела на него виды. Да и он поглядывал на неё благосклонно. Глядишь, и поженятся осенью, если сегодня ничего не случится.

Пришлось приблизиться к девушке вплотную и, глядя в её расширившиеся от ужаса глаза, прошептать:

— Сссзамри на мессте, вертихвосстка, и не дыши, не то мои ножи проткнут тебя насскоссы.

Эффект превзошёл все мои ожидания. Маришка застыла соляным столбом и, кажется, даже забыла, как дышать. Я решила, что за пару минут ничего страшного с ней не случится и, удовлетворённо кивнув своим мыслям, отправилась на позицию.

От стены, где стояла Маришка, до входа в таверну было ровно тридцать шагов. Я заняла своё место и приготовилась метать ножи в намеченную жертву. Эрвин запер дверь на щеколду, чтобы никто случайный не вошёл во время представления, и кивнул Раймоне — второй подавальщице, чтобы та собрала деньги с посетителей.

Раймона быстро пробежалась между столами с оловянной кружкой в руках, куда зрители охотно кидали по серебряку за возможность пощекотать себе нервы.

Маришка по-прежнему не дышала, я же, напротив, вздохнула с облегчением. А затем резко, без предупреждения, один за другим метнула в беззащитную девушку все двенадцать

ножей.

Народ в зале сперва замер и онемел, затем дружно охнул, а потом разразился восторженными криками и аплодисментами. Я тоже была довольна. Вопреки моим опасениям, ножи не принесли девушке никакого физического вреда, воткнувшись в деревянную стену позади живой мишени и обрисовав её силуэт. Всё было кончено в считанные секунды. Можно было и расслабиться, вот только Маришка, вопреки обыкновению, осталась стоять на месте, неподвижная словно статуя, с побелевшим лицом и посиневшими губами.

По моей спине пробежал холодок дурного предчувствия. Я постаралась не паниковать и неспешно направилась к девушке. Привычным движением вынула из стены ножи, попутно ещё раз пересчитав их и убедившись в том, что ни один из них не стал причиной странного состояния Маришки. Я понять не могла, что с ней случилось, но что-то явно было не так.

Никто ничего не заметил. Люди принялись активно обсуждать увиденное, более не обращая внимания ни на меня, ни на девушку, изображавшую жертву. Подавальщицы шустро засновали между столами, разнося еду и напитки. Я же на негнущихся ногах приблизилась к застывшей в оцепенении девушке и провела ладонью у неё перед глазами. Веки Маришки не дрогнули, и сама она не шевельнулась, не сделав даже малейшей попытки отстраниться. Такое поведение выглядело, мягко говоря, ненормальным. Я заглянула в её округлившиеся от ужаса глаза и мгновенно ощутила, как проваливаюсь в их бездонную глубину. Чужое сознание обрушилось на меня подобно урагану: захватило в плен, закружило в водовороте эмоций, сковало страхом и отчаянием.

Я отчётливо понимала, что это не мои чувства, не мои ощущения, но всё равно боялась. Понимала, что это не мои лёгкие горят огнём от нехватки кислорода, не моё сердце бьётся настолько часто, что каждый удар может стать последним, и всё равно холодела от страха. А вслед за страхом во мне всколыхнулась злость, ожидаемо выводя на поверхность мою вторую сущность.

Я со всей силы тряхнула Маришку за плечи и зло прошипела, неотрывно глядя ей в глаза:

— Отомри, бесстолочь, хватит исссзображать исссз ссебя исстукана. Прикассзываю, дышши.

Маришка вдруг дёрнулась, судорожно вздохнула, тут же захлебнулась воздухом, закашлялась и, согнувшись пополам, рухнула на пол. По её щекам потекли крупные слёзы. Она забилась в истерике, привлекая к себе внимание всех присутствующих.

Народ заволновался. Отчего-то все решили, что девушка всё же получила ранение, которое никто из них сразу не заметил, и, скорее всего, смертельное. Иначе с чего бы ей кулем валяться на грязном полу?

Эрвин подскочил к нам одним из первых. Осмотрел Маришку с ног до головы, но следов крови не обнаружил и, кажется, растерялся, не найдя подтверждения своим опасениям. Сзади на него напирала любопытные, того и гляди сядут на шею. Пришлось Эрвину их осадить.

— А ну разойдись по местам, кому говорю, — рявкнул он грозно. — Не на что тут глазеть. Обморочных девиц никогда не видели, что ли?

Люди враз отступили, но рассаживаться по местам не торопились, продолжая топтаться неподалёку. Им хотелось знать, чем всё кончится.

Видя такое безобразие, Эрвин только рукой махнул — не драться же со всеми, да и не

до того ему теперь. В первую очередь нужно решить, что делать с Маришкой. Посылать ли за лекарем? Кто знает, вдруг это не простой обморок?

— Крови нигде не видно, не похоже, что она ранена, — бормотал Эрвин себе под нос, в который раз осматривая Маришку с ног до головы.

Он выглядел собранным и деловитым, как никогда. Глядя на его уверенные движения, слыша его неторопливую речь, никто не заподозрил бы неладное. Я бы тоже поверила в эту показную невозмутимость, если бы не видела его лица. В его чертах отражалось всё что угодно — страх, непонимание, тревога, но вот спокойствия там не было и в помине.

Подхватив девушку на руки, Эрвин понёс её наверх. Я понуро поплелась следом, точно зная, что меня ожидает нелёгкий разговор.

* * *

Второй этаж был полностью хозяйским. Посторонние туда не допускались, ведь Эрвин держал таверну, а не постоялый двор. Хотя, все знали, что при острой необходимости любой желающий может провести ночь у него на сеновале, не заплатив за это даже медяка.

Для меня Эрвин решил сделать исключение и то лишь после того, как мои визиты стали приносить ему прибыль. Так что я прекрасно ориентировалась в его доме и не могла не отметить той странности, что хозяин таверны отнёс Маришку в свою спальню, а не уложил её в одной из свободных комнат, которых тут насчитывалось целых пять штук.

Эрвин делал вид, что не замечает моего молчаливого неодобрения. Он вообще старался меня не замечать, сосредоточившись на укладывании пострадавшей в постель. Действовал он ловко, но в то же время очень осторожно. Девушка, пригревшись в его объятиях, окончательно успокоилась и теперь мирно спала, лишь изредка всхлипывая во сне, как это делают малые дети.

Эрвин долго смотрел на Маришку. Вдалеке от людских взглядов он позволил себе расслабиться: плечи его опустились, спина ссутулилась. Мужчина с силой растёр лицо ладонями и наконец повернулся ко мне.

Я невольно отступила к двери. Просто не ожидала увидеть его таким — усталым и измученным до крайности. Мне показалось, что переживания состарили Эрвина на добрый десяток лет. Даже стало жаль его, но всего лишь на мгновение, а потом я вспомнила, где мы находимся, и гневно зашипела:

— Ах ты, мерссзкий греховодник. Сссобласссзнил бедную девушшшку, сссзараза, а женитьссся и не думаешшшь?

Эрвин, видимо, не ожидал такого напора с моей стороны, посмотрел на меня растерянно и обиженно буркнул в ответ:

— Чего это сразу греховодник? Я уже и разрешение на брак в храме выправил, и платье Маришке купил. Свадьба через неделю.

Тут он снова глянул на, как выяснилось, невесту и окончательно погрузился.

— Только Маришка вот что-то прихворала, даже не знаю, сумеет ли оправиться к сроку.

А до меня вдруг дошло, что Эрвин даже не думает ни в чём меня обвинять. Он вообще никак не связывает всё случившееся со мной. Да и с чего бы ему так думать? Ведь до сегодняшнего дня ничего подобного не случилось.

Это был мой шанс выкрутиться из неприятной ситуации с минимальными потерями.

Пусть это было не совсем честно с моей стороны, но не признаваться же Эрвину в том, что мне каким то чудом дважды удалось воздействовать на сознание его невесты? За такое он точно попытается свернуть мне шею и будет прав. Я бы тоже никому не спустила подобного беззакония в отношении своих близких.

— А может она того? Ждёт ребёночка? — спросила я осторожно и посмотрела в расширившийся от удивления глаз Эрвина самым невинным взглядом из всех возможных.

Мужчина схватился рукой за сердце и начал оседать на пол. К счастью, позади него стояла кровать, и вышло так, что он просто присел возле неё, облокотившись спиной о перину. Да и сознание не потерял окончательно, просто слегка ошалел от такой радостной новости, вот и не устоял на ногах.

Тяжело вздохнув, я полезла во внутренний карман курточки за небольшим пузырьком с нюхательной солью, который всегда держала при себе во время выступлений. Даже странно, что сегодня не пришлось никого приводить в чувство. Впрочем, о чём это я? Один полубоморочный всё-таки нуждался в моей помощи.

Мысленно усмехнувшись, я решительно сунула открытый пузырёк Эрвину под нос. Он ожидаемо дёрнулся, скорчил недовольную гримасу и вроде бы очухался, да видно не до конца, так как слабая попытка встать на ноги, успехом так и не увенчалась.

— Сиди уж, — похлопала я его по плечу, — другой то раз можешь свалиться не так удачно.

Эрвин, как ни странно, меня послушался. По крайней мере, он больше не рвался изображать из себя героя. И когда в дверь постучали, открывать пришлось мне.

Седой дядечка с козлиной бородкой и пронизательным взглядом прозрачно-голубых глаз наверняка и был тем самым лекарем, за которым послали некоторое время назад. В общем и целом он производил благоприятное впечатление:

опрятный вид, подтянутая фигура, отсутствие надменности и высокомерия на лице, свойственные людям его возраста и профессии, когда все окружающие представляются либо детьми неразумными, либо совершеннейшими бездарями.

Я молча посторонилась, пропуская его в комнату, но сама уходить не торопилась. Мало ли какая помощь может здесь понадобиться. От Эрвина сейчас толку всё равно никакого, а все остальные заняты внизу — в таверне сегодня полно посетителей. Вот и выходит, что из подручных остаюсь только я.

— Ну-с, дорогие мои, что тут у вас случилось? Кто больной? — задал вопрос лекарь, переводя взгляд с Маришки на Эрвина.

Меня он в расчёт не брал, так как я, в отличие от этих двоих, уверенно держалась на ногах, а, значит, была ему неинтересна.

* * *

Лекарь хмурился, не понимая, зачем нужно было вытаскивать его из-за стола, лишая возможности спокойно поужинать в кругу семьи, если тут никто не собирается умирать сию же минуту?

Совершенно очевидно, что девушка, лежащая в постели, крепко спит, при этом безмятежно улыбаясь во сне, как может улыбаться только здоровый человек.

Мужчина, примостившийся возле её кровати, хоть и выглядит неважно, но тоже явно не

торопится отправляться к праотцам.

На странную девицу в мужской одежде, открывшую ему дверь, он даже смотреть не стал. У этой точно со здоровьем проблем нет. Его многолетний опыт и небольшой целительский дар позволяли ему безошибочно определять состояние здоровья пациентов.

Лекарь тяжело вздохнул и всё-таки решил приступить к осмотру. Пусть в его услугах тут нет нужды, но не возвращаться же домой с пустыми карманами. Жене к зиме шубу обещал справить, да и внукам гостинцев надо бы послать.

— Невеста моя прихворала, — вдруг выдал слабым голосом одноглазый мужчина и махнул рукой себе за спину. Это простое движение далось ему с большим трудом. Лекарь, видя такое безобразие, недовольно причмокнул губами, он не любил ошибаться в диагнозах. А с этим бедолагой что-то явно было не так. Скорее всего ничего страшного, но теперь осмотр точно не будет пустой тратой времени. Бывали в его практике случаи, когда серьёзная хворь прикидывалась лёгким недомоганием.

Лекарь ухватил предполагаемого больного за запястье и посчитал пульс. Сердце в груди мужчины билось ровно и гулко, будто удары молота по наковальне, да и аура сияла чистым радужным светом.

Здоров, как бык — подтвердил свои догадки лекарь. Только нервный какой-то. С чего бы это? Неужто за невесту так переживает?

— Вы, батенька, чрезвычайно легкомысленно относитесь к своему здоровью, — заметил лекарь ворчливо, собираясь отыгаться на мнимом больном за причинённое беспокойство, и продолжил нравоучительно: — Наверняка потребляете много жирной пищи, да и от хмельного не отказываетесь. Я ведь прав?

Мнимый больной непонимающе моргнул единственным глазом.

Лекарь, не дожидаясь ответа, раскрыл свой чемоданчик и извлёк из него писчие принадлежности и бутылку с мутноватой жидкостью.

— Вот вам мои рекомендации, милейший, — не глядя на пациента, лекарь принялся быстро записывать всё, что говорил. — Станете принимать это лекарство по три глотка перед едой. Жирное и копчёное отныне для вас под запретом, а так же сладкое и мучное. Исполните всё в точности, как я сказал и, глядишь, доживёте до старости.

* * *

Эрвин и до того бывший бледным, теперь и вовсе стал белее снега. Задыхал как-то рвано, тяжело. Я даже испугалась, что мой компаньон скончается сию же минуту, так и не сделав Маришку честной женщиной. И вовсе не потому, что смертельно болен, любое тяжкое недомогание я бы почуяла сразу. Причиной его безвременной кончины станет мнительность и излишняя доверчивость к таким вот проходимцам вроде этого лекаря.

Не спорю, Эрвину не помешает немного поумерить свой аппетит, но ведь можно сказать об этом как-то по-другому, не запугивая его до полусмерти.

Лекарь, видимо, тоже понял, что слегка переборщил и сгустил краски сильнее необходимого. Он слегка нахмурился, затем, отложил писчее перо в сторону и снова полез в свой чемоданчик, на этот раз извлекая из него флакончик с нюхательной солью, который я опознала сразу. Оказалось, Эрвин тоже хорошо запомнил, как он выглядит, и поспешил увернуться от руки лекаря, сующего ему под нос отвратительно пахнущую жидкость.

— Уберите это от меня, — закричал он в лицо лекаря и замахал руками для пущей убедительности.

Старик нахмурился, осуждающе покачал головой и добавил в список рекомендаций полный отказ от спиртного.

Честно признаюсь, после такого я его даже заважала — невиданной храбрости человек. Запретить Эрвину выпивать, отважится далеко не каждый.

Маришку лекарь осматривал мельком. По крайней мере, мне так показалось. Он провёл над её телом ладонями несколько раз, немного задержавшись в районе живота. Похмурился, покусал губы и уверенно заявил:

— Беременность, две недели. Больше ничего сказать не могу. Срок слишком мал, чтобы определить пол ребёнка или увидеть отклонения в его развитии. Навещу вас, пожалуй, через месяц. А на сегодня всё. Будьте добры рассчитаться за мои услуги.

Эрвин, только начавший приходить в себя и даже почти вставший на ноги, вновь рухнул на пол.

— Экий вы, батенька, нервный, — покачал головой лекарь и снова полез в свой саквояж.

Ранним утром мы с парнями спешно покидали гостеприимную таверну одноглазого Эрвина. Я так даже с хозяином прощаться не стала, решив, что после вчерашних событий, будет слишком жестоко будить его ни свет, ни заря. Да и не до меня ему теперь. У него появились заботы поважнее какой-то там наёмницы.

— И куда мы теперь? — поинтересовался Шарк, когда ближе к полудню мы свернули с основной дороги на неприметную тропинку, столь причудливо петляющую между раскидистыми деревьями, что только чудом удавалось передвигаться по ней верхом.

Моего приятеля, вероятно, удивляло то обстоятельство, что на этот раз я не спешила отделаться от их компании.

— Да так, ничего особенного, — отмахнулась я легкомысленно, не забыв соорудить невинную рожицу. — Навестим одну мою знакомую, только и всего. Тут недалеко. Вон за тем перелеском будет ручей. Спустимся вниз по течению, обогнём небольшое озерцо, а там уж рукой подать.

— Ты зубы то нам не заговаривай, — прервал мои словоизлияния Руди. — Говори, что задумала.

— А чего сразу задумала? — возмутилась я вполне искренне. — Я что, не могу просто так, без задней мысли навестить старую подругу?

О том, что подруга действительно была очень старой, можно даже сказать — древней ведьмой, я благоразумно умолчала. Мужчины отчего-то с большим предубеждением относятся к представительницам ведьминского рода-племени, буквально на дух их не переносят. Всё им, дурням себялюбивым кажется, что ведьмы только и мечтают о том, чтобы опоить их приворотным зельем, да привязать к себе покрепче.

Больно надо им такое счастье. Ведьмы и так живут припеваючи и ни одна из них в свой дом мужика не приведёт, просто потому, что слишком ценят они свою свободу.

И в самом деле, что может быть лучше того, чтобы ни перед кем не гнуть спину, никому не подчиняться, всегда самой решать, как жить и что делать? Красота, да и только. Немного напоминает мою жизнь, только мне повезло ещё больше. В отличие от ведьм, я не привязана к определённому месту силы и могу разъезжать по просторам нашего королевства и даже, время от времени, выбираться за его пределы.

— Дафна вам понравится, — как могла, успокоила я парней.

Не то, чтобы они сразу расслабились, но хоть перестали хмуриться и окидывать меня подозрительными взглядами.

В благодарность за это я решила внести некоторую ясность, обозначив цель нашего визита: — Она старенькая уже, помочь бы ей надо. Дров наколоть, крышу подправить, плетень подновить, а то кабаны совсем обнаглели, шастают на её огород как к себе домой, всю землю изрыли своими рылами.

— Ну это мы мигом сделаем, — разулыбался Шарк.

Его мать тоже жила в деревне одна и напрочь отказывалась перебираться к сыну в город. Так что нужды пожилой женщины были ему понятны, как никому другому. Руди тоже не стал возражать. Да и что стоит двум здоровым мужикам пару часов помахать топорами? Разомнутя немного, а заодно и доброе дело сделают. С какой стороны ни глянь, всюду польза.

К слову, Дафна вовсе не походила на ведьму. Это была старушка самого что ни на есть благообразного вида: всегда опрятно одетая, улыбочивая и на редкость приветливая. Ну а то, что жила в отдалении от людей, так и что с того? Мало ли у кого какие причуды?

О второй цели нашего визита я решила умолчать, чтобы лишний раз не нервировать своих спутников.

Дафна встретила нас, как дорогих гостей. Меня всегда удивляло, как только у неё так выходит. В какое бы время к ней не нагрянули визитёры, у неё всегда найдётся, чем их приветить.

Вот и сейчас, Дафна как будто знала заранее, что мы к ней заедем, и успела подготовиться к встрече. А может быть, ей и впрямь было ведомо больше остальных? Кто их этих колдуний разберёт?

Парни хоть и поглядывали на угощение голодными глазами, но с порога на еду набрасываться не стали. И лишь часа через три, управившись не только с дровами, но и с крышей, и даже с плетнём, в полной мере воспользовались хозяйским гостеприимством. Напарились в баньке, окунулись в озерцо, переоделись во всё чистое и, наконец, приступили к трапезе.

Дафна буквально светилась от радости, потчует дорогих гостей. Захаживали то к ней часто, да всё больше по личной нужде, а вот так, чтобы бескорыстно помочь старушке с хозяйством, этого не было никогда.

— Соколики вы мои ясные, ребяташки дорогие, кушайте на здоровьице. Сейчас я вам ещё наливочки подолью, да соленья из подпола достану.

— Ты, мать, не суетись, — Шарк ухватил Дафну за рукав, когда та рванула было за обещанными соленьями. — Наелись мы уже. Теперь отдохнуть бы с дороги.

— Конечно-конечно, — закивала головой ведьма, — пожалуйте за мной, тут вам будет удобно.

Старушка легко взбежала по лесенке, ведущей на второй этаж. Парни далеко не так шустро последовали за ней.

Мы как раз перед их приходом закончили набивать тюфяки свежим сеном, так что отдых у моих спутников выйдет знатный.

Пока Дафна отсутствовала, занимаясь размещением гостей, я перемыла посуду и накрыла стол к чаю.

Пришло время обсудить с хозяйкой истинную цель моего визита. Надеюсь, после этого разговора моя сумка пополнится не только целительными снадобьями, но и тем самым приворотным зельем, которого так боятся мужчины.

К слову, ни я, ни Дафна обычно не одобряем принуждения, признавая право человека на свободу выбора, но тут случай особый. Брак нашей принцессы и чужеземного принца изначально не являлся их собственным выбором. Естественно, будущие супруги не испытывают друг к другу никаких романтических чувств, по крайней мере, пока. Согласитесь, трудно проникнуться мгновенной симпатией к человеку, облик которого имел удовольствие лицезреть лишь на портретах, и о котором не знаешь почти ничего.

Разумеется, существует вероятность, что всё у них сложится, как надо, и супруги, в конце концов, будут счастливы в браке. Но что если всё пойдёт не так? В этом случае на два несчастных человека в мире станет больше. А учитывая их высокое положение и безграничные возможности, не трудно предугадать, что отыгрываться они будут на собственных подданных, делая несчастными всех остальных.

Подумав об этом на досуге, в дороге то всё равно заняться больше нечем, я решила помочь молодым обрести своё счастье, раз уж они всё равно вынуждены оставаться вместе до конца своих дней. А заодно осчастливить жителей Эйкерона и сопредельных с ним государств. Тем более, что мне это почти ничего не будет стоить.

Дафна безоговорочно поддержала мою идею, выдав глубокомысленное — у каждого правила имеются исключения, перед тем как залезть в свой тайник, о котором знали лишь мы двое — она и я.

* * *

После сытного ужина меня тоже потянуло в сон. Готовила Дафна великолепно, можно даже сказать волшебным образом. Не удивительно, что сама она вся такая круглая и гладкая, как спелое яблочко. И вот именно по этой причине я не могла позволить себе часто бывать у неё в гостях. Просто-напросто опасалась за свою фигуру.

Что может быть нелепее толстой розовощёкой наёмницы?

Даже представлять такое не буду, чтобы не появилось желание немедленно распрощаться со всеми теми вкусняшками, что мне удалось впихнуть в себя этим вечером.

Успокаивает лишь то, что месяц, проведённый в пустыне, поможет мне избавиться от всего лишнего. Голодать мы конечно не будем, но и объедаться, как сейчас, не получится.

А Дафна всё не унималась, потчует меня разносолами. Она явно задалась целью меня откормить. Не спорю, когда мы встретились с ней впервые, я действительно имела весьма истощённый вид. Но и тогда моя худоба была не от голода, а от нервов. Я просто вся извелась в попытках противостоять саморазрушению.

И только вмешательство опытной ведьмы помогло мне избавиться от снедавшей меня тоски и уныния. Что и говорить, Дафне тогда пришлось со мной повозиться и потратить немало жизненных сил на то, чтобы уберечь меня от окончательного превращения в чудовище.

Не знаю точно, что она со мной делала, какими заклинаниями опутывала, какими зельями опаивала, но своего добилась. Зов пустыни больше не тревожил меня по ночам, не вплетался тягучей мелодией в мои сны, не вторгался в мой разум причудливыми видениями чуждого мне мира.

Лишь благодаря Дафне, я смогла сохранить себя.

С той поры, не смотря на разницу в возрасте, мы стали подругами, и я старалась по мере сил и возможностей ей помогать. Другой благодарности от меня она всё равно не принимала.

— Шла бы ты спать, — сквозь наваливающуюся дремоту я с трудом различила слова ведьмы.

— Угу, — только и смогла сказать я, когда, пошатываясь, поплелась в свою комнату. Там на ощупь разделась и плюхнулась в постель, мгновенно проваливаясь в блаженный сон. Нигде больше мне не спалось так сладко и безмятежно, как под защитой лесной колдуньи.

* * *

Ранним утром мы снова отправились в путь. И у меня, и у парней было такое ощущение, что покидаем дом родной, настолько тепло встречала и провожала нас Дафна. А ещё она приглашала нас заезжать почаще.

И кто только придумал называть её ведьмой? Ведунья, знахарка, ворожея, лесная колдунья, наконец, но никак не ведьма.

— Я тоже буду скучать по тебе, родная, — не удержалась и всхлипнула я, обнимая её на прощание.

Моим друзьям тоже достались вполне материнские объятия, как и пожелания доброго пути. Уверена, и Руди, и Шарк отныне станут тут частыми гостями. Им ведь, как и мне не хватает в жизни тепла и семейного уюта. Думаю, что и Дафну часто мучает одиночество. Давно нужно было их познакомить, да всё как-то случай не представлялся. Зато теперь всё сошлось одно к одному: и контракт попался выгодный, и домик ведьмы оказался по дороге — мимо ни за что не проедешь. Одним словом — судьба.

* * *

До границы нам оставалось не более двух дней пути по безлюдному тракту. И чем ближе к пустыне, тем реже попадались обжитые места. Земля тут имела пылевую структуру, малопригодную для ведения сельского хозяйства. Во всяком случае, о богатых урожаях речи не шло. Так что люди на окраинных землях селились неохотно и всё больше по берегам рек, чтобы в засушливое лето не иметь проблем с поливом.

Вот и тянулась дорога мимо пустынных равнин. Лишь изредка нам встречались караваны торговцев, ведущих свои дела с Эйкероном. Но таковых было немного. Редко кто отваживался пуститься в долгий опасный путь, даже учитывая колоссальную прибыль, ожидавшую смельчаков по ту сторону пустыни.

Между мной и моими спутниками давным-давно всё было обговорено и теперь мы ехали молча. От нечего делать я принялась размышлять над тем, зачем нашему Величеству понадобилось выдавать единственную дочь за тамошнего принца.

Наши страны хоть и соседствовали друг с другом, но практически не имели общих интересов. Разделявшая наши земли пустыня сделала невозможным не только тесное сотрудничество двух государств, она исключила даже простое человеческое общение. Создавалось впечатление, что мы с эйкеронцами живём в двух разных мирах.

Мне доводилось бывать в Эйкероне. Скажу без утайки — это благословенный край. Мягкий климат, плодородные почвы, обилие водоёмов с пресной водой. А вот народ там ленивый и беспечный, не желающий напрягаться по пустякам вроде обустройства тёплого жилища или создания продуктовых запасов.

И их можно понять.

Когда солнце светит круглый год одинаково жарко, а урожаи таковы, что фрукты и овощи некуда девать — действительно незачем заботиться о завтрашнем дне. Эйкеронцам неведомы такие понятия как голод и холод — наиболее весомые причины, побуждающие людей изо дня в день упорно трудиться.

Основным богатством Эйкерона считались драгоценные камни. Их добыча осуществлялась под строгим контролем со стороны государства, но, насколько мне известно, никто из местных даже не помышлял о незаконном присвоении государственного

имущества. Особенно после череды показательных казней, осуществлённых прилюдно и с особой жестокостью.

А не камушки ли послужили причиной предстоящего союза двух держав? Думается мне, что наше Величество решил подгрести под себя торговлю драгоценными камнями, добываемыми в Эйкероне. И цена, которую ему пришлось заплатить, надо признать, не так высока. Принцессу всё равно нужно было в скором времени пристраивать замуж, а принц Андосион — не худший вариант из возможных. По крайней мере, он молод, в отличие от короля Галиндора. Тот, если мне не изменяет память, уже разменял шестой десяток. К тому же, за годы своего правления он успел сменить трёх жён, а это не лучшая рекомендация для человека, набивающегося в женихи к молоденькой девушке.

— Куда мы теперь? — обратился ко мне с вопросом Руди.

— Как это куда? — удивилась я вполне искренне. — Разве ты забыл, что нас наняли сопровождать принцессу?

— Точно, наняли, но это не помешало тебе всю дорогу проворачивать свои делишки, — ухмыльнулся Шарк.

— Вам тоже никто не запрещал совмещать приятное с полезным, — пожалала я плечами.

Парни опешили. Сразу стало ясно, что мои слова оказались для них полнейшей неожиданностью.

Следующие полчаса мы ехали молча. Наверняка это время понадобилось Руди и Шарку на осознание того, сколько возможностей было упущено ими за прошедшие дни. Ничего, в следующий раз будут умнее.

— Предлагаю сделать остановку, — обратилась я к своим спутникам, когда жара стала нестерпимой.

Полуденное солнце не знало пощады. Самое время укрыться в тени деревьев. Тем более, что впереди показалась знакомая рощица. Протекающий там ручей имел каменистое дно, а вода в нём доходила едва ли до колен, зато она была чистой и приятной на вкус.

Путешествуя столь малочисленным отрядом, можно позволить себе и такую роскошь, как омовение. Вода не только приятно освежит, но и снимет усталость. Да и двухчасовой послеобеденный сон пойдёт нам на пользу.

Спешившись, мы первым делом пополнили запасы питьевой водой. И только после этого принялись устраивать место для отдыха. Костёр разводить не стали, есть всё равно не хотелось, а вот искупались с большим удовольствием. А после укрылись от солнца под навесом, наспех сооруженным моими спутниками из молодой поросли деревьев.

Проснулись ближе к вечеру, отдохнувшими и полными сил. До полного наступления темноты было ещё далеко. А самое главное — полуденная жара уже спала, и ехать верхом теперь будет намного комфортнее, чем днём. Так что самое время продолжить путь.

Пребывая в благодушном настроении, перед тем как уехать, я попросила парней соорудить некое подобие указателя для капитана. Вряд ли он так уж хорошо знает эту местность, чтобы самостоятельно отыскать наилучшее место для стоянки. Так почему бы не помочь человеку, если мне это ничего не будет стоить?

* * *

Ближе к границе с пустыней природа как будто выцветала. Листва на деревьях больше

не радовала глаз сочной изумрудной зеленью. Опалённая солнцем трава пожухла и пожелтела. Иссушающий зной обжигал кожу, затруднял дыхание, заставляя сердце бешено колотиться.

Самое время расслабиться и выпустить на волю змеиную сущность. Ей непременно пришлось бы по вкусу эта оглушительная жара. Однако из дружеской солидарности я вместе со всеми продолжала изнывать от невозможности окунуться в прохладную воду или хотя бы на время укрыться в спасительной тени деревьев. Понимала, что поступаю глупо, ведь в пустыне мне всё равно придётся воспользоваться подарком Сайясахари, но продолжала упорствовать, вызывая недоумение парней.

В приграничное поселение мы въехали на рассвете. Назвать эту сильно разросшуюся деревеньку городом, можно было с большой натяжкой, или обладая богатым воображением, но, тем не менее, на картах нашего королевства она гордо именовалась городом Масада, по названию крепости, рядом с которой в стародавние времена и начали селиться люди.

Направив усталую лошадку по пыльной дороге к знакомому дому, я махнула рукой парням, чтобы ехали следом. Моя обретенная семья не спала, впрочем, как и все обитатели Масада, старающиеся переделать многочисленные дела до наступления полуденной жары.

Встретили меня как всегда радушно. Сразу же окружили своей заботой: стянули с седла, выхватили из рук поклажу, подхватили лошадь под уздцы и увели уставшее животное в тень сарая. Далее меня ожидало непременно омовение, сытный ужин и чистая постель.

Впрочем, моим спутникам уделялось внимания не меньше, на что я, честно говоря, не рассчитывала, ведь прежде мне не доводилось приводить чужаков в этот дом.

Как водится, не обошлось без расспросов.

— Как ты, доченька? Надолго ли к нам? — в перерывах между намывливанием и ополаскиванием меня чистой водой интересовалась матушка Эдна.

Кожа моя покраснелась, усталость постепенно сменялась умиротворением. Ещё бы отведать домашней еды, приготовленной заботливыми руками названной матери, а после проспаться до позднего вечера, возвращая телу необходимую для выполнения следующего шага бодрость.

— Я бы с радостью пожила у вас подольше, матушка, — улыбнулась я искренне, — дом ваш пропитан любовью, в нём тепло и уютно. Да только времени как всегда маловато, задержаться надолго никак не получится.

Эдна горестно повздыхала, и в её расстройстве не было ни капли притворства.

— Всё то ты спешишь куда-то, девочка, — покачала она головой. — Годы идут. Не пора ли тебе остановиться? Самое время задуматься о муже, о детях.

— А я уже задумалась, матушка, — ответила я серьёзно, — даже особняк в столице купила. Вот хочу вас к себе переманить. Дом слишком большой для меня одной и я была бы рада поселиться там вместе с вами. Только ничего не говорите сейчас, — прервала я уже готовые сорваться с губ Эдны возражения. — Для начала приезжайте ко мне в гости, осмотритесь на месте, хорошенько всё обдумайте. Вспомните о том, что у вас есть дети, которым нечего делать в этой глуши, тогда и решайте.

Некоторое время мы молчали. Видно было, что новость о переезде буквально оглушила Эдну, и я страшно переживала о том, как воспримут это известие её родители. Всё-таки пожилым людям гораздо труднее покинуть обжитые места, чем молодым. А потом я вспомнила, что так и не поговорила с названной матерью о своих спутниках. С моей стороны было не очень вежливо приводить их с собой без предупреждения.

— Вы, матушка, не сильно беспокойтесь о моих друзьях, — начала я нерешительно. — Они люди непривередливые — где постелите, там и лягут, что на стол поставите, то и съедят.

Эдна даже руками всплеснула от возмущения, разом выныривая из размышлений.

— Вот уж не ожидала от тебя таких слов, Эфа, — произнесла она с укором, — твои друзья нам всё равно, что родные. Приветим их честь по чести. Дом у нас большой, места всем хватит. Разносолов не обещаю, но и голодными дорогих гостей не оставим.

Губы сами растянулись в улыбке от того, что моя уверенность в этих людях в очередной раз оправдалась. Стало так хорошо на душе, что разом забылись все тревоги и сомнения. Судьба часто бывала ко мне жестока, но и одаривала всегда очень щедро.

* * *

Проснулась я ближе к ночи и сразу же начала собираться.

Темнота за окном уже сгустилась, и значит, пришло время выдвигаться в пустыню. Ещё не известно, как скоро мне удастся договориться с песками, а лошади, хоть и выносливы, но на открытом солнцепёке выдерживают недолго. И чтобы понапрасну не мучить животное, идти придётся пешком, а путь то неблизкий. Пока доберусь до нужного места, уже и солнце взойдёт.

Исходя из этих соображений, я и оделась соответственно. Привычная одежда наёмника была отложена в сторону. Вместо неё я натянула хлопковые штаны и рубашу, а поверх всего длинный шерстяной жилет. Только обувь оставила прежнюю.

Провожали меня всей семьёй. Только Ярика не было дома. Каким то чудом этому охламону удалось поступить на службу в крепость, что в этих местах считалось настоящей удачей. Вот только домашние теперь видели его не часто.

Зато все четыре сестрёнки Ярика были тут как тут. Облепили моих друзей со всех сторон и ни в какую не желали их отпускать. Кажется, пока я отсыпалась, им пришлось тут несладко. Мне ли не знать, что эти белокурые проказницы в состоянии замучить кого угодно. И всё же на предложение парней отправиться вместе со мной, я ответила твёрдым отказом, приказав им немедленно отправляться спать.

Друзья посмотрели на меня с такой благодарностью, что мне с трудом удалось удержаться от смешка. Зато будут знать, как непросто женщине управляться с детьми и хозяйством одновременно.

* * *

Дожди в этих местах случались нечасто, в следствие чего, почва под ногами обрела каменную твёрдость. Идти по ней было удивительно легко, единственное, что досаждало на протяжении всего пути — это мелкие острые камушки, от которых не спасала даже толстая кожаная подошва моих сапожек.

Крепость я старательно обошла стороной. Не потому что опасалась встречи с её обитателями, просто решила не тратить время на пустые разговоры. Жизнь в приграничье не отличалась разнообразием. И каждый новый человек воспринимался местными, как ценный

источник информации. А у меня не было ни малейшего желания всю ночь напролёт развлекать коменданта крепости и его семейство рассказками о столичной жизни. Да и время поджимало, если честно. Через пару-тройку дней сюда должна явиться принцесса со всем своим сопровождением, а у меня ещё ничего не готово к выполнению возложенной на меня миссии.

Ночное небо светилось мириадами звёзд. Их загадочное мерцание, при должном воображении, можно было принять за приветствие. Я так и сделала, помахав им рукой в ответ. Признаюсь, просто не сумела совладать с желанием сотворить маленькую безобидную глупость, пока никто не видит.

Темнота окутывала со всех сторон так плотно, что приходилось двигаться, полагаясь только на внутреннее чутьё. Уж оно то меня никогда не подводило.

И вот, когда мне стало казаться, что этот путь никогда не закончится, а время будет тянуться бесконечно долго, чья-то неведомая рука с силой бросила мне в лицо горсть песка. Я едва успела зажмуриться.

Пустыня злилась на меня за непокорность, а ещё за долгое отсутствие, но всё равно готова была принять глупую блудную дочь в свои жаркие объятия. Я безошибочно истолковала посыл и безбоязненно сделала следующий шаг, сразу же по щиколотку проваливаясь в мягкий песок.

— Ну, здравствуй, родная, — прошептала чуть слышно, чувствуя, как восторг внутри меня смешивается с диким ужасом.

Змеиная сущность рвалась наружу, уверенная в том, что слабому человеческому телу не вынести материнских объятий пустыни. Пришла пора вспомнить, что я — дитя племени змеелюдов и не чужая этому миру.

Опустившись на колени, а затем и распластавшись по мягкому песку, я зажмурилась от удовольствия, чувствуя, как в тело вливается сила: уплотняется кожа, покрываясь гладкой блестящей чешуёй, удлиняются клыки, меняется цвет и разрез глаз, изо рта выстреливает узкий раздвоенный язык, а на кончиках пальцев отрастают острые когти. Меняется и сознание, становясь более хищным. Обостряются все чувства и рефлексy.

Здесь, в пустыне, изменения давались мне легко, практически мгновенно. Причём я полностью контролировала весь процесс преобразования. Ни о какой спонтанности речи не шло. Мне также не требовалось дополнительной встряски, необходимой вдали от этих мест для того, чтобы сработал защитный механизм. Однако, приходилось быть осторожной, ведь желание довести начатое до конца, в песках становилось практически нестерпимым.

Представив, в какое неистовство придёт капитан, обнаружив вместо меня огромную оголодавшую змею, я не удержалась от смеха. Да и остальные вряд ли обрадуются такой компании.

А вот от полуоборота мне никуда не деться. Только так, на время прикинувшись своей, я смогу договориться с пустыней, не принося ей в дар кровавую жертву, как это делают другие проводники.

Эта маленькая уловка, крошечная уступка с моей стороны всегда срабатывала, как надо. Получилось и в этот раз. Пройдя частичную трансформацию, я смогла уловить дыхание жизни там, где, по мнению многих, была лишь пустота. Мне оставалось проложить маршрут так, чтобы по возможности избежать опасности.

Разумеется, полностью обезопасить себя не удастся, и в этом случае нам на помощь придут артефакты, а если не справятся и они, тогда останется полагаться на удачу. Но нам,

наёмникам не привыкать рисковать собственной жизнью. Главное, верить в себя и при любых обстоятельствах не терять присутствия духа.

Я до сих пор помню, как в тот самый первый раз, когда нужда погнала меня обратно в пески, мои внутренности буквально скручивало от страха. Хотелось малодушно отступить, бросить всё и повернуть обратно, но сопровождение каравана оплачивалось очень хорошо, и трудно было устоять перед соблазном одним махом решить все свои проблемы.

А ещё во мне зрело ощущение чего-то большего, чем жажда быстрой наживы. Оно то и вынуждало меня вернуться туда, откуда несколько лет назад не чаяла выбраться живой. Вероятно, я хотела доказать самой себе, что тот побег не был простой удачей, что я и сама чего-то стою в этой жизни.

И пусть я не смогла победить свой страх до конца, но ведь это и не нужно. Только глупцы ничего не боятся и потому гибнут первыми. А я хочу прожить долгую жизнь, не растеряв ни капли из того, что мне отмерено судьбой.

Только бы Её Высочество со своими фрейлинами не доставили нам лишних хлопот. С этими избалованными дамочками вечно что-то идёт не так. Даже многочисленные обитатели пустыни часто ведут себя более разумно, чем изнеженные аристократки.

Надо будет аккуратно подготовить принцессу и её сопровождение к встрече с ранее невиданными ими формами жизни, и заодно провести краткий инструктаж, как ни в коем случае не стоит себя вести при возникновении опасности. А лучше сделать небольшие зарисовки, чтобы девушки имели хоть какое то представление о том, чего им следует ожидать. Хотя, это вряд ли поможет избежать истерик с их стороны.

Признаюсь, я и сама была на грани обморока, когда впервые столкнулась с одним из монстров лицом к лицу. И хорошо, что в тот раз он был один, справились мы с ним быстро, навалившись всем скопом. А потом долго приходили в себя, и делились друг с другом впечатлениями, не веря, что всё случилось на самом деле.

С тех пор я многому научилась и подобные встречи теперь скорее исключение, чем правило, но бдительность терять всё же не стоит.

Существа, населяющие пески, часто выглядят устрашающе. Люди привыкли называть их демонами пустыни, моля богов уберечь от встречи с ними.

Не могу не согласиться с утверждением, что некоторые представители расы демонов способны одним своим видом вызвать остановку сердца даже у здорового человека. Но не стоит их путать с духами пустыни — мелкими, бестелесными существами, обладающими скверным чувством юмора и довольно злобным нравом.

Как ни странно, малявки доставляют караванщикам больше всего хлопот, просто потому, что от них очень много шума. Люди в караване и без того напряжены, а тут ещё эти мелкие пакостники забавы ради налетают со всех сторон и начинают издавать громкие пронзительные звуки, от которых волосы встают дыбом у всех без исключения. Животные так и вовсе становятся неуправляемыми: скидывают седоков и уносятся прочь сломя голову вместе с поклажей.

Ситуация, мягко говоря, не из приятных.

На этот случай я и припасла так называемые глушилки. Эти артефакты хоть и примитивны до крайности, но в некоторых случаях действуют безотказно. Уже не раз они помогали мне избежать крупных неприятностей.

Вспомнив призрачные оторопелые физиономии грокхов — злобных пустынных духов, я радостно оскалилась, предвкушая новую встречу со старыми знакомыми. Каждый раз,

столкнувшись с противодействием их безобразиям, они старались пробить защиту артефактов, но всё без толку. Доходило даже до развоплощения отдельных особей от излишней натуги. Духи просто лопались, как мыльные пузыри, оставляя после себя лишь мерзкую вонь и ничего больше.

Минутное веселье вновь сменилось сосредоточенностью. Я зарылась руками в песок и постаралась уловить биение пульса.

У пустыни тысяча сердец и бьются они не в унисон. Достаточно внимательно к ним прислушаться, чтобы понять, что вот это тревожно колотящееся сердце предупреждает о зарождении бури, а вон то, мерно отсчитывающее удар за ударом, наполнено спокойствием и негой. Усталого путника там точно ожидает оазис с пресной водой.

Сухие колкие удары слышатся в самых гиблых местах. Там нет ни следа воды, хоть пески и напоминают болотную топь. Сделаешь шаг, другой по этому зыбкому покрову и поминай, как звали.

Каждый раз, перед тем как отправиться в путь, я сначала разведывала обстановку. Как истинная женщина, пустыня отличалась редкостным непостоянством. И там, где прежде можно было пройти без опасений, в следующий раз могла поджидать ловушка из зыбучих песков.

Опыт, как говорится, дело наживное. Мне хватило двух переходов через пески, чтобы набраться его под завязку.

Я с трудом вынырнула из транса. Разрывать связь с пустыней гораздо труднее, чем её налаживать. Мать всегда стремится удержать ребёнка подле себя, даже если осознаёт, что ему это только во вред. Но дело сделано, и мне пора отправляться обратно.

— Я вернусь, — пообещала я мысленно напоследок.

Песок заволновался, пошёл мелкой рябью, как озёрная гладь от налетевшего вдруг ветерка. Пригладив его ладонью, я резко поднялась, мгновенно ощутив, как затекли ноги.

Солнце стояло уже высоко. Время близилось к полудню. Пора было возвращаться.

В Змеином храме время будто остановилось. С момента своего появления в этом мире Сайясахари дала себе слово не вести счёт дням и ночам, чтобы не обезуметь от осознания впустую прожитой жизни.

Повелитель расы змеелюдов обошёлся с ней очень жестоко, обрекая свою дочь на долгие годы беспросветного одиночества и поставив практически невыполнимое условие для её возвращения домой.

И всё же Сайясахари не могла не признать справедливость полученного наказания. Она его заслужила и потому не имела права роптать и сетовать на жестокосердие отца. Но это вовсе не означало, что гордая и блистательная принцесса змеелюдов смирилась с участью отверженной. С первых же дней она пыталась вернуться обратно. Для этого ей всего лишь нужно было найти себе замену или, если очень повезёт, дожидаться появления следующего осуждённого змеелюда, по глупости или из честолюбия преступившего законы их расы.

Как это случилось с Тиршазиром — её предшественником на посту стража врат. Сайясахари оказалась для этого отверженного настоящим подарком судьбы, вернее таковой стала её излишняя самонадеянность.

Теперь то шестая наследница Змеиного дома понимала, что действовала необдуманно, чересчур рьяно расчищая себе путь к трону, но уж слишком велик был соблазн стать первой. Четыре брата и сестра преграждали ей путь к безграничной власти. Уничтожить эту преграду казалось легко. И угрызения совести её не мучили, ведь Сайясахари искренне считала себя единственной достойной преемницей своего отца.

Повелитель, к слову, это тоже понимал и часто одаривал младшую дочь благосклонным взглядом. Именно молчаливое одобрение отца и подтолкнуло её к дальнейшим действиям.

Старший брат проиграл поединок первым. Сайясахари не стала его убивать, справедливо рассудив, что мечтательный и слегка рассеянный Дакзахси не доставит ей в будущем проблем. По окончании битвы она ощутила исходящие от

него волны облегчения и радости, ведь отныне его ничто не будет отвлекать от написания стихов и поэм.

Определённо, Дакзахси тяготила роль первого наследника, и он был счастлив от неё избавиться.

Вторым в очереди значился Астрахат. Он был жесток до крайности со всеми, кто имел несчастье уступать ему в силе и ловкости. Будучи змеёншем, Сайясахари часто становилась жертвой его злобных шуток. Оставляя за спиной такого врага было бы крайне неосмотрительно с её стороны, и принцесса без колебаний отправила Астрахата на суд к Великому Змею. Правда, пришлось проявить изворотливость, чтобы одолеть превосходящего по силам противника, но отец всегда говорил, что правитель должен уметь находить выход из любой ситуации.

Вызывать на поединок Иршайясси не пришлось. Старшая сестра была настолько погружена в науку, что, не глядя, подписала отречение и вновь удалилась в свою лабораторию, мгновенно позабыв не только о визите Сайясахари, но и о существовании всего остального мира.

С Кайсухри — стоящим четвёртым в очереди на престол, также не возникло проблем. Всё, что его заботило — это еда и женщины. Этот толстяк был настолько ленивым, что

покидал свои покои только в крайнем случае, в основном по настоянию отца в дни празднования великих торжеств.

О том, чтобы вызвать его на поединок, не могло быть и речи. Кайсухри никогда не отважился бы сразиться с ней в честном бою. На предложение Сайясхари отойти в сторону, он ожидаемо ответил согласием, но при этом не упустил возможности выторговать для себя немалое пожизненное содержание. А жили змеелюды довольно долго. Даже самым слабым из них легко удавалось преодолеть тысячелетний рубеж, находясь в добром здравии.

Для того, чтобы встретиться с четвёртым братом Сиршехуром — пятым в очереди на престол, Сайясхари пришлось проделать долгий путь, поднявшись высоко в горы, туда, где находился Садусский монастырь.

Много лет назад брат ступил на путь служения Великому Змею и вряд ли собирался воспользоваться правом наследования. Однако, Сайясхари решила не рисковать и заручиться его отказом, оформленным в письменном виде и заверенным личной печатью брата. С последним, правда не задалось. Печати на месте не оказалось. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

И вот настал день, когда Сайясхари стала первой и единственной наследницей своего отца. Лёгкость, с которой удалось добиться поставленной цели, вскружила ей голову. Сайясхари возгордилась собой и, как следствие, утратила способность мыслить здраво, вызвав на поединок самого повелителя. Это кратковременное помутнение рассудка стоило ей очень дорого.

Сайясхари часто задавалась вопросом — о чём она только думала, когда собралась сразиться с тем, кто сильнее и умнее её во сто крат? Наслушалась глупая — восхвалений в свой адрес и самонадеянно решила, что отцу пора отправляться на покой, уступив ей — великой и непобедимой, своё место.

Разумеется, у Сайясхари и в мыслях не было убивать отца. Она лишь хотела доказать ему, что он уже стар, а она достаточно взрослая для того, чтобы взять на себя всё бремя власти.

Повелителю хватило трёх секунд, чтобы показать неразумной дочери, насколько она неправа в своих измышлениях.

Теперь то Сайясхари понимала, что повелитель проявил милосердие, сохранив ей — глупой, зарвавшейся девчонке, жизнь и отправив в наказание охранять врата. А ведь мог и убить за дерзость.

— Даю тебе время подумать, Сайясхари, — сказал повелитель дочери перед тем, как проститься, — уверен, одиночество пойдёт тебе на пользу, ведь рядом не будет никого, кто сможет затуманить твой разум льстивыми речами.

Каждый раз, вспоминая тот день, Сайясхари испытывала жгучий стыд и злость на себя. Отец и тут оказался прав. Вдали от придворных лизоблюдов, её разум действительно прояснился. Однако, Сайясхари не была бы собой, если бы стала предаваться стыду и отчаянию вместо того, чтобы искать выход.

И ведь она его нашла. По крайней мере, ей так казалось. Однако, в последний момент судьба решила над ней подшутить, позволив единственной выжившей обращённой ускользнуть из её цепких объятий.

Сайясхари тогда едва не сошла с ума от гнева и бессилия, глядя на то, как рассыпаются в прах её надежды на скорое освобождение. Буйствовала она ровно до тех пор, пока однажды вновь не ощутила присутствие той, что должна была стать ей заменой.

С тех пор девчонка, принявшая кровь Великого Змея, не единожды возвращалась в пустыню, но Сайясхари никак не удавалось приманить её к храму.

И вот обращённая вернулась снова.

Сайясхари поклялась самой себе кровью великого предка, что на этот раз не упустит свой шанс на возвращение домой, чего бы ей это ни стоило. Оставалось придумать, как это сделать, ведь она по-прежнему не могла выйти за пределы храмовых стен. И эта беспомощность злила её невероятно.

* * *

Возвращаясь обратно, я чувствовала себя рождённой заново. Надо отдать ей должное, пустыня не жадничала и щедро делилась силами со своими детьми. Слегка опьянённая впитавшейся в моё тело энергией, я никак не могла заставить себя идти размеренным шагом и весь путь до дома Эдны преодолела бегом, ничуть при этом не запыхавшись. И лишь перед дверью вспомнила о том, что так и не удосужилась вернуть себе человеческий облик. Никого из присутствующих в доме людей мой вид, разумеется, не испугает, но я старалась лишней раз не напоминать приёмной семье о том, насколько сильно я от них отличаюсь.

На этот раз Ярик был дома. Он вырос и возмужал за то время, что мы с ним не виделись, да к тому же обзавёлся низким хрипловатым баском, повергшим меня на мгновение в ступор. Да кто угодно опешил бы от того громогласного возгласа, которым встретил меня мой названный брат.

— Эфа, сестрёнка, наконец-то ты вернулась! — пробасил Ярик, стискивая меня в крепких объятиях.

Я успела порадоваться тому, что последние сутки ничего не ела, в противном случае, у еды не было бы ни единого шанса удержаться внутри моего организма.

— Пуссти, окаянный, задушшиишшшь, — просипела я ему прямо в ухо, мгновенно меняя свой облик.

Тело ожидаемо отреагировало на опасность. И пусть у Ярика и в мыслях не было причинить мне вред, но задыхалась то я по-настоящему.

— Ты чего, сестрёнка? — растерялся Ярик, разжимая объятия и осторожно ставя меня на пол.

— Ссилушшшку ссвою учиссь ссоизмерять, болван, — прошипела я зло и толкнула его в грудь. — И пока не научишшшсся это делать, держиссь от меня подальшшше.

— Ну прости, Эфа, не рассчитал маленько, — чересчур показательно сокрушался брат, отступая в сторону и пропуская меня внутрь дома. — Я так обрадовался твоему появлению, что позабыл, какая ты маленькая и хрупкая, совсем как весенний цветочек.

В глазах парня блеснули озорные смешинки. Весело ему. Ну да ладно. Я ведь тоже соскучилась по этому охламону и тоже безумно рада его видеть.

Хлопнув Ярика по плечу, я весело ему подмигнула и невинно так осведомилась:

— Верно, тяжело тебе приходится, братик. Девушки, небось, обходят тебя десятой дорогой, опасаясь, как бы ты ненароком их не придушил?

— Злая ты, Эфа, — насупился брат, и плечи его поникли.

— Ты чего, обиделся что ли? — теперь уже растерялась я. — Так я же пошутила. Ты вон здоровый какой стал, да за тобой любая побежит, только позови.

— А ему любая не нужна, — встряла в наш разговор Эдна. — Ему дочку коменданта крепости подавай. Совсем, видать, ополоумел от её красоты. Свататься к ней решил, дурень этакий.

Ярик насупился ещё больше, а затем повернулся и вышел вон из дома, оставив слова матери без ответа.

— Ну вот что мне с ним делать? Как уберечь от беды? — Эдна тяжело опустилась на табурет и уткнулась лицом в ладони.

Я присела с ней рядом, не зная, как и чем утешить названную мать. Ярика было жалко. Ясно же, что из его затеи ничего не выйдет. Только упрямства братцу не занимать, уж если он что решил, так вовек не отступится.

— Попробую уговорить его пойти с собой, — неожиданно для самой себя произнесла я вслух то, что первым пришло в голову. И тут же постаралась обосновать своё решение: — Не зря же говорят — с глаз долой, из сердца вон. Месяц туда, ещё месяц обратно, да и в Эйкероне задержаться придётся на какое-то время, пока всё устроится. Глядишь, и позабудет Ярик о дочке коменданта.

Эдна посмотрела на меня покрасневшими глазами. Увидев во взгляде женщины страх, я мысленно отругала себя за неуместное предложение. Это для меня пустыня, всё равно, что дом родной, а люди всегда относились к ней с опаской. К тому же, Ярик в детстве едва не погиб в песках. Не сложно представить, какие чувства пришлось испытать несчастной матери в те дни, когда она считала сына потерянным навсегда.

И всё же не стоит забывать, что с тех пор прошло много лет. Мы с Яриком успели не только вырасти, но и многому научиться. Пустыня, определённо, таит в себе немало опасностей, только и мы с братом не так просты, чтобы попадаться в её ловушки.

— Не стоит огорчаться раньше времени, матушка Эдна, — проговорила я как можно мягче. — К тому же нет никакой гарантии, что Ярик согласится на моё предложение. Вот только и здесь ему житья не будет после того, как он заявит о своих намерениях коменданту. Вы же это не хуже меня понимаете.

— Да как же, откажется он, — проворчала Эдна, украдкой вытирая невыплаканные слёзы. — Кто другой, может, и отказался бы, а этот с самого рождения был неугомонным. Только и забот было, что за ним следить, как бы куда не влез, да шею себе не свернул, проказник. Как дожил до своих лет целёхоньким, ума не приложу.

— Тогда не стану ему ничего предлагать, — заикнулась было я, на что матушка Эдна только рукой махнула.

— Да чего уж там, бери его с собой, девочка. Так то оно всяко лучше будет.

— А спутники мои где? — спохватилась я, когда вопрос с Яриком был решён.

— Так они в крепость отправились, — ответила Эдна. Видно было, что она не меньше меня обрадовалась смене темы разговора. — За тобой посыльного прислали, а ты как с ночи ушла, так и пропала. Вот они и пошли вместо тебя. Посыльный тот сказывал, что прибыла принцесса с сопровождением и сильно разгневалась, что проводника нет на месте.

Я ощутила укол вины из-за того, что Руди и Шарку теперь достанется вместо меня, а потом пришло раздражение. И чего этой принцессочке неймётся? Всё равно раньше завтрашнего утра она вряд ли будет готова продолжить путь.

С такими мыслями я засобиралась в крепость. Надо же идти, выручать парней.

А на пороге столкнулась с Яриком, держащим в руках охапку дров. Он посмотрел на меня с вызовом, вероятно ожидая, что я, так же как мать, стану его просить не делать

глупостей.

— На рассвете выдвигаемся в Эйкерон, — объявила я брату мимоходом, не удержавшись от ехидной ухмылки. Видимое огорчение на его лице от скорой разлуки со мной пролилось бальзамом на душу, и следующие слова я произнесла уже с широкой радостной улыбкой: — Собирайся, ты едешь с нами.

Ярик опешил от таких новостей и бросился за мной вдогонку, растеряв по дороге все дрова.

— Как это с вами? Ты же меня никогда с собой не брала. Запрещала даже смотреть в сторону песков. Это мать тебя попросила? Да нет, она не могла.

Вопросы из Ярика сыпались, будто зерно из прохудившегося мешка. Так он, чего доброго, и в крепость за мной потащится, а ему там делать нечего.

Я резко остановилась и сразу скользнула в сторону, избегая столкновения с братом.

— И чего ты всполошился? — спросила я строго. — Кудахчешь, как курица на насесте. Сказано тебе, собирайся. Заказ у меня нынче выгодный, но и хлопотный не в меру. Ты заработать хочешь или нет?

Брат сперва кивнул, а потом отчаянно замотал головой:

— Я не могу, — сказал он с явным сожалением, — меня со службы не отпустят. И без спросу уйти нельзя, обратно не примут, а то и дезертиром объявят.

— Об этом не волнуйся, — отмахнулась я от его переживаний, как от чего-то несущественного. — Я с комендантом договорюсь. У меня бумага от короля имеется, в которой должностным лицам королевства предписано оказывать мне всяческое содействие.

В том, что комендант будет рад хотя бы на время избавиться от влюблённого парня, я даже не сомневалась. А если поторопится, то успеет и замуж выдать свою красавицу от греха подальше.

О чувствах Ярика я не переживала. Любил бы по-настоящему, не променял бы возможность находиться рядом с возлюбленной на весьма сомнительное удовольствие, каковым я считала переход через пустыню. Вон как у парня глаза засверкали, нет в его взгляде и тени сомнений. Уверена, сейчас он способен думать только о предстоящем приключении.

А вот девушку стало жалко. Впрочем, надо ещё посмотреть на юную прелестницу, вскружившую голову моему брату, чтобы понять, что она из себя представляет. И если раньше я не особенно торопилась, то теперь припустила почти что бегом. План был таков: первым делом принять на себя гнев принцессы, а потом послоняться по крепости в поисках интересующей меня информации.

* * *

Принцесса Ателина пребывала в дурном расположении духа. Двухнедельное путешествие по землям родного королевства превратилось для неё в сущий кошмар. Она не была так уж наивна и предполагала, что каждодневная многочасовая тряска в душной карете, скорее всего, окажется сродни пытке. Но оставалась надежда на частые остановки в пути, сулящие немало удовольствий. Всё-таки ей в сопровождение отрядили лучших представителей королевской гвардии. Даже искушённые в придворном флирте фрейлины растерялись, не зная, кому из воинов отдать предпочтение.

Разумеется, ни о каком распутстве речи не шло. Немного кокетства и несколько украденных поцелуев — вот и все развлечения, которые могли себе позволить девушки из знатных родов. Но даже такой малости они были лишены по вине несносного капитана Роберта Сингера, решительно настроенного выполнить свою миссию в срок. А ведь он ей сначала понравился. Красивый и мужественный, обладающий несомненным авторитетом среди своих подчинённых. В такого легко влюбиться. К счастью, прозрение наступило практически сразу, в первый же день их вынужденного знакомства.

Стоило им выехать за пределы столицы, капитан велел прибавить ход. Из-под копыт лошадей в воздух тут же взметнулось облако пыли. Пришлось спешно закрывать окна и всю дорогу любоваться проплывающим мимо пыльным пейзажем.

А хуже всего то, что упрекнуть Сингера было не в чем. Капитан неукоснительно исполнял все её распоряжения. Первое же требование об остановке было удовлетворено им в кратчайшие сроки. Ателина уже предвкушала небольшой пикник на лоне природы, в каком-нибудь живописном местечке, вроде тех, которыми изобилует королевский парк, но не тут то было.

Едва карета остановилась, принцессе довольно вежливо было предложено прогуляться до ближайших кустов и поскорее возвращаться обратно, если Её Высочество желает провести эту ночь в постели.

Ателина хотела было заупрямиться и потребовать устроить настоящий привал, но, оглядевшись вокруг, поняла, что место для пикника совершенно не подходящее. Ветви колючего кустарника, росшего по обочинам дороги, так и норовили вцепиться в подол дорогого платья. Заросли высокой травы совсем не походили на тот идеально подстриженный зелёный газон, который она привыкла видеть в королевском парке. Стоило сделать с десятков шагов, как пара великолепных шёлковых чулок оказалась разорванной в клочья.

Принцесса мысленно застонала, понимая, что это только начало. Рядом шипели и тихо переругивались фрейлины. Кто-то из девушек так и не смог выбраться из кустарника самостоятельно и охранникам пришлось вызволять несчастных. В результате этой кратковременной остановки все они имели довольно потрёпанный вид: платья местами были порваны, локоны выбились из причёсок, а про чулки и атласные туфельки лучше даже не вспоминать.

— Вы сделали это специально? — обратилась разгневанная принцесса к капитану Сингеру. — Неужели нельзя было найти более подходящее место для остановки?

— Прошу прощения, Ваше Высочество, но тут все места такие, — отвечивал он невозмутимо. — Выбирать особенно не из чего. Или вот такой заросший кустарником лес, или обработанные поля, где нельзя будет укрыться от любопытных глаз, — и словно издеваясь, уточнил: — До ближайшего постоялого двора ещё полдня пути. Прикажете ехать без остановок?

Кулачки Ателины непроизвольно сжались, и только многолетнее воспитание помогло ей сдержаться и не ударить этого самодура, хотя, видят боги, искушение было велико. Зло сверкнув глазами, она подобрала юбки и без посторонней помощи забралась обратно в карету, мысленно обругав капитана такими словами, что даже самой на мгновение стало стыдно.

Следующие две недели Ателина повторяла эти слова с ужасающей регулярностью, так что, в конце концов, перестала укоризненно смотреть на своих фрейлин, время от времени

слыша нечто подобное из их уст.

Зато в Бербо они отыгрались за все свои страдания сполна.

Воспоминания об этой маленькой мести до сих пор грели Ателине душу. Стоило им остановиться на центральной площади города, как девушки высыпали из карет, будто горошины из стручка и разбежались по ювелирным лавкам, коих тут имелось в изрядном количестве.

Призвать проказниц к порядку не представлялось возможным. Капитан Сингер, кажется впервые в жизни, оказался бессилён что-либо сделать. Сперва он и его люди предпринимали неуклюжие попытки собрать всех девушек воедино, но вскоре поняли всю бессмысленность этой затеи и пустили ситуацию на самотёк.

А потом как-то незаметно подкрался вечер, и пришлось задуматься о ночлеге.

Королевские апартаменты в одной из самых шикарных гостиниц Бербо роскошью отделки могли бы поспорить с покоями Ателины во дворце.

Принцесса прекрасно отдохнула, приняла ванну, насладилась изысканной пищей, приготовленной специально для неё, и призадумалась. Она оказалась совершенно не подготовлена к столь длительному путешествию. Её многочисленные наряды годились разве что для светских приёмов и кратковременных выездов на пикник.

Нужно было решать эту проблему в срочном порядке. Девушка понимала, что о пошиве нового гардероба не может идти речи, на это просто нет времени, а значит, придётся покупать готовую одежду. Вот только Ателина понятия не имела, как это делается, ведь у неё с рождения имелся личный портной.

Пригласив к себе фрейлин, принцесса поделилась с ними своими размышлениями и встретила горячий отклик с их стороны. Дело оставалось за малым — уговорить капитана им помочь. И тут Сингер показал себя с неожиданной стороны. Он вдруг сменил маску вежливой надменности на личину заботливого старшего брата и взялся обеспечить своих подопечных всем необходимым.

В результате его кипучей деятельности к полудню следующего дня апартаменты принцессы оказались завалены одеждой и обувью, пригодными для дальних путешествий, в основном мужского фасона.

Торговцы выстроились в очередь, наперебой предлагая свой товар и нахваливая исключительную прочность и надёжность представленных ими вещей.

А потом начались примерки. Никогда принцесса так не веселилась, да и фрейлины были в явном восторге от всего происходящего. К тому же одежда оказалась очень удобной. Для того, чтобы её надеть практически не требовалась помощь служанок, разве что в первый момент, пока девушки сами не разобрались что к чему.

Не известно, чем руководствовался капитан, предлагая девушкам из знатных семей нарядиться в мужскую одежду. Быть может, он хотел пошутить, или в самом деле заботился об их удобстве, но результат поразил его в самое сердце, Ателина могла бы в этом поклясться. Когда в холле гостиницы появились одиннадцать девушек, облачённых в узкие брюки и приталенные курточки, многие постояльцы лишились дара речи.

Находясь в компании единомышленниц, не составляло труда бросить вызов местному обществу. И всё же в глубине души Ателина радовалась тому, что свидетелей её сумасбродства оказалось не так уж много.

К сожалению, на этом веселье и закончилось. Дальнейшее путешествие хоть и не вызывало прежних неудобств, но оставалось скучным до зубовного скрежета. А ближе к

границе стало ещё хуже. Дошло до того, что им — хрупким изнеженным девушкам, было предложено ночевать под открытым небом.

К счастью, капитан озаботился защитой от кровососущих насекомых, а то было бы и вовсе невмоготу.

Передвигались они теперь преимущественно в сумерках, а днём пережидали жару. Удивительно, но Сингеру каким то чудом удавалось находить места для стоянок вблизи водоёмов с проточной водой, что в их положении было очень кстати. Принцесса и сопровождающие её фрейлины, не чинясь, плескались в прохладной воде, смывая пот и усталость, с удовольствием поглощали простую пищу, приготовленную на костре, и вообще походили теперь больше на лесных разбойниц, чем на изысканных придворных дам.

От аристократической бледности не осталось и следа, кожу девушек покрывал ровный золотистый загар, волосы в отсутствие камеристок в лучшем случае были собраны в хвост, а то и вовсе свободно спадали до талии. Те две служанки, что ехали следом за ними в обозе, едва успевали справляться с одеждой, на большее у них не хватало ни сил, ни времени.

В приграничной крепости их появление вызвало настоящий фурор. Комендант никак не мог поверить в то, что перед ним настоящая принцесса. Но, в конце концов, капитану Сингеру удалось его в этом убедить, предъявив грамоту с королевской печатью.

И лишь взглянув на себя в зеркало, Ателина простила коменданту все его сомнения. Только сумасшедший мог бы принять эту вызывающего вида девицу за принцессу.

Так стыдно ей не было никогда в жизни. Никакие тяготы пути не могли служить оправданием столь явному пренебрежению к своей внешности. Ателине захотелось немедленно покинуть негостеприимный форт, сбежать подальше от любопытствующих взглядов и незадаанных вопросов.

И тут выяснилось, что проводника нет на месте. Это стало последней каплей, переполнившей чашу её терпения. Гнев накатил с такой силой, что опалил всех, кто имел несчастье оказаться рядом. Зато менее чем через полчаса Ателине были представлены двое сопровождающих, уверивших Её Высочество в полнейшей готовности выдвигаться в путь на рассвете.

Вот так и вышло, что к тому времени, как в крепости появилась девушка-проводник, принцесса успела остыть и потому благосклонно выслушала доклад наёмницы.

* * *

Мне ещё не доводилось разговаривать с принцессами, а потому я немного нервничала, совсем чуть-чуть. Просто не знала, как моя вторая сущность отреагирует на истерику Её Высочества. А ну как возьмёт и проявится раньше времени?

Это из пустыни принцессе некуда будет деться, а тут она вполне может заартачиться и отказаться от такого проводника. И как тогда быть? Деньги то мы уже потратили.

Заходя в комнату к Её Высочеству, я заранее опустила глаза в пол, чтобы те не отсвечивали янтарным блеском в свете свечей и не пугали мою нанимательницу странной формой зрачка.

Вежливо поклонившись, я со всем возможным почтением произнесла:

— Простите за опоздание, Ваше Высочество. Составление маршрута требует внимательного к себе отношения. Тут важно не ошибиться, а потому спешка недопустима.

Я очень надеялась, что моих объяснений будет достаточно и конфликта удастся избежать, как и дальнейших объяснений. В конце концов, принцессе не должно быть до меня никакого дела, все насущные вопросы я могу обсудить с капитаном. В идеале столь важная особа вообще не должна обращать на меня внимания. Я ведь не из её свиты. Мелкая сошка, временное явление, да просто пыль под ногами. Странно уже то, что Её Высочество вспомнила обо мне на ночь глядя.

— Как зовут тебя, девушка? — послышался нежный переливчатый голосок.

Верно, только таким голосом и должны разговаривать принцессы.

— Меня зовут Эфа, Ваше Высочество, — ответила я, скользнув по принцессе мимолётным взглядом, тут же снова упираясь им в пол.

Уверена, мне удалось скрыть удивление. Принцесса выглядела, мягко говоря, необычно: практически неотличимый от моего наряд, внушающий доверие открытый взгляд синих глаз, слегка тронутая загаром кожа, в беспорядке разбросанная по плечам копна золотистых волос.

Ателина была очень красива и совсем не походила на фарфоровую куклу, какой её изображали на портретах.

— Странное имя, — проговорила она задумчиво. — Ты ведь из этих мест?

— Я сирота, Ваше Высочество, откуда я родом, мне не известно.

— Вот как? — заинтересовалась принцесса. — Откуда же взялись твои умения?

— В школе наёмников обучают и не такому, Ваше Высочество, — ответила я первое, что пришло мне на ум. И ведь ничуть не погрешила против истины. Основы моего мастерства на самом деле были заложены ещё в детстве.

На этом допрос был окончен. Принцесса потеряла ко мне интерес. А я облегчённо перевела дух. Кажется, гроза и на этот раз пронеслась мимо меня.

Зато в крепости ещё витали её отголоски. Сегодня тут было многолюдно. Капитана я увидела сразу. Он о чём-то горячо спорил с комендантом. Видно было, что мужчинам никак не удаётся прийти к соглашению, которое одинаково устроило бы обе стороны. Дело почти дошло до драки. Самым разумным сейчас было не попадаться моему непосредственному начальнику на глаза, но явиться с ещё большим опозданием я не могла, это было бы прямым нарушением контракта.

— Желаю здравствовать, господа военные, — набралась я смелости и всё-таки встряла в чужой разговор.

Мужчины одарили меня раздражёнными взглядами, собираясь послать далеко и надолго, но вдруг рассмотрели, кто перед ними стоит, и оба хищно прищурились.

— Ты то нам и нужна, — заявили они в один голос, а я поняла, что с этой минуты вся их агрессия будет направлена исключительно на меня.

— Эфа, почему ты не предупредила меня о прибытии Её Высочества со свитой? По твоей вине мы оказались не готовы к приёму столь важных гостей, — отчитал меня комендант, протирая вспотевшую лысину огромным платком. Его мундир, вопреки обыкновению, сегодня был застёгнут на все пуговицы, доставляя чересчур полноватому мужчине массу неудобств.

Обвинения были явно не по адресу.

— Я не являюсь королевским вестником, господин комендант, — отрезала я, не желая становиться козлом отпущения.

— Зато вы являетесь нанятым проводником и обязаны были находиться на месте в

момент нашего прибытия, — выдвинул свои претензии капитан.

— Так я и стою перед вами, господин капитан, и даже готова представить вашему вниманию маршрут, проложенный мной через пески. Любой старожил вам скажет, что делать это нужно не ранее, чем за сутки до предполагаемого перехода.

Капитан бросил быстрый взгляд на коменданта и тот кивнул головой, подтверждая мои слова.

— Выдвигаемся на рассвете, — решила я порадовать коменданта, человека, в общем-то, неплохого и, предупреждая возражения капитана, добавила: — Её Высочество уже в курсе.

* * *

Крепость продолжала гудеть, как растревоженный улей. Разделавшись с делами, я отправилась на поиски своих напарников. Их тоже нужно было предупредить о скором отъезде.

По здравому размышлению, после разговора с принцессой Руди и Шарк должны были отправиться обратно в поселение и там дожидаться моего возвращения. Вот только наёмники редко руководствуются здравым смыслом, их тяга к приключениям часто перевешивает доводы рассудка. Так что я практически не сомневалась в том, что мои друзья до сих пор находятся в крепости. Заводят новые знакомства, собирают информацию и потому искать их нужно именно здесь.

Даже с учётом сгустившихся сумерек и царящей вокруг суматохи моя задача не казалась мне трудновыполнимой. Парни легко сходились с людьми, и наверняка уже успели обзавестись друзьями, с которыми и решили скоротать вечерок за кружкой доброго эля.

В крепости я бывала не раз и точно знала, где находится место таких вот сборищ. Там и обнаружилась моя пропажа. Должна признать, парни неплохо проводили время, травя байки из жизни наёмников. Желающих их послушать собралось немало. Я постояла некоторое время в тени, дивясь неуёмной фантазии моих напарников и доверчивости местного населения, а потом немного подалась вперёд, обозначив своё присутствие.

Таилась я больше по привычке, чем из острой необходимости. В крепости меня знали и не удивились бы, начни я отдавать распоряжения наёмникам явно старше и крупнее меня. А всё потому, что проводник в этих местах — личность уважаемая, можно даже сказать, овеянная легендами, и подчиняться его приказам не считается зазорным, даже если проводник этот девушка, едва достигшая совершеннолетия.

Руди и Шарк, как и ожидалось, быстро распрощались с новообретёнными товарищами и отправились вслед за мной, понимая, что пришло время отработать полученные деньги.

А на рассвете королевских гвардейцев ожидал самый настоящий сюрприз. И я даже приплясывала на месте от нетерпения, так хотелось посмотреть на ошарашенные лица мужчин, когда они поймут, что им предстоит научиться ездить на верблюдах, причём в кратчайшие сроки.

Ночью к крепости подогнали целое стадо этих великолепных животных. Люди в близлежащих поселениях занимались разведением верблюдов и неплохо на этом зарабатывали.

Старший погонщик заметил меня и поклонился. Выглядел он весьма довольным, предвкушая выгодную сделку. Наверняка собирался сбыть стадо с рук, вместо того, чтобы отдать животных в наём. Я же считала, что, по меньшей мере, одиннадцать верблюдов стоило выкупить у владельцев с тем, чтобы продать их на рынке в Эйкероне. Всё равно на обратном пути они нам не пригодятся. Этим мы с лихвой окупим аренду остальных животных, которая тоже обойдётся недёшево. Впрочем, меня устроит любой вариант, деньги то всё равно не мои.

Пригнанные верблюды радовали глаз. Шерсть их лоснилась, а горбы были высокими и твёрдыми. Проблем в пути с ними точно не будет. Осталось только уладить вопрос с принцессой и её фрейлинами. В отношении охраны у меня сомнений не было. Парни все молодые, тренированные, на лошадях держатся уверенно, справятся и с верблюдами. А вот с девушками наверняка придётся помучиться, пока до них не дойдёт, что другого способа добраться до Эйкерона всё равно не существует.

Мы с друзьями быстро определились с выбором. Я присмотрела себе спокойную дружелюбную верблюдицу, не самую крупную в стаде, но для меня в самый раз.

Мои напарники и названный брат подобрали себе самцов-четырёхлеток и теперь под руководством погонщиков учились крепить на их спинах сёдла и тюки с поклажей.

Небо уже начинало сереть, когда позади меня, наконец, послышались удивлённые возгласы. Это пожаловал капитан со своими людьми. Я с трудом сдержала улыбку.

— Долго спите, господа, — укоризненно покачала я головой, — а ведь до отъезда нам нужно переделать немало дел.

— Что здесь происходит? — строго спросил капитан, глядя на верблюдов так, словно увидел стаю прожорливых гиен, а не стадо меланхолических животных, пока никак не реагирующих на его окрик.

— Говорите тише, капитан, — вежливо попросила я. — Не стоит тревожить животных громкими возгласами. Им это не нравится. Лучше поскорей рассчитайтесь с владельцем стада, нам ещё предстоит оседлать верблюдов и навьючить на них поклажу, а это, можете мне поверить, процесс не быстрый.

— Правильно ли я понял ситуацию, — уточнил капитан гораздо спокойней, — нам всем предлагается продолжить путь на этих ужасных созданиях?

Он посмотрел на меня с таким подозрением, будто бы ожидал, что под его взглядом я немедленно стушуюсь и признаюсь в том, что глупо пошутила.

— Эти ужасные создания, как вы изволили выразиться, господин капитан, носят гордое звание кораблей пустыни. И мне непонятно ваше к ним пренебрежительное отношение. Верблюд, должна вам заметить, чрезвычайно выносливое животное и к тому же

неприхотливое. А ваши лошади сдохнут в песках самое большое через неделю. Разумнее будет оставить их здесь, на попечение коменданта крепости, как и кареты, и громоздкие сундуки.

— С принцессой будешь объясняться сама, — буркнул капитан в ответ на мою отповедь и отправился торговаться.

Хорошо отомстил, ничего не скажешь. Свалил на меня всё самое трудное. С другой стороны, его тоже можно понять. Мужчина целых две недели промаялся с капризными девицами, после такого у кого хочешь нервы поистреплются.

Тем временем возле крепостных стен образовывался стихийный базар. Это жители соседних поселений постарались не упустить возможность сбыть с рук залежалый товар. Что ни говори, а караваны в этих местах проходят не часто.

Зная это, я с самого начала рассчитывала заготовиться на границе всем необходимым.

В первую очередь нужно было приобрести бурнусы — белые шерстяные плащи с глубокими капюшонами. Они послужат прекрасной защитой и от палящего солнца, и от ночных холодов.

Ещё нам понадобятся кожаные бурдюки, в которых очень удобно перевозить как вино, так и воду. Так же не помешает заготовиться продуктами длительного хранения: сушёными фруктами, вяленым мясом и лепёшками из пресного теста.

Всеми этими соображениями я поделилась с капитаном, который, судя по всему, заключил весьма выгодную сделку с владельцем верблюдов и теперь выглядел вполне довольным жизнью. Я же решила для себя, что коли у него так хорошо получается торговаться, то пусть он и дальше этим занимается. К тому же, вряд ли король поскупился, отправляя любимую дочку в опасное путешествие, а значит, всего у нас будет в достатке.

Обретший душевное спокойствие капитан внимательно выслушал мои пожелания, не высказав при этом ни единого возражения, что меня очень порадовало, как и его дальнейшие действия. Не успела я сделать и пары шагов в сторону крепости, а он уже привлёк своих людей и принялся отдавать им распоряжения.

Тут же в рядах торговцев поднялся немыслимый шум и гвалт. Каждый старался спихнуть свой товар подороже, стараясь при этом не упустить редкую возможность обменять плоды своего труда на звонкую монету.

Мне даже стало жаль капитана. Уж я то хорошо представляла, что его ожидает в ближайший час — настоящее сумасшествие.

Впрочем, благодаря этому мужлану, мне тоже придётся не сладко. Ума не приложу, как убедить хрупких девушек проделать оставшийся путь верхом на верблюдах. Радовало одно, кто-то уже надоумил этих красавиц сменить пышные платья на удобные брюки, хоть это мне не придётся делать.

* * *

Выехали мы спустя два часа, как я и предполагала. Солнце только-только поднялось над линией горизонта. Его лучи приятно согревали кожу и не слепили глаза. К сожалению, вся эта благодать долго не продлится. Скоро небесное светило начнёт палить в полную силу, и тогда всем придётся тяжко, разумеется, исключая меня.

Должна сказать, что переход через пески изначально казался мне плохой идеей.

Существовал ещё и морской путь в Эйкерон. Мне, как существу однозначно сухопутному, были неведомы все опасности, подстерегающие путешественников в океане. Я знала лишь, что времени на это потребуется раза в два больше, да ещё что-то слышала о морской болезни и о штормах, а ещё о рифах и о коварных подводных течениях.

Подумав немного, я вынужденно признала, что король всё же оказался прав, выбрав из двух зол меньшее. После всех тех ужасов, что вспомнились мне о морских путешествиях, пустыня показалась мне самым безопасным местом в мире. Подумаешь, духи немного порезвятся за охранным контуром, да песочек поскрипит на зубах. Всё это сущие мелочи, в сравнении с разбушевавшейся водной стихией.

Разговор с принцессой Ателиной прошёл на удивление легко. Никогда бы не подумала, что аристократка может оказаться настолько вменяемой. Даже стало жаль отдавать такую разумную принцессу чужому правителю.

У меня просто гора упала с плеч, когда Ателина заявила, что сама решит все вопросы с фрейлинами. Я даже сперва не поверила, что так легко отделалась. Создавалось впечатление, что Её Высочество заранее была согласна на что угодно, лишь бы поскорее продолжить путь. Я бы на её месте так не торопилась. По моим расчётам у нас имелось в запасе ещё дней пять, но спорить с нанимателем себе дороже. В таких мелочах лучше сразу соглашаться, чтобы не вызывать лишнее раздражение в свой адрес. Сказали — выезжаем немедленно, значит, молча забираемся в седло и едем.

При виде верблюдов, девушки едва не попадали в обморок, но подхваченные на руки вовремя подоспевшими охранниками, быстро оказались на положенных местах. К слову, сёдла для прекрасных наездниц отличались исключительным удобством. И если не смотреть вниз, то вполне можно представить себя, сидящей в мягком кресле где-нибудь в уютной гостиной королевского дворца.

Верблюды двигались ровно, без тряски. Я видела, как напряжение покидает лица моих спутников, как они расслабляются и даже начинают получать удовольствие от поездки.

Прохладный ветерок доносил до нас пряные запахи диких трав. В преддверии пустыни то тут, то там попадалась чахлая растительность. Удивительно, но именно эти мелкие невзрачные цветы источали дивный аромат, какого не встретишь даже в королевском розарии.

С каждым шагом земля становилась всё более твёрдой, а вскоре на нашем пути стали попадаться первые барханы. Изменения происходили настолько плавно, что незнающему человеку трудно было бы точно определить тот момент, когда мы пересекли границу пустыни, но я почувствовала это сразу, ощутила всей кожей, всем своим существом.

Моя верблюдица не была сцеплена в упряжку с остальными, а потому имела большую свободу передвижений. Слегка ускорившись, я вырвалась немного вперёд, чтобы успеть провести обряд до прибытия остальных.

Спешившись и окунув ладони в песок, я произнесла слова приветствия. Затем зачерпнула горсть песка, омыв им лицо, как родниковой водой и только после этого нанесла на запястье разрез, окропив песок своей кровью.

У ног взметнулся песчаный вихрь и тут же опал, подтверждая данное ранее разрешение на переход.

Я понадеялась, что столь малой жертвы хватит на всех. Но и не будет большой беды, если несколько человек вернуться обратно в крепость. Такое уже бывало. Поэтому я отправила в самый конец связки тех воинов, что, по мнению капитана, были слабее

остальных. На мой взгляд, эти парни выглядели ничем не хуже других, но командиру виднее.

Возглавлял караван капитан. Мужчина покосился на меня с подозрением, но я уже начала к этому привыкать, а потому лишь мазнула по нему взглядом, пропуская вперёд.

Сейчас я исполняла роль стража на границе, постоянно прислушиваясь к своим ощущениям. Нужно было вовремя перерезать верёвку, как только почувствую, что последний допущенный переступил черту. Мне ни к чему лишние жертвы.

Вот проехала принцесса, за ней потянулась вереница фрейлин. Следом за девушками ехали мои напарники, уж их-то я точно не собиралась отправлять обратно.

Пока всё шло нормально. А вот и Ярик освещает мир белозубой улыбкой. И чему только радуется, дитяtko великовозрастное? Можно подумать, ему тут мёдом намазано. Забыл уже, как едва не погиб в этих песках восемь лет назад.

Как только верблюд Ярика переступил границу пустыни, я поняла, какую непростительную ошибку совершила. Что же я наделала, глупая? Не вспомнила о том, что упорно твердили предчувствия.

Заметив, как у Ярика вертикально вытянулся зрачок, я забыла, как дышать. Моё лицо не дрогнуло, лишь сердце забилось учащённо, но, слава Всемиловитой, никто не догадался, что я чем-то встревожена. Нельзя в начале пути показывать свою слабость. Авторитет проводника должен оставаться неизменно высоким на протяжении всего маршрута. Это вопрос выживания, а не гордыни, как может показаться не сведущим в этих делах людям.

Мимо меня чинно шествовали верблюды с наездниками, а я всё старалась понять, как меня угораздило вляпаться в это дерьмо, и как я буду оправдываться перед Эдной, за то, что сделала с её сыном. И не важно, что восемь лет назад эта вынужденная мера спасла её мальчику жизнь. Для матери будет иметь значение только нынешняя угроза его потерять.

Честно говоря, я и сама успела забыть о том, как делилась с Яриком своей кровью. Он тогда умирал у меня на руках от жажды и истощения. Иного варианта его спасти просто не существовало.

Я искала себе оправдания и, как ни странно, легко их находила. Повторись та ситуация сейчас, я поступила бы точно так же. И кто знает, быть может, изменения у Ярика начались уже давно? Просто никто их не замечал. Определённо, пустыня не лучшее место для укрощения второй сущности, но ведь у Ярика она пока не проявилась в полную силу. Всё же меня Сайясахари накачивала своей кровью почти месяц, а Ярику досталось лишь несколько глотков, да и то не от истинного змеелюда, а от новообращённого.

Напряжение потихоньку отпускало, я даже позволила себе вымученную улыбку, когда последний верблюд переступил невидимую границу. Пустыня оказалась настолько милостива, что пропустила нас всех. Хоть в этом мне повезло.

Моя верблюдица быстро обогнала медленно плетущийся караван и гордо зашагала впереди всех. Ближайшие часы обещали быть спокойными. Единственное неудобство — это палящее солнце, но с этим придётся смириться. Ближе к полудню мы достигнем развалин древнего замка, где и переждём самую страшную жару.

Правда, развалинами этот каменный исполин можно было назвать лишь условно. Мощные стены, сложенные из жёлтого песчаника прекрасно сохранились до наших дней, кое-где над ними имелась даже крыша. Думаю, в глубокой древности граница пустыни проходила много южнее, но с каждым годом пески потихоньку отвоёвывали всё новые пространства, вынуждая людей (или нелюдей) покидать обжитые места.

Придержав верблюдицу, я поравнялась с капитаном и поделилась с ним дальнейшими

планами. На его лице промелькнуло облегчение. Я же недовольно поджала губы. Он уже сейчас мечтает об отдыхе, а ведь это только начало пути. И чего в таком случае ожидать от остальных?

Караван петлял между барханами. Мужчины выглядели вялыми, часто прикладывались к бурдюкам с водой. Я лишь понадеялась на то, что никому из них не придёт в голову выпить вина, но проверять стала, не маленькие уже, обойдутся без няньки. Да и вряд ли в королевской гвардии служат идиоты, не ведающие о том, насколько опасен алкоголь на такой жаре.

Зато девушки меня порадовали. Они вполне освоились на верблюдах и теперь с любопытством оглядывали окрестности с высоты полутора метров. Жаль, пустыня не отличается разнообразием и очень скоро монотонный пейзаж начнёт навевать на них скуку. Вот тогда и хлынет поток жалоб на жару и усталость. Хорошо, что я в любой момент могу отъехать подальше, предоставив другим разбираться с их капризами.

Старинная крепость уже показалась на горизонте, но её близость была обманчива, а потому я не стала указывать на неё остальным. Пройдёт не менее часа, прежде чем мы сможем укрыться под защитой древних стен.

— Смотрите, там впереди чудесный замок, — раздался чей-то радостный возглас. — А я была уверена, что в пустыне никто не живёт.

Я оглянулась посмотреть, кто это там такой глазастый. Оказалось, одна из фрейлин. Ни разу не слышала, чтобы к девушкам обращались по именам. Интересно, а сама принцесса знает, как их зовут?

— Не говори глупостей, Мелани, — тут же развеяла мои сомнения принцесса. — Всем известно, что в пустыне живут племена кочевников.

— Вы как всегда правы, Ваше Высочество, но ведь перед нами настоящий замок. Наверняка там живёт какой-нибудь опальный лорд. Кому бы ещё пришло в голову поселиться в таком месте? — продолжила щебетать воодушевлённая до крайности девушка. Даже жаль было разочаровывать эту романтически настроенную глупышку.

— Думаю, наш проводник не оставит нас в неведении и подробно расскажет об этом замке и его обитателях, — уверенно заявила принцесса, не обращая ко мне напрямую, но тем не менее не оставив мне ни единой возможности проигнорировать её слова.

— Рассказ получится недолгим, Ваше Высочество, — я замедлилась, чтобы поравняться с принцессой, и продолжила: — Крепость давно заброшена. Её история канула в лету. Однако, существует предание о некогда населявших эту землю змеелюдах. Имея каплю воображения, легко предположить, что один из представителей этой древней расы и являлся владельцем крепости и прилегавших к ней земель. Принято считать, что племена кочевников несут в себе каплю древней крови и потому легко переносят суровый климат этих мест. Но, повторяюсь, это только предположение, хотя я склонна ему верить.

— И почему же? — заинтересовалась принцесса, да и все прочие наострили уши. Наш разговор заинтересовал всех, кто находился поблизости и мог слышать мой рассказ.

Ярик тут же расплылся в предвкушающей улыбке. Даже мои напарники не сдержали широких ухмылок. Они точно знали, каким будет мой ответ.

— Потому что во мне тоже имеется капля древней крови, Ваше Высочество, — ответила я, скромно потупившись. А когда подняла взгляд на принцессу, мои глаза уже имели цвет расплавленного золота, разделённого надвое чёрточкой зрачка.

Позволив Ателине вдоволь налюбоваться собой, я окинула взглядом фрейлин.

Даже такой малости хватило, чтобы повергнуть девушек в шок. Надеюсь, впечатлений им хватит надолго. К тому же, этой демонстрацией я преследовала ещё одну цель. Вскоре мне придётся обращаться к змеиной сущности, так пусть мои подопечные заранее привыкают к тому, что им достался не совсем обычный проводник.

* * *

До крепости оставалось рукой подать. Люди как обычно нервничали перед встречей с неизвестным, и животным передавалось их волнение. Караван вместо того, чтобы замедлиться, уверенно набирал ход, как будто намеревался взять приступом каменную твердыню.

Подобная ретивость не привела бы ни к чему хорошему, и я обратилась к капитану с просьбой отвести караван в сторону и остановиться в некотором отдалении от крепостных стен.

— Что ты задумала? — спросил Сингер настороженно.

То ли волнуется за меня, то ли по-прежнему не доверяет. Кто его разберёт? Да это и не важно. Главное, заставить его беспрекословно выполнять все мои требования, ведь они продиктованы необходимостью, а не моим желанием самоутвердиться.

— Прежде, чем заводить людей внутрь, капитан, — объяснила я ему, как маленькому, — нужно проверить, не притаились ли в тени каменных стен хищные твари. Постараюсь сделать это быстро, но вы всё же попридержите людей, чтобы никто из них не сунулся следом за мной.

— Я иду с тобой, — заявил капитан, упрямо вздёргивая подбородок.

Вот ещё выискался на мою голову защитничек. Не хотелось тратить драгоценное время на уговоры. Я даже зубами скрипнула от досады.

К счастью, его верблюд находился в связке с другими, да к тому же шёл первым. В связи с этим заявление капитана вызвало у меня лишь улыбку — свободой передвижения тут обладала только я. Так и захотелось показать несносному вояке язык, но я удержалась и, с трудом сохраняя серьёзное выражение лица, произнесла:

— Не стоит геройствовать, капитан. Сейчас в этом нет необходимости. Моей жизни ничто не угрожает. Я знаю крепость, как свои пять пальцев и сумею вовремя обнаружить угрозу. Вам не о чем волноваться.

Капитану ничего не оставалось, как принять мои доводы и с мрачной решимостью направить своего верблюда, а за ним и весь караван в сторону от крепости. А я вдруг испытала лёгкое разочарование. Мог бы подольше посопротивляться.

Хотя, о чём это я?

Мысленно отвесив себе оплеуху, я повторила раз десять, что не нуждаюсь ни в каком защитнике. Уж сколько раз учила меня жизнь, что полагаться нужно только на свои силы, а я всё никак не усвою урок. Бестолочь, да и только.

Стреножив свою верблюдицу, я скользнула в широкий проём, разделяющий крепостную стену. Все лишние мысли тут же повывлетали из головы. Не смотря на все мои уверения, опасность всё же существовала. Пустыня не так безжизненна, как может показаться на первый взгляд. Здесь обитают не только всякого рода зловередные сущности, но и вполне реальные хищники — большие и маленькие. И это ещё вопрос, которые из них представляют

наибольшую угрозу для человека.

К слову, небольшие, но весьма кровожадные малютки — сацейхи любили селиться именно в таких вот местах. Перепады дневной и ночной температур способствовали образованию влаги на камнях. Этим жалким крох сацейхам хватало, чтобы прекрасно себя чувствовать в жарком климате. А уж если удавалось напиться чьей-то крови, то они начинали размножаться с безумной скоростью.

К счастью, охотились сацейхи только ночью, так что можно было не брать их в расчёт, к вечеру мы уже будем далеко отсюда.

Зато вот эти следы с отпечатками длинных когтей игнорировать точно не стоит. Тарако — опасный противник. Этот ящер одним ударом хвоста может переломать ноги верблюду и после сожрать его живьём. Идеальный убийца. Интересно, каким ветром его сюда занесло? Обычно такие крупные хищники обитают северо-восточнее наших земель.

— Забыл спросить у тебя разрешение на переселение, — проворчала я себе под нос, ловко взбираясь на каменный выступ, чтобы иметь хоть какое-то преимущество, раз уж придётся сразиться с превосходящим по силе противником. Знать бы ещё, в каком укромном уголке эта кровожадная скотина изволит пережидать дневную жару.

Следы вели напрямик в главное здание. Его Хищному Величеству, видать, не пристало обитать в жилище для прислуги. Да это и к лучшему. Не придётся искать место для манёвра. Не редко, в таких вот неравных схватках, удачный прыжок с переворотом или способность быстро бегать становятся единственным шансом на спасение. А в тесном пространстве такое попросту невозможно повернуть.

Тарако обнаружился практически сразу. Он действительно был огромным, а потому не суетился, наверняка учуяв меня задолго до того, как я обнаружила во дворе его следы. Сидел гад на месте и спокойно дожидался, пока добыча сама заползёт ему в пасть. Вероятно, ночная охота оказалась для него удачной. Пузо чудовища раздулось и выпирало с боков. К сожалению, это обстоятельство не делало его неповоротливым.

У меня появилось навязчивое желание, позвать на помощь. Как-то боязно было вступать в смертельную схватку, имея лишь крохотный шанс на победу. Даже если мой яд и способен причинить вред этому гиганту, то пока непонятно, как следует его травить. Мои иглы просто обломаются о такую броню. Вот если бы как-то исхитриться и воткнуть их ему прямо в пасть, определённо, это сильно облегчило бы мне жизнь.

На дрожащих ногах я двинулась вперёд. Тарако лежал на дне импровизированного бассейна, расположенного в центре огромного зала. Вероятно, когда-то в древности тут плескалась вода, теперь же углубление в полу было засыпано песком.

Страх сковал мои мышцы, но лишь на мгновение, пока верх над человеком не взяла змеиная сущность. Бывают в жизни ситуации, когда следует довериться звериным инстинктам, отключив голос разума. Что я и сделала сейчас, перед лицом серьёзной опасности.

Любой наёмник скажет вам, что нападать на более сильного противника лучше всего сзади, чтобы обеспечить себе хоть какое-то преимущество, но в случае с тарако это правило не действовало. К нему бесполезно подкрадываться сзади, или сбоку. У этой твари отличный слух, а ещё тарако виртуозно управляет своим хвостом. Один щелчок и ты у него в пасти.

Так что самое верное — это атака лоб в лоб.

Я обошла бассейн по кругу, занимая наиболее выгодную для себя позицию.

Тарако не шевелился.

Уверена, всё это время он потешался надо мной, считая непроходимой тупицей. Да я и сама была о себе не лучшего мнения. Мне бы следовало бежать отсюда сломя голову, признаваться в своей неспособности продолжать путь, разрывать контракт, в общем, делать, что угодно, но только не ввязываться в эту авантюру.

Если бы я могла, я бы так и поступила, но дело в том, что у меня попросту не было выбора.

Этот идеальный убийца не станет довольствоваться той скудной пищей, что может предоставить ему пустыня. Раз уж он добрался до этих мест, то наверняка двинется дальше, к человеческим поселениям. Его конечно остановят, но далеко не сразу. Прежде он успеет натворить немало бед. И кто знает, не станет ли его следующей жертвой кто-то из близких мне людей, тот, кого я успела полюбить всем сердцем и за кого готова пожертвовать жизнью?

Противник наконец занервничал. Моё поведение его явно озадачивало. Уверена, прежде никто не решался на него нападать. Вряд ли он мог представить, что такое вообще возможно.

Тарако дёрнул кончиком хвоста. И пусть морда его оставалась бесстрашной, а взгляд слегка затуманенным, меня не обманывало это показное безразличие.

В одной руке я зажимала духовую трубку, в другой держала отравленную иглу. Перед тем, как сделать решительный шаг навстречу своему кошмару, одним отточенным движением я вогнула иглу в трубку и рванулась вперёд. Хищник дёрнулся, инстинктивно раззявив пасть. Не мешкая ни секунды, я дунула, что есть мочи.

Тарако ещё пытался развернуться ко мне боком, а мой яд уже проникал в его кровь через отверстие в языке. Игла вошла точнёхонько в цель — в середину мясистого отростка, раздвоенного на конце, как у всех рептилоидов.

Однако, праздновать победу я не торопилась. Грозный хищник не желал так просто сдаваться. А быть может, он так и не понял, что для него всё уже кончено. Даже если мой яд его не убьёт, то уж точно обездвижит на какое-то время, надеюсь достаточное для того, чтобы отточенная сталь моих клинков довершила дело.

Челюсть тарако щёлкнула в паре сантиметров от моих ног. Мне с трудом удалось увернуться и отпрыгнуть в сторону. Игла под давлением вошла глубже, причиняя рептилии невыносимую боль. Чудовище затрясло головой, завертелось на месте. По пустынному залу разнёсся оглушительный рёв, многократно отражаясь от каменных стен.

Только чудом мне удалось избежать смертоносного удара хвоста тарако. В эту минуту я окончательно простила мастеру Дагги все его прегрешения, потому что только благодаря его выучке, сегодня я осталась живой. Правда обнаружила себя, сидящей на одном из каменных уступов метрах в пяти от пола и что самое странное, никак не могла вспомнить, каким образом тут очутилась.

Тарако тем временем затих, но я не торопилась покидать безопасное место. А вдруг он притворяется? Не хотелось бы пережить подобное потрясение дважды за такое короткое время. Не придумав ничего лучше, я принялась метать в неподвижную тушу кинжалы. И лишь проткнув чудовищу один глаз, убедилась в его окончательной гибели.

Мышцы разом ослабли, и я едва не свалилась вниз с немаленькой такой высоты. Только ушибов и синяков мне сейчас не хватало.

Снаружи послышался топот ног. Песок приглушал звуки шагов, но с моим чутким слухом мне не составило труда догадаться, что скоро у нас с тарако появится компания.

Пришлось сделать над собой усилие, дабы предстать перед подопечными в более презентабельном виде и с геройской миной на лице. Я ведь только что в одиночку справилась с одним из самых опасных хищников мира. Ай да я, ай да молодец!

Соскочив с пятиметровой высоты, я в одно мгновение оказалась стоящей над поверженным гигантом. Капитан, а с ним и десяток воинов застали меня в тот момент, когда я вытягивала из глаза таракко свой кинжал. Честное слово, выражение их лиц стоило того, чтобы пережить весь этот кошмар ещё как минимум пару раз.

Капитан в несколько шагов преодолел разделяющее нас расстояние и схватил меня за плечи, а потом тряхнул с такой силой, что у меня клацнули зубы.

— И это ты называешь отсутствием угрозы? — спросил он зло, кивком головы указывая на таракко. — Глупая девчонка. Выпороть бы тебя хорошенько, чтобы впредь неповадно было лезть вперёд мужчин.

А мужчины тем временем окружили нас плотным кольцом и настороженно оглядывались по сторонам. В принципе, действовали они верно. Здание до конца не проверено, а значит, угроза нападения всё ещё существует. Вот только мне было известно, что наличие в этих стенах таракко полностью исключало присутствие других хищников. Иначе я не вела бы себя так беспечно.

Но откуда королевским гвардейцам, проведшим большую часть жизни в столице, об этом знать? Так что пусть ребята посуетятся, проявят бдительность и докажут свою полезность. Может, будет не так обидно, что не они завалили этого монстра.

— Не стоит горячиться, капитан, — сказала я миролюбиво. — Всё равно эта тварюшка была вам не по зубам. Если не верите мне, попробуйте проткнуть его броню своими мечами. Только сильно не усердствуйте, не то останетесь без оружия, а оно вам ещё пригодится.

Разумеется, мужчины тут же принялись тыкать в таракко остриями мечей, и конечно же, безуспешно. На толстой чешуйчатой броне даже царапин не осталось. Растерянность, отразившаяся на их лицах, свидетельствовала о правдивости моего утверждения.

Тут уж и капитан не выдержал. Лично решил попытаться проткнуть чудовище мечом. Ради этого он даже выпустил меня из захвата. Я скромненько отошла в сторону, давая мужчинам выпустить пар. Пусть срывают свою злость на таракко, ему уже всё равно.

Довольно скоро злость воинов переросла в азарт, быстро сменившийся непониманием.

— И как же ты его одолела? — наконец обратился ко мне с мучающим всех вопросом капитан.

Я пожала плечами, как бы спрашивая — да что в этом сложного? А потом ткнула мыском сапога чудовище в челюсть с выпирающими клыками и ответила:

— Разгадка кроется там внутри. Сумеете разжать его челюсти, сами всё поймёте. Только руками ничего не хватайте, если конечно хотите дожить до старости. И ещё одно, — сказала я, стоя уже у выхода из зала, — впредь попрошу исполнять мои

приказы в точности. Я ваш проводник и отвечаю за вашу безопасность. Появись вы минутой раньше, и исход битвы был бы другим. Я ничуть не сомневаюсь в вашей воинской доблести, господа, однако незнание местных реалий делает вас лёгкой добычей даже для менее опасных созданий, чем то, что лежит перед вами.

Выйдя наружу, я направилась напрямик к каравану, вынужденному дожидаться нашего возвращения под палящими лучами полуденного солнца.

Увидев меня, Руди и Шарк перевели дух, моё долгое отсутствие явно начало их напрягать. Вот с кого королевским гвардейцам следовало брать пример, так это с моих напарников. Вопреки расхожему мнению, с дисциплиной у наёмников строго. Один раз послушался приказа и больше в команду тебя не возьмут.

А Ярик, кажется, и не понял, что что-то идёт не так, и даже не думал волноваться. Этот охламон свято верил в мою неуязвимость. Мальчишка, что с него возьмёшь?

Он радостно мне улыбнулся и помахал рукой, не прерывая разговор с принцессой. Кажется, мой братец снова увлёкся не той девушкой.

— Как всё прошло? — осведомился Руди.

— Нормально, — уверила его я, — скоро сами всё увидите. Крепость теперь безопасна, можно спешиваться и заходить внутрь, только не забудьте стреножить верблюдов, если не хотите проделать оставшийся путь пешком.

Воины из охраны тоже расслышали мои слова и принялись помогать девушкам спускаться на землю.

Я достала из походного мешка артефакты-ограничители и подозвала к себе ближайших охранников, прохлаждающихся без дела.

— Этими артефактами нужно будет ограничить пастбище для наших верблюдов, — пояснила я им их задачу. — Постарайтесь охватить площадь побольше, чтобы животным хватило пищи на всех. Не стоит держать их впроголодь. И не забудьте поставить маячки, эти артефакты пригодятся нам ещё не раз. Перед отъездом их нужно будет собрать.

Мужчины оглядели чахлую растительность, торчащую из песка, и посмотрели на меня с недоумением. Пастбища, в их понимании, тут не было и в помине.

— Вы всё правильно поняли, — подтвердила я свои слова, — верблюды питаются этими колючками, так что не стойте на месте, действуйте, а как закончите, отправляйтесь за нами.

* * *

С момента моего последнего посещения в крепости ничего не изменилось. Теперь то я могла спокойно осмотреться и воочию в этом убедиться. Следуя негласному правилу, караванщики старались не оставлять после себя мусор, и вообще каких-либо следов своего пребывания в этих стенах. Если бы не сухой верблюжий помёт, разложенный на солнцепёке, можно было подумать, что странники обходят это место стороной.

Сейчас мы используем сухие кизяки для костра, чтобы приготовить нехитрый обед, а когда будем уходить, постараемся восполнить то, что израсходовали на собственные нужды. При таком количестве верблюдов это будет не трудно сделать. И пусть только кто-нибудь попробует возразить. В пустыне было бы очень трудно выжить без такой вот нехитрой заботы о тех, кто пойдёт следом.

К слову, подходящий инструмент тут тоже имелся — древний, почти как сама крепость, но, благодаря сухому жаркому климату, превосходно сохранившийся.

Когда-то в крепости было вырыто несколько колодцев, но только в одном из них сохранилась вода, да и то на самом доньшке. Однако и это можно было счесть большой

удачей. При правильном распределении мы сможем не только пополнить свои запасы, но и напоить животных.

Впереди послышался женский визг, а потом из замка выскочили перепуганные девушки. К счастью, не все, а лишь четверо. У остальных нервы оказались покрепче.

— Чего кричим? Куда несёмся? — спросила я строго, преграждая девицам путь.

— Там чудовище! — заверещали девицы наперебой, норовя вырваться за пределы крепостных стен.

— Дохлое чудовище ничего вам не сделает, в отличие от вполне живых и чрезвычайно прожорливых пустынных демонов. Хотите послужить им обедом? В таком случае, не стану вам препятствовать.

Я слегка посторонилась, давая девицам дорогу. Они, как и ожидалось, замерли в нерешительности, не зная, как поступить.

— Идёмте внутрь, — сказала я устало, — у нас не так много времени на отдых.

Внутри здания творилось что-то невообразимое. Мой таракостал центром всеобщего внимания. Мужчины всё ещё пытались разжать его челюсти, а девушки восторженно осматривали чудовище со всех сторон. Принцесса держалась к поверженному хищнику ближе остальных. Правда, перед ней всё время маячила широкая спина Ярика, за которой можно было укрыться в случае опасности.

Уже второй раз за прошедшие полдня я пожалела о том, что взяла брата с собой. Это обстоятельство меня совсем не радовало. Как будто мало у меня проблем. И ведь надо ещё как-то заставить всех работать. Обед сам собой не приготовится, давно пора разжечь огонь и натаскать воды. А мои потенциальные помощники и думать забыли обо всём, кроме диковинного зверя, поразившего их воображение.

И это они ещё не знают, что разглядывают наш сегодняшний обед. Мясо у таракосточное и нежное, немного напоминает мясо краба — редкий деликатес, полакомиться которым могут позволить себе только очень богатые люди.

Я протиснулась сквозь толпу к морде таракост и с деланным равнодушием спросила у очередной группы мужчин, всё ещё не теряющих надежды заглянуть хищнику в пасть:

— Помочь?

На меня уставились с плохо скрываемым раздражением. Однако любопытство оказалось сильнее нежелания признать превосходство женщины над собой. Физически я уступала даже самому слабому из воинов, хотя слабаков среди них не было, но всё равно не сомневалась в том, что смогу сделать то, что не удалось сделать им. Объяснение моей вызывающей наглости могло быть лишь одно — мне известен какой то секрет.

Секрет действительно имелся. И я собиралась им поделиться со своими спутниками — не жалко. Всё равно он им вряд ли пригодится.

— Ну помоги, если сможешь, — усмехнулся двухметровый богатырь, сжимающий в руках огромный меч, который он пытался использовать вместо рычага.

Глядя на это безобразие, я искренне возмутилась — это надо же было до такого додуматься. Куда только смотрит капитан, позволяя своим подчинённым портить боевое оружие?

Окинув детину осуждающим взглядом, я со вздохом достала из ножен охотничий нож. Это был подарок вождя племени симба. Старик утверждал, что сделан он из упавшей звезды, а потому обладает особой разрушительной силой. Не знаю, насколько правдивыми были его слова, но клинок и впрямь оказался на удивление острым. Во всяком случае, броню таракост

он вспарывал так же легко, как шкуры овец. И будь этот хищник менее проворным, можно было бы попытаться одолеть его этим оружием. Собственно говоря, кочевники так и поступали, но они вообще ребята бесстрашные, верящие в перерождение, а потому не боящиеся смерти.

— На самом деле, всё просто, — обратилась я к мужчинам, внимательно наблюдающим за мной с довольно близкого расстояния. — Нужно лишь отодвинуть роговые пластины, прикрывающие челюстные мышцы. Затем сделать два неглубоких разреза вот в этих местах, с одной и с другой стороны и можно будет спокойно разжать челюсти. Ну как спокойно? Не с моими силами, конечно, а вот для вас это не составит никакого труда.

В результате моих манипуляций и некоторых усилий со стороны доблестных воинов пасть тарако оказалась распахнута во всю ширь, демонстрируя нам два ряда острых клыков и торчащую в языке иглу.

— А вот и причина скоропалительной кончины этого зубастика, — известила я окружающих, выдёргивая иглу и осторожно возвращая её на место. — Теперь можно разделять тушу. Думаю, девушкам будет лучше удалиться в противоположный конец зала. Вряд ли им захочется на это смотреть.

— А это обязательно делать? — спросила одна из фрейлин, сморщив хорошенький носик.

В глазах остальных читался тот же вопрос. Даже мужчины смотрели на меня с сомнением, а они ведь охотники по своей природе. И всё же готовы отказаться от добычи. Только ли потому, что добыча эта выглядит несколько непривычно? Или не хотят возиться? Глупость какая, да к тому же неслыханное расточительство. В этой туше столько мяса, что всем хватит наесться до отвала.

— Уверяю вас, результат того стоит, — заявила я безапелляционно. И обратилась к тому, чьи команды не обсуждались: — Капитан, одной мне не справиться, мне будет нужна помощь ваших людей.

— Можешь располагать ими на своё усмотрение, — подтвердил мои полномочия капитан.

Стесняться я, разумеется, не стала. Мигом раздала указания, постаравшись задействовать всех без исключения.

При помощи моего удивительного ножа, мы очень быстро разделали тушу тарако. Разрезанное на небольшие кусочки филе нужно было отваривать в подсоленной воде буквально несколько минут, так что его приготовление не заняло много времени. А когда все наелись и разбрелись по разным углам, чтобы немного отдохнуть перед тем, как продолжить путь, я наконец занялась очень грязным, но в перспективе весьма прибыльным делом.

Следующие три дня прошли без происшествий. Артефакты, заказанные у мастера Гишо, исправно несли свою службу, обеспечивая каравану безопасность и минимальный комфорт. Единственным неудобством, досаждавшим всем без исключения, являлся песок. От него не было спасения. Он проникал везде: застревал в волосах, скрипел на зубах, просачивался под одежду.

— К вечеру мы достигнем оазиса, — голос Эфы вывел капитана Сингера из задумчивости. Он как раз размышлял о том, как обманчива бывает внешность. Кто бы мог подумать, что хрупкая на вид девчонка решится в одиночку сражаться с чудовищем, да ещё и разделается с ним в считанные минуты. Только благодаря её отчаянной смелости, граничащей с безумием, в тот раз обошлось без жертв. Нелегко признавать такое, но с фактами не поспоришь. Ни он, ни его гвардейцы оказались не готовы к встрече с таракон. Как выяснилось в последствии, обычным оружием эту тварь не возьмёшь, а другого у них всё равно не было.

И всё же нельзя допускать повторения случившегося. Пусть Эфа и мнит себя великим воином, но он больше не позволит ей рисковать в одиночку. Вопрос лишь в том, где достать подходящее оружие.

— Где ты взяла тот нож, которым разделявала тушу таракон? — спросил капитан невпопад, никак не отреагировав на сообщение Эфы. Даже известие об оазисе не смогло перебить ход его мыслей.

— Это подарок, — пожалала Эфа плечами. — По крайней мере, так считает вождь племени симба, напрочь забыв о том, что отдал его не просто так. Впрочем, чего ожидать от старика, возомнившего себя едва ли не богом?

— И чем же тебе удалось его соблазнить? — заинтересовался капитан, понимая, что вряд ли речь идёт о деньгах — такие вещи, как этот нож, бесценны и могут быть обменены только на что-то не менее редкое.

— Уж точно не моей дивной красотой, — хмыкнула Эфа, зыркая на него жёлтыми змеиными глазищами из-под низко опущенного капюшона.

А капитан поймал себя на том, что давно перестал реагировать на её необычную внешность, считая её почти нормальной, разве что немного экзотичной, но и только.

В древних легендах встречались упоминание о змеелюдах и их извечном противостоянии с людьми, закончившимся кровопролитной войной.

В результате змеелюды были изгнаны в другой мир, а человеческие маги запечатали проход между мирами своей магией, чтобы ни один из них не смог вернуться обратно. И всё же древняя кровь нет-нет да и даёт о себе знать, являя на свет людей с необычными способностями.

Выходит, две столь различные расы могли иметь общее потомство, что наводит на определённую мысль: а так ли сильно они отличаются друг от друга?

Эфа, так и не дождавшись опровержения своим словам, посмотрела на капитана с укором. Сингер тут же обругал себя за глупость. Он ведь ещё в крепости понял, что девчонка, не смотря на внешнюю браваду, очень нуждается в поддержке и одобрении. Видно, не часто ей приходилось слышать комплименты в свой адрес. А она несомненно их заслужила.

— Ну разумеется, — поддакнул Сингер, делаая серьёзное лицо, — если вождь настолько стар, что ему отказывает память, не стоит ожидать, что его заинтересует молодая привлекательная девушка вроде тебя.

На этот раз Эфа не удосужилась выглянуть из-под капюшона, но обиженно сопеть перестала. Видимо, ответ Сингера пришёлся ей по душе.

— Я получила этот нож в обмен на свой яд, — пояснила Эфа, после недолгой паузы.

Её ответ не обрадовал капитана. Сингер сразу понял, что ножа ему не видать, а значит, он так и останется беззащитным перед здешними хищниками и всё время будет вынужден прятаться за спиной девчонки, как последний трус.

— Ты убила таракана иголкой, пропитанной твоим ядом? — задал Сингер следующий вопрос. Ответ ему был известен, но для продолжения разговора ему пришлось ещё раз уточнить эту деталь.

— Совершенно верно, — просто сказала Эфа. В её голосе не было ни грамма бахвальства, только спокойная констатация факта. Скорее всего, наёмница давно привыкла к этой своей особенности и не считала её чем-то выдающимся. Просто ещё одно смертельное оружие в её арсенале, только и всего.

— Ты могла бы снабдить меня и моих людей такими иглами, хотя бы на время пути, чтобы мы не чувствовали себя бесполезной обузой? — спросил капитан прямо, не желая ходить вокруг да около. И подкрепил свою просьбу пояснениями: — Ты ведь сама говорила, что в пустыне может случиться всякое. Уверен, наша поддержка будет не лишней. Согласись, глупо сражаться в одиночку, когда тебя сопровождает целый отряд обученных воинов.

Эфа немного подумала и согласилась, однако, не без оговорок.

— Не сложно наделить ваших людей подобным оружием, капитан, — отозвалась она в ответ на его просьбу, — духовые трубки и колчаны с иглами вы сможете приобрести сегодня же вечером, как только мы прибудем в оазис. Туземцы охотно обменивают свои изделия на оружие из металла, или крупу из ваших запасов. Я же поделюсь своим ядом совершенно бесплатно. Но сперва ответьте мне на один вопрос: вы отдаёте себе отчёт в том, что подвергнете своих людей риску? Они не привыкли иметь дело со смертельно опасными ядами. Малейшая неосторожность может привести к печальным последствиям. В лучшем случае это будет многочасовой паралич, а в худшем — мгновенная смерть.

Эфа выглядела предельно серьёзной в этот момент. Она не хотела становиться причиной гибели стольких людей. Капитан это понимал и разделял её опасения, а потому предложил единственное, что пришло ему в голову:

— Можно ведь для начала обойтись без яда. Пусть мои парни сперва привыкнут управляться с иглами и трубками. Не думаю, что у них уйдёт на это много времени. Поверь, бестолковых и косоруких в моём отряде нет.

Неожиданно лицо Эфы озарилось проказливой улыбкой:

— Я придумала кое-что получше, капитан. Уверена, обучение будет более успешным, если добавить в него немного остроты.

— Что ты имеешь ввиду? — насторожился капитан.

А Эфа вместо ответа полезла в свой походный мешок и извлекла из него пузырёк с мутной желтовато-зеленоватой жидкостью.

— Вот, — сказала она, блестя глазами, — это то, что поможет приучить ваших парней к осторожности, капитан.

— И что это за гадость? — уточнил Сингер, заранее готовясь к тому, что ответ ему не понравится.

— Это простенькое зелье называется крапивница, — ответила Эфа таким невинным голоском, что Сингер понял — его парней ожидают не лучшие времена. А Эфа тем временем продолжила свои пояснения: — Вреда от крапивницы нет никакого. Моя хорошая приятельница придумала это зелье как раз для таких случаев, когда приходится иметь дело с безобидными глупцами. Знаете, как бывает: человек тебя сильно достал, но совершённых им проступков явно не достаточно для того, чтобы лишиться недотёпу жизни. Тогда и приходит на помощь крапивница. Попадая в кровь, это зелье вызывает сильнейшие зуд и жжение. Место в районе укола покрывается сыпью и опухает. Симптомы продержатся не более получаса, но, уверяю вас, запомнятся они надолго.

Капитан облегчённо перевёл дух. Эфа предложила действительно хороший вариант. К тому же, он был почти уверен в том, что пострадавших в его отряде не будет.

* * *

Ближе к вечеру верблюды неожиданно ускорили свой шаг. Ещё недавно казалось, что они еле переставляют ноги, а теперь их с трудом удавалось сдерживать от перехода на бег.

— Они чувят воду, — пояснила я капитану, с которым почти всё время ехала рядом.

Время от времени мы перебрасывались с ним короткими фразами, но говорить откровенно было лень. От монотонности пейзажа клонило в сон. Третьи сутки покоя окончательно всех расслабили. Охрана давно перестала тревожно оглядываться по сторонам, в любую минуту ожидая нападения. Ночью охранные контуры отгоняли от нашей стоянки хищников, глушилки отражали нападение грокхов — злобных и чрезвычайно шумных пустынных духов, в общем, обходилось без происшествий.

Без толку было убеждать моих спутников, что подобное затишье продлится не долго. Мне всё равно никто бы не поверил. А пустыня в своей излюбленной манере потешалась над глупыми людишками, утратившими всякую бдительность и готовилась знатно повеселиться.

Я это знала, но поделать ничего не могла. Разве что каждый раз лично осматривала установленные охранные контуры и не менее двух раз в день проверяла артефакты-слежения, которые должен был носить каждый в нашем караване. Даже у верблюдов имелись такие, но животные никогда не вызывали у меня нареканий. В отличие от людей, они не теряли артефакты, призванные не позволить им затеряться в пустыне. А капитан ещё удивлялся, когда я заказала у мастера Гишо втрое больше следилок, чем это было нужно.

Горизонт неожиданно окрасился в зелёный цвет. Люди, уставшие от обилия слепящего жёлтого вокруг, не отрывали жадных взглядов от изумрудной зелени тамариндов. Даже с такого расстояния удавалось разглядеть разлапистые ветви этих удивительных деревьев, вступивших в противоборство с пустыней и вышедших из него победителями.

Нескончаемая вереница зелёных стражей надёжно охраняла всё живое от губительного воздействия пустыни.

— Это ведь не мираж? — одна из фрейлин не выдержала и привстала в седле, надеясь получше рассмотреть возникшее из ниоткуда чудо.

Люди в караване сразу оживились. Теперь не только верблюды, проявляли нетерпение. Наездники тоже торопились поскорее очутиться в прохладной тени деревьев.

— Я поеду вперёд и договорюсь о ночлеге, — обратилась я к капитану, на что он отреагировал неожиданно резко.

— Ты больше не поедешь одна, — отрезал Сингер довольно грубо. — Не суйся, куда не просят. Тебя наняли всего лишь провести караван через пустыню, остальное — не твоя забота.

Лично я так и не поняла, с чего капитан вдруг взбеленился, но вот это его «всего лишь» здорово меня разозлило. Даже захотелось молча уступить Сингеру право вести переговоры с Аанхуром, но я вовремя одумалась, понимая, к чему это всё приведёт — нам попросту откажут в гостеприимстве.

Дело в том, что вождь Аанхур обладал редкой способностью доводить собеседника до бешенства своей несговорчивостью, а капитану явно не хватило бы терпения и дипломатичности для того, чтобы добиться желаемого от этого не в меру упрямого и заносчивого типа.

Владение довольно крупным оазисом делало Аанхура весьма могущественным человеком и к тому же баснословно богатым в понимании обычных людей. Он практически ни в чём не нуждался, а потому добиться его благосклонности было отнюдь не легко.

К счастью, в племенах аборигенов бытовали несколько иные представления об истинных ценностях, а у меня имелось то, что ставилось тут гораздо выше привычных нам золота и драгоценных камней. Я была уверена, что легко договорюсь о еде, воде и ночлеге для всех нас всего-то за полсотни клыков тарако.

Ожерелье из этих клыков считалось у жителей пустыни чем-то вроде символа королевской власти. Далеко не каждый вождь мог похвастаться такой редкостью. Аанхур с его непомерным честолюбием непременно должен был на это купиться.

Я думала, что верно всё рассчитала, но капитану ни с того, ни с сего вздумалось вдруг дурить в самый неподходящий момент.

Притаившиеся за стволами тамариндов воинов Аанхура стали проявлять нетерпение. Пора было что-то решать, пока нас не заподозрили в злонамеренности и не осыпали градом стрел, начинённых моим же собственным ядом. Вот только как мне переубедить этого упряма, я понятия не имела. Одного взгляда на сурово поджатые губы Сингера мне хватило, чтобы понять — от своих слов он не откажется даже под страхом смерти.

Затевать ссору на глазах у аборигенов было бы верхом глупости с нашей стороны. И я принялась, как могла, увещевать своего спутника.

— Никакой опасности нет, капитан, — начала я осторожно, но тут же поняла, что слова подобраны неверно, потому что Сингер не дал мне договорить.

Перебив меня на полуслове, он зло усмехнулся и с издёвкой в голосе спросил:

— Нет никакой опасности, говоришь? Точно так же, как в тот раз, когда ты вышла одна против матёрого хищника, в то время как я и мои воины пребывали в полной уверенности, что тебе ничто не угрожает?

Если он думал меня пристыдить, то напрасно старался. Я точно знала, что в случае с тарако поступила верно и никто не сможет убедить меня в обратном. Но начинать спорить об этом сейчас, значило, упустить время, а с ним и наш единственный шанс на нормальный отдых этой ночью.

— Не сравнивайте заброшенную крепость и густонаселённый оазис, капитан, — предприняла я ещё одну попытку уладить дело миром. — К тому же, я очень хорошо знаю здешнего вождя. Невероятно упрямый тип. Напрасно вы полагаете, что в таких вот

живописных уголках любого страждущего ожидает тёплая встреча. На самом деле, хозяева здешних мест вовсе не обязаны пускать чужаков в свой дом. Поверьте, у них есть и силы, и возможности отстаивать своё право на владение этой благословенной землёй. Если вождю вздумается нам отказать, всё золото мира не поможет нам получить ничего из того, в чём мы так отчаянно нуждаемся. Этого благородного металла у Аанхура с избытком. Да вы и сами в этом убедитесь, как только увидите местных жителей. У меня же имеется то, против чего вождь не устоит. Дайте мне всего полчаса на переговоры. Обещаю, на этот раз никаких сражений с монстрами не будет. Честное слово.

Мне редко приходилось кого-то о чём-то просить, но я очень старалась быть убедительной. Однако капитан всё ещё сомневался, стоит ли мне доверять. Мы замерли друг против друга, уверенные каждый в своей правоте. Караван тоже вынужден был остановиться. Вскоре нас окружили спешившиеся воины.

Я невольно поморщилась, ситуация выходила из-под контроля. И в тот миг, когда я уже собиралась оповестить всех о возможном нападении, Сингер, наконец, согласился.

— Даю тебе полчаса, не больше, — заявил он с таким видом, будто бы я была его подчинённой.

А я даже не поморщилась, поймав на себе насмешливые взгляды своих напарников. Уж они то знали о моём маниакальном стремлении к свободе и независимости. Пусть потешаются, я им это ещё припомню.

Оставив свою верблюдицу на попечение Руди, я быстрым шагом направилась к границе оазиса, совершенно не опасаясь быть неузнанной.

Встречали меня несколько настороженно. Не в правилах караванщиков было вступать в пререкания с проводником, вот местные и подумали невесть что, когда заметили волнение в наших рядах.

— Всё в порядке, Ханрим, — узнала я шагнувшего мне навстречу мужчину, — с новичками всегда нелегко. Они как слепые котята, всё то им приходится объяснять.

— Долгих тебе дней, Эфа, — поприветствовал меня Ханрим, скупо улыбнувшись и приглашая идти следом.

Я ответила на приветствие и прибавила шаг. Ханрим тут же перешёл на бег, я не возражала.

Оазис, принадлежащий племени Аанхура, действительно был огромным. По моим приблизительным подсчётам тут постоянно проживало более пяти тысяч человек. Так что следовало поторопиться, чтобы не заставлять вождя слишком долго ждать моего появления. Я и так потеряла довольно много времени, пререкаясь с Сингером. Высокомерный Аанхур мог счесть подобную задержку оскорблением. Ему ведь доложили о нашем прибытии сразу, как только караван показался на горизонте.

Аанхур как всегда выглядел великолепно. Высокий сильный мужчина в полном расцвете сил. Смуглая кожа, иссиня-чёрные волосы, достигающие середины спины, хищный взгляд тёмных, как ночь, глаз. Из всей одежды на нём имелась лишь набедренная повязка из шкуры леопарда, да массивные золотые наручи.

Я позволила себе выразить взглядом восхищение, Аанхуру это польстило, и он подавил в себе раздражение, одарив меня снисходительной улыбкой.

— Эфа, девочка моя, рад тебя видеть, — выдал этот невозможный мужчина.

Мне никогда не удавалось предугадать его реакцию, отчего я сильно нервничала и потому с трудом ускользала из расставленных им ловушек. Дело в том, что Аанхур вбил себе

в голову, что я непременно должна стать его женой.

К его глубокому сожалению и моей величайшей радости принуждение в этом вопросе не допускалось, а соглашаться я не торопилась. При всей своей внешней привлекательности, Аанхур оставался заносчивым гадом, не испытывающим ко мне и толики симпатии. Всё что его волновало — это капля божественной крови, столь ярко проявившейся во мне. Заполучить от меня сына с сильной кровью стало для Аанхура навязчивой идеей. И это при том, что у него уже имелись наследники, точное количество которых я затруднялась назвать.

В общем, в качестве мужа Аанхур меня совершенно не привлекал. А вот как деловой партнёр он меня полностью устраивал. Не теряя надежды добиться моего согласия на брак, вождь старался быть более сдержанным на переговорах, правда ему это не всегда удавалось.

— Приветствую тебя, величайший из вождей, — произнесла я без тени издёвки в голосе.

Аанхур действительно был хорошим правителем, этого у него не отнять.

— И не надоело тебе, дорогая, перебиваться случайными заработками? Да ещё терпеть пренебрежение тех, кто не достоин быть пылью у твоих ног? — глаза Аанхура на миг изменили свой цвет, опалив меня золотым блеском. В этом мужчине тоже имелась капля крови Великого Змея, но других её проявлений я за ним не замечала.

Из слов вождя я сделала вывод, что ему уже доложили о неприятном инциденте, ставшим причиной моей задержки. Ответ я приготовила заранее.

— Таков мой путь, Аанхур, — сказала я просто, зная, что вождю нечего будет на это возразить. Его вера не позволяла подвергать мои слова сомнению.

Гримаса недовольства исказила красивое лицо мужчины, но он быстро взял себя в руки:

— Надеюсь, однажды, твой путь приведёт тебя ко мне, — произнёс Аанхур многозначительно.

Я же оставила его слова без ответа. Пусть думает, что хочет, у меня имеются проблемы поважнее его несбыточных желаний.

— Я пришла просить тебя о гостеприимстве, величайший из вождей. У границ твоих владений меня ожидают мои люди. Будет ли нам дозволено провести ночь под твоей защитой?

— Тебе, Эфа, разрешения не требуется. Ты всегда желанная гостья в моём доме, — напомнил Аанхур о нашем давнем соглашении. — Что же касается остальных, уверен, у тебя найдётся, чем склонить меня к принятию нужного тебе решения.

Я достала из сумки мешок с клыками тарако — довольно тяжёлый и объёмный на вид. Перевела взгляд на вождя, чтобы окончательно укрепиться в мысли, что мощная шея Аанхура легко выдержит вес будущего ожерелья, и с немалым облегчением передала плату за постой в руки подошедшего ко мне воина.

Прежде чем передать мешок вождю, мужчина проверил его на наличие опасности. При виде клыков его глаза округлились, а из груди вырвался непроизвольный вздох.

— Ну что там? — нетерпеливо потребовал объяснений Аанхур.

Моё подношение было тотчас же передано ему в руки. Теперь уже вождь не смог сдержать возгласа удивления.

— Эфа, девочка, ты не перестаёшь меня удивлять, — вождь окинул меня оценивающим взглядом.

Наверняка прикидывал, являются ли эти клыки моей законной добычей, или я выменяла их на что-то равноценное. В моих же интересах было помалкивать об этом. Хотя бы потому,

что у меня оставалось ещё полторы сотни клыков, двадцать штук похожих на кинжалы когтей и ещё кое-что не менее ценное, что удалось извлечь из останков тарак. Впереди нас ожидал длинный путь, и в мои планы не входило расставаться с ценным содержимым моего походного мешка вот так сразу, в самом его начале.

— Каково будет твоё решение, Аанхур? — спросила я, с трудом скрывая нетерпение.

Время, отведённое мне Сингером на переговоры, заканчивалось, и я боялась представить, какими будут его действия, в случае моей неявки в назначенный срок.

— Ханрим, пойдти, встретить караван, — приказал Аанхур, не отрываясь от разглядывания длинных — с ладонь, клыков.

Прежде, чем передать их мастеру для обработки, вождь хотел убедиться в отсутствии каких-либо изъянов — сколов или трещин. Наличие любых дефектов категорически не допускалось.

Я, разумеется, проверила всё лично, а потому не волновалась, главное, своего я добилась и сегодняшнюю ночь мы проведём в довольно сносных условиях.

* * *

Следующие два часа выдались поистине кошмарными. Мне пришлось лично за всем следить. Никто кроме нас с Яриком не знал языка аборигенов. Брат тоже оказался впервые в подобных условиях, но он хотя бы мог переводить, облегчая людям понимание.

Первым делом следовало позаботиться о животных и хорошенько их напоить. В оазисе имелось более трёхсот колодцев. Правда, уровень воды в них в это время года находился на критическом уровне. Нам же на одного верблюда требовалось не менее пяти вёдер воды, а ещё хотелось помыться и приготовить горячей еды. И всё же я видела, что люди рады даже такой малости, как отсутствие песка в приготовленной пище. А просторные шатры с удобными лежанками, стали для моих спутников настоящим сюрпризом. Но я то знала, что позже нас ожидает кое-что получше.

Аанхур если уж брался принимать гостей, то делал это с размахом.

* * *

Едва на оазис опустилась ночь, темнота озарилась сотнями огней. Возле каждого шатра вспыхнули факелы. Люди, освещая себе путь, ручейками стекались к центру поселения, где перед огромным шатром Аанхура уже начинало разворачиваться праздничное действие.

Весело звенели бубны, им вторили барабаны. Оазис гудел, как растревоженный улей. Даже дети этой ночью не собирались ложиться спать. Я знала, что праздник будет продолжаться до тех пор, пока в небе не погаснет последняя звезда, а это означало, что нам придётся задержаться тут дольше запланированного. Ну да ничего, время в запасе у нас имелось, можно было позволить себе немного расслабиться.

Я бросила быстрый взгляд в сторону шатров, в которых расположились воины из охраны принцессы, и не смогла сдержать ехидной ухмылки — они ведь даже не подозревают о том, какой сюрприз их ожидает этой ночью.

Уж я то знала, что Аанхур вовсе не был радушным хозяином, склонным к бездумному

расточительству. Оттого и народ его жил в достатке, особо ни в чём не нуждаясь. И всё же существовала одна проблема, решением которой Аанхур, как вождь вынужден был заниматься время от времени.

Этим празднеством и обильным угощением он собирался расплатиться за свежую кровь, в которой нуждалось его племя. Сегодня в оазис прибыли полсотни здоровых и сильных мужчин. Разумеется, вождь не мог не воспользоваться шансом получить от них в будущем сильное потомство.

Я ничуть не осуждала эту его предприимчивость. В конце концов, Аанхур заботился о процветании своего племени. Даже ему было известно, что близкородственные связи ведут к вырождению. К тому же, никто не собирался принуждать мужчин к соитию. Всё должно быть сугубо добровольно.

А ещё существовала вероятность того, что кто-то из мужчин решит тут остаться, сражённый красотой юной девы, и это могло стать проблемой. Не для аборигенов, конечно, они то примут пришлого с радостью, вот только чужаки долго не живут в этих местах. Но об этом тревожиться рано, может быть, всё ещё обойдётся.

Вскоре к месту нашей стоянки пожаловали посланцы от Аанхура с тем, чтобы пригласить дорогих гостей на праздник, устроенный в нашу честь. Переводить их витиеватую речь пришлось бы очень долго, моего терпения на это уж точно бы не хватило. А потому, развернувшись лицом к своим спутникам, я постаралась быть краткой:

— Нас приглашают на праздник, — объявила я громко, замечая, как мгновенно все оживились. Словно не они только что стонали от усталости.

Я и сама не смогла сдержать улыбки. После монотонности пути немного праздника нам не помешает.

Ночь выдалась довольно прохладной, как это часто бывает в пустыне, но от множества костров исходил такой жар, что не было нужды кутаться в тёплые бурнусы.

С нашим появлением к ударным добавились струнные, и над поляной поплыла нежная переливчатая мелодия. Девушки в ярких одеяниях, похожие на диковинных бабочек, окружили моих спутников и, смеясь, потащили их за собой. Мужчины хоть и выглядели несколько растерянными, но недовольства на их лицах я не заметила.

Возле меня осталась стоять лишь недоумевающая принцесса в окружении своих фрейлин. Глядя на то, как её доблестная охрана сдаётся в плен местным прелестницам без боя, Ателина не знала, что ей со всем этим делать и как дальше себя вести.

— Для нас тут тоже найдётся местечко, — объявила я принцессе, заметив приглашающий жест Аанхура.

Плетёные циновки возле его шатра ожидаемо оказались заставлены золотой и серебряной посудой с различными угощениями. Рядом с ними были разложены мягкие подушки, набитые овечьей шерстью, на которых мы и расположились с комфортом.

Аанхур приветствовал нас, как и подобает правителю — гордо и величественно. Ответил снисходительной улыбкой на кокетливые взгляды фрейлин, чуть внимательнее пригляделся к принцессе, но и она его не заинтересовала — слишком слабая, а значит бесполезная, хоть и дочь короля. Мне же снова досталось всё его внимание. Пришлось садиться по правую руку от вождя, что было явным нарушением этикета, всё же я занимала более низкое положение, чем мои спутницы.

Принцесса тихонько фыркнула, наверняка сочтя Аанхура дикарём и невежей, ему же было явно плевать на её мнение. Даже языковой барьер не помешал этим двоим выразить

друг другу своё презрение.

Услужливые девушки ловко разлили по серебряным кубкам забродивший фруктовый сок, и именно он позволил снизить нарастающее напряжение.

Музыка тем временем зазвучала громче, заглушая гул голосов. В центре поляны образовалось пустое пространство, недолго остававшееся таковым. Около сотни девушек в лёгких струящихся платьях всевозможных расцветок выбежали на поляну и закружились в танце. Не только гости, но и местные жители замерли, будто замороженные, боясь пропустить хоть мгновение, разворачивающегося перед их глазами действия.

* * *

Из-под тонких вуалей, прикрывающих половину лица красавиц, озорно поблёскивают глаза. Лёгкий взмах, и свободные рукава опадают вниз, обнажая тонкие руки прелестниц; резкий поворот и широкие юбки взмывают вверх, открывая нескромным взглядам стройные ноги танцовщиц.

Темноту ночи освещает лишь пламя костров, а потому рассмотреть удаётся немного, что только сильнее пробуждает в зрителях интерес.

Даже я с нетерпением жду следующего откровения, что уж говорить о мужчинах, впервые увидевших огненный танец дочерей пустыни.

Быстрая музыка сменяется медленной и тягучей. Такими же становятся и движения танцовщиц — плавными и завораживающими настолько, что почти невозможно оторвать взгляд.

В этот момент они чем-то напоминают мне Сайясахари и я неожиданно испытываю сильный страх. Наваждение проходит мгновенно. С трудом удаётся остановить трансформацию, хотя от внимательного взгляда Аанхура даже такую малость не утаить. Его глаза вспыхивают фанатичным блеском. И я отчётливо понимаю, что сегодня мне стоит держаться от него подальше.

* * *

Фееричное выступление танцовщиц закончилось так же внезапно, как и началось. Их сменили певцы и музыканты. Удивительно, как много талантов рождается в самом центре пустыни. Каждый второй здесь виртуозно владеет каким-нибудь музыкальным инструментом, а поют и танцуют тут все без исключения.

На празднество собралось едва ли не всё население оазиса, а потому исчезновение нескольких десятков пар для многих осталось незамеченным. Или все только делали вид, что ничего не замечают. Я же прекрасно видела, как девушки уводят за руки приглянувшихся им мужчин.

С рассветом волшебная сказка развеется, исчезнет очарование ночи. И придётся мне вновь выступать в роли увещательницы. Должен же кто-то объяснить этим мужчинам, что их поступок ни к чему не обязывает, что таковы нравы в этих местах. Девушка не считается опозоренной, лишь потому, что лишилась невинности. Что гораздо страшнее для неё оказаться отвергнутой, не оправдавшей надежд племени.

Задумавшись, я и не заметила, что осталась с Аанхуром наедине. Мои спутницы, кажется, слегка переусердствовали с забродившим соком и тоже решили приобщиться к общему веселью. Сейчас они как раз разучивали местные танцы под руководством нескольких женщин. Получалось не так чтобы хорошо, всё же гибкости им не хватало, да и координация движений явно была нарушена, но они очень старались.

Горячая ладонь скользнула по моей спине, резко контрастируя с ночной прохладой. Аанхур одним движением пересадил меня к себе на колени и зарылся пальцами в мои волосы. Его лицо оказалось так близко, что я невольно запаниковала и начала вырываться.

К сожалению, причинить вред вождю я не могла, это погубило бы нас всех, но и высвободиться из его объятий не получалось.

От незавидной участи стать четвёртой женой Аанхура меня спас мой любимый капитан. Теперь я точно уверена в том, что обожаю этого мужчину за его умение появляться в нужный момент.

— Кажется, девушка против, — раздался над нами спокойный голос.

Вряд ли Аанхур понял хоть что-то из сказанного, но хватку свою ослабил. Мне же этого было достаточно, чтобы в одно мгновение оказаться за спиной капитана, гневно посверкивая оттуда глазами на несостоявшегося мужа.

Вождь понимающе усмехнулся и благоразумно решил не связываться. Нападение на гостей покрыло бы позором весь его род. Даже собственный народ его бы не поддержал. Я то давненько считалась тут своей, а вот капитан Сингер — другое дело. Он был гостем, а значит, имел статус неприкасаемого.

— Думаю, будет лучше уложить подвыпивших девушек спать, пока они не натворили каких-нибудь дел, — продолжил капитан, обращаясь будто бы ко мне, но по-прежнему не сводя глаз с Аанхура.

— Он ничего вам не сделает, — поспешила я успокоить Сингера, и капитан, что удивительно, сразу мне поверил. Даже повернулся к противнику спиной.

Я же набралась наглости и попросила Аанхура выделить нам десяток помощников. Вдвоём мы бы точно не справились с толпой пьяных девиц. Вождь любезно согласился помочь, хотя видно было, что ему с трудом удаётся сдерживать злость на капитана, сорвавшего его планы на эту ночь.

А утром нас ожидал неприятный сюрприз. Исчезла принцесса. Сонные фрейлины с трудом продирали глаза, щурились от яркого света, с полным непониманием таращились по сторонам и не могли выдать из себя ни слова.

В центре шатра горел небольшой костерок. Едкий дым тонкой струйкой утекал в небольшое отверстие наверху. Принцесса Ателина в очередной раз перевернулась с боку на бок и в раздражении откинула шерстяное покрывало. Мерное дыхание спящих фрейлин выводило девушку из себя. Ей, в отличие от остальных, никак не удавалось уснуть. В теле чувствовалась необычайная бодрость, а душа безудержно рвалась наружу, навстречу веселью.

Ателина не понимала, с чего вдруг она позволила распорядиться собой, как безвольной куклой? В конце концов, принцесса она или кто? Нужно было сразу поставить капитана на место, тогда бы не пришлось отправляться спать в то время, когда веселье в самом разгаре.

Ритмичная музыка легко проникала сквозь плотные стены шатра, звук барабанов заставлял сердце биться чаще. Разумеется, в таком перевозбуждённом состоянии о сне не могло быть и речи.

Ателина рывком подскочила с низкого ложа и решительно отдернула полог шатра. Прохладный ночной ветерок миглом остудил разгорячённое тело девушки, заставив её поёжиться и вернуться обратно, в прогретое нутро их временного убежища.

Но это вовсе не означало, что принцесса готова сдаться и отступить.

Накинув на плечи бурнус, Ателина поспешила туда, где продолжала звучать музыка и ярче прежнего горели костры.

Неожиданно промелькнувшая в стороне тень привлекла внимание девушки. В темноте было не разглядеть, кто там шастает возле их стоянки. Будь Ателина не так пьяна, она бы, вне всякого сомнения, остереглась ночного гостя. Но вместо того, чтобы затаиться или позвать на помощь, принцесса решила проследить за подозрительным визитёром сама.

Пожалуй, это был самый волнующий момент в её жизни. Впервые Ателина встретилась с опасностью один на один и ничуть не испугалась. Напротив, её охватило безудержное веселье, что несколько мешало наблюдению за объектом, а потому, время от времени, девушке приходилось останавливаться и зажимать рот ладошкой, чтобы сдержать рвущийся из груди смех.

Тень впереди всё больше принимала очертания мужской фигуры. Глаза Ателины довольно быстро привыкли к темноте, и вскоре она поняла, что знает этого человека очень хорошо. Успела к нему присмотреться за те несколько дней, что провела с ним рядом. Вне всяких сомнений — это был Ярик — весёлый и обаятельный парень, развлекавший её увлекательными историями из своей жизни.

Принцессе очень нравилось в Ярике то, что он будто бы не видел между ними различий. Общался с ней так, словно был ей ровней. Это оказалось неожиданно приятно и даже немного интригующе.

И теперь Ателина мучилась вопросом: куда направляется Ярик посреди ночи и почему он делает это втайне ото всех?

Шли они долго, по широкой дуге огибая шатры аборигенов. На самом деле, особой нужды в этом не было. Практически всё население оазиса сейчас сконцентрировалось в одном месте, и вряд ли кто-то мог заметить их перемещение. И всё же Ателина испытала огромное облегчение, когда поняла, что Ярик не собирается под покровом ночи проникать в чужие шатры и обкрадывать беспечных хозяев, оставивших своё имущество без присмотра.

Было бы ужасно обидно, если бы этот симпатичный парень вдруг оказался вором. К

счастью, её подозрения не подтвердились. И тем острее вставал вопрос о его намерениях. Ярик явно что-то задумал. Что именно Ателина пока не знала, но собиралась это выяснить.

Алкоголь влияет на людей по-разному. Кого-то вгоняет в дрёму, в ком-то пробуждает агрессию, а кого-то толкает на безумства, напрочь лишая здравого смысла и отключая чувство самосохранения. Вот так и вышло, что принцесса, сильно захмелев, забыла обо всём на свете и хвостиком увязалась за парнем, которого при иных обстоятельствах не удостоила бы даже взглядом.

Первые сомнения кольнули её сознание слишком поздно. Небо начинало уже сереть, ноги гудели от усталости, болела голова, сильно хотелось пить, а вокруг, куда ни глянь, виднелся один песок. И только удаляющаяся фигура парня служила Ателине ориентиром в этой бескрайней пустыне.

Ярик ушёл далеко вперёд. И надо бы поторопиться, чтобы не упустить его из виду, но принцесса с ужасом поняла, что больше не может сделать ни шагу. Она осела на песок, не зная, как лучше поступить. Ещё оставалась слабая надежда вернуться обратно в оазис, двигаясь по своим же следам. Но кто знает, насколько оправдана эта надежда? Пустыня так переменчива. Быть может, она уже успела стереть все следы, и Ателина только зря потратит время, пытаясь отыскать дорогу назад? А Ярик вот он — живой, настоящий. Уж он то не даст ей сгинуть бесследно в этих проклятых песках.

От хмельного безрассудства принцессы не осталось и следа. Возможно, впервые в жизни Ателина испугалась по-настоящему. Но надо отдать ей должное, рыдать и биться в истерике, проклиная свою судьбу, девушка не стала. Собрав остатки сил, она поднялась на ноги и поплелась вслед за Яриком.

А парень тем временам неуклонно шёл к своей цели и ведать не ведал о том, что стал для принцессы единственной надеждой на выживание.

* * *

Жители оазиса остались безучастны к судьбе пропавшей девушки. Исчезновение принцессы, ожидаемо, взволновало лишь тех, кто нёс за неё ответственность, то есть королевских гвардейцев во главе с капитаном Сингером ну и меня заодно с моими напарниками.

Мы с капитаном понимали, что обращаться к Аанхуру с просьбой организовать поиски Ателины, бесполезно. Не после вчерашнего инцидента, когда была задета его гордость. Да Сингер и не настаивал на этом.

В конце концов, мы решили обойтись собственными силами, в немалой степени уповая на удачу. Правда, имелись некоторые сложности. Дело в том, что воины из охраны принцессы явились уже под утро и сразу же завалились спать. Честно говоря, я не ожидала, что от них будет какой-то толк, но военная выучка оказалась сильнее усталости. Грозный окрик капитана мигом привёл королевских гвардейцев в чувство и вынудил их действовать.

В поисках Ателины мы облазили оазис вдоль и поперёк. Оставалась слабая надежда, что принцесса отыщется в одном из шатров, но и она вскоре угасла.

С силой сжав в руке следящий артефакт, принадлежащий принцессе, я мысленно обозвала её глупой курицей. Насколько всё было бы проще, если бы этот невзрачный на вид, но такой важный амулет находился сейчас при ней.

Моего плеча коснулась чья-то рука. Я вздрогнула и обернулась. Это был Руди. Он хотел мне что-то сказать, но почему-то не решался.

— Ну что там ещё стряслось? — спросила я, чувствуя, как сжимается сердце. У Руди было такое лицо, что мне захотелось трусливо прикрыть ладонями уши, лишь бы не слышать того, что он скажет.

— Твоего брата тоже нигде нет, — заявил напарник без обиняков.

И действительно, чего ходить вокруг да около? Неприятностей от этого меньше не станет. А ведь я с самого начала знала, что с Яриком будут проблемы, не стоило тащить его за собой. И всё же, вопреки неутешительным известиям, настроение моё улучшилось. Не зря говорят, что нет худа без добра. Я точно знала, куда мог отправиться мой брат. И почему-то была уверена, что и принцессу следует искать там же. Но кто бы знал, как мне не хотелось возвращаться в это проклятое место. Утешало лишь одно: это не я оказалась настолько слабой и безвольной, это обстоятельства вынуждали меня, спустя столько лет, вернуться в Змеиный храм.

— Капитан, собирайте людей, я знаю, куда ушла принцесса.

Говорила я громко, а потому Сингер сразу меня услышал, хоть и стоял в отдалении, обсуждая со своими подчинёнными план дальнейших действий. Судя по озабоченным лицам мужчин, ничего дельного придумать им так и не удалось. Сингер прервал разговор на полуслове и направился в мою сторону. Я же понадеялась на то, что выгляжу достаточно уверенно, чтобы убедить капитана отнестись к моим словам серьёзно, ведь делиться всей правдой с малознакомым мужчиной я не собиралась.

Исчезновение Ярика наверняка заставит капитана насторожиться. Скорее всего, он решит, что я солгала ему ради того, чтобы спасти брата, а это не совсем так. За Яриком я могла бы отправиться и одна, наплевав на контракт. Его жизнь для меня дороже любых денег. Но внутреннее чутьё мне подсказывало, что Ателина ушла вместе с ним. А значит, нам нет нужды разделяться.

— У тебя появились новые сведения? — спросил капитан, подходя ко мне вплотную. — Им можно верить?

— Абсолютно, — уверила я Сингера и, чтобы избежать дальнейших расспросов, добавила: — Некогда объяснить, нужно сворачивать лагерь и немедленно отправляться в путь.

Прежде чем отдать приказ своим людям, капитан ещё раз пристально всмотрелся в моё лицо, потом перевёл взгляд на Руди, стоящего за моей спиной. К счастью, в своём напарнике я была уверена. Он и виду не подаст, что знает нечто такое, о чём я хотела бы умолчать. Да и сам болтать не станет.

Даже не знаю, что заставило Сингера принять нужное мне решение. Возможно, он стал больше мне доверять, а быть может, просто не видел другого выхода. Да это и не важно, главное, медлить и выяснять детали он не стал, что в сложившейся ситуации давало нам надежду на благополучный исход.

Следуя приказу командира, воины действовали быстро и слаженно. Девушки, подавленные и растерянные, безропотно позволили усадить себя на верблюдов, и мы двинулись в путь, даже не попрощавшись с Аанхуром. В следующий раз мне придётся очень постараться, чтобы заслужить его прощение, но об этом я решила подумать потом. Сейчас же малейшее промедление могло обернуться для нас катастрофой. Мы и без того слишком много времени потратили впустую, разыскивая сбежавшую принцессу на территории оазиса.

Моя верблюдица привычно вырвалась вперёд. Животные успели хорошо отдохнуть, и это увеличивало наши шансы на успех. Самым скверным было то, что ехать нам предстояло по дневной жаре, но с этим ничего не поделаешь, ради достижения заветной цели, и не такое можно вынести.

* * *

Ателина держалась из последних сил. Она машинально передвигала ноги, не поднимая головы, видя перед собой лишь бесконечную цепочку следов. Временами ей казалось, что она бродит по пескам целую вечность, хотя в реальности прошло не так уж много времени — немногим более четырёх часов.

Препятствие на своём пути девушка заметила не сразу. Ярик стоял напряжённый, не вполне отдающий себе отчёт в том, что с ним происходит, но отчего то не желающий делать следующий шаг и в то же время страстно мечтающий о том, чтобы пробиться сквозь мерцающую пелену, застывшую пространство перед ним.

Если бы Ярик мог видеть, он бы различил застывшую в широком проёме Сайясахари. Глаза женщины-змеи впились в него гипнотическим взглядом, кончик чешуйчатого хвоста нервно подрагивал, выдавая её волнение. Ожидание принцессе змеелюдов давалось нелегко, особенно в эти последние минуты, когда цель оказалась так близка. Пусть в этом мальчишке лишь капля крови Великого Змея, но он послужит идеальной приманкой для её девочки. Его связь с Эфираси была настолько сильна, что чувствовалась даже на расстоянии.

Сайясахари качнулась из стороны в сторону, выдавая нетерпение. Раздвоённый язык скользнул по ограничительному куполу, легко пропускающему людей и ставшему непреодолимым препятствием на её пути. Ах, если бы она только могла проникнуть в этот недоступный мир, уж она бы там развернулась.

Мальчишка стоял как вкопанный уже несколько минут. Сайясахари готова была рвать и метать, но не могла сдвинуться с места, чтобы ничего не испортить. Ей нельзя было прерывать ментальное воздействие ни на мгновение. Она и так чувствовала, как ослабевает её влияние на парня и не могла понять, почему это происходит.

И тут в поле её зрения появилась ещё одна фигура. Сайясахари восторжествовала, приняв незнакомку за Эфираси, но вскоре испытала горькое разочарование, поняв, что ошиблась в своих предположениях, когда девчонка со всего размаха врезалась в спину Ярика и, вскрикнув от неожиданности, повалилась на горячий песок, открывая миру своё лицо.

Тонкий девичий возглас вывел парня из оцепенения. Он словно очнулся ото сна, обернулся на странный звук и уставился на принцессу с изумлением. Потом огляделся по сторонам, удивляясь всё больше, и, наконец, его взгляд остановился на Змеином храме, за прошедшие годы ничуть не утратившим своего ужасающего великолепия.

Ярик не удержался от грубого ругательства, заметив гигантскую змею, застывшую в воротах храма. Её немигающий взгляд был страшнее самого жуткого его кошмара. Парень резко отвернулся, твердя себе, что Сайясахари до него не дотянутся, если только он сам не позволит ей сделать это.

Нашупав в кармане следящий амулет, Ярик тут же его надел и опустил под рубаху, позволяя камню соприкоснуться с кожей. Теперь Эфа будет знать, где он находится, и быть может, успеет его спасти.

Парень не обманывался, точно зная, что противостоять Сайясахари он не сможет. Ему и без того сказочно повезло очнуться на пороге Змеиного храма, так и не переступив последней черты. А ведь осталось сделать не больше двух сотен шагов и тогда... Он предпочёл не думать о том, что с ним могло случиться, не окажется тут принцессы

Резко развернувшись, Ярик вновь уставился на Ателину, сидевшую у его ног с самым несчастным видом. Девушка выглядела уставшей и потерянной: потрескавшиеся губы, покрасневшие глаза, опущенные плечи. Всё говорило о том, что она сильно измучена и находится на грани.

Ярик и сам чувствовал себя не лучше, но он был мужчиной, а потому счёл своим долгом сперва позаботиться о слабой девушке и только потом начать думать о себе и о том, как им продержаться до прибытия помощи.

Ателина не вполне осознавала действительность и потому не сразу поняла, что её губ касается горловина бурдюка. И только когда первые капли воды проникли ей в рот, она принялась жадно глотать живительную влагу, слегка разбавленную вином.

Ярику с трудом удалось вырвать из рук девушки бурдюк. Он прекрасно осознавал, насколько неразумно сразу израсходовать всю имеющуюся у них воду, ведь помощь могла и задержаться.

— Придётся немного потерпеть, Ваше Высочество, — обратился Ярик к принцессе, когда она требовательно протянула к нему руки, — воды слишком мало и взять её негде.

— Нас скоро найдут, — уверенно заявила девушка, ничуть не сомневаясь в том, что активные поиски уже ведутся.

Находясь рядом с Яриком, она почувствовала себя значительно лучше.

— Разумеется, нас найдут, но до того времени нам ещё нужно продержаться, — мягко осадил её Ярик.

— Зачем ты вообще сюда пошёл? — задала Ателина мучающий её вопрос. Она видела перед собой жутковатое строение в виде разинутой пасти гигантской змеи, но и мысли не допускала о том, чтобы укрыться в его стенах от палящего солнца. К счастью, девушка ещё не успела понять, что огромная змея, застывшая на пороге храма, не каменное изваяние, как могло бы показаться несведущему человеку, иначе истерики было бы не избежать.

Ярик пожал плечами, усаживаясь с Ателиной рядом и прикрывая глаза. Воздействие Сайясахари всё ещё ощущалось, но было намного слабее, чем раньше. По-видимому, она изрядно потратила свои силы, чтобы заманить его сюда.

— Я сделал это неосознанно, — ответил Ярик, спустя несколько минут, когда Ателина уже начала думать, что так и не дожждётся от парня ответа. — Не думал, что рассказы Эфы окажутся правдой. Меня и раньше тянуло в пустыню, но я легко справлялся с собой. Сам не пойму, как так получилось, что я вновь оказался рядом с проклятым храмом.

— Так ты бывал тут раньше? — заинтересовалась принцесса, забывая на время об усталости и жажде.

— Давно, ещё в детстве, — ответил Ярик уклончиво, но девушка от него не отставала.

— Расскажешь? — попросила она. — Всё равно делать нечего, так хоть время быстрее пролетит.

Ярик подумал и согласился. Скрывать что-то от Ателины не имело смысла. Она уже здесь, перед храмом. Так почему бы не предостеречь Её высочество от посещения святыни змеелюдов?

— Впервые я очутился в храме Великого Змея около восьми лет назад, — начал он свой рассказ и невесело усмехнулся, вспоминая события минувших дней. — Не по своей воле, разумеется. Правда, в том, что со мной случилось, имелась изрядная доля моей вины. Я был слишком глуп и доверился не тем людям. В результате чего едва не стал жертвой голодного змея.

Невзирая на жаркий день, Ярик ощутил, что его пробирает дрожь от одного только воспоминания о том, как он стоял на жертвенном камне и с ужасом в сердце ожидал своей смерти. А она неуклонно приближалась в виде гигантской змеи с оскаленной пастью. И не было от неё спасения.

— И как же тебе удалось выжить? — Ателина нетерпеливо дёрнула за рукав притихшего парня.

— Меня спасла Эфа, — просто ответил он.

Но принцессу такой короткий ответ не удовлетворил. И всё то время, что они провели в ожидании спасения, Ярик в подробностях рассказывал о своём знакомстве с Эфой, об их побеге из храма и невероятно трудном пути домой.

— С тех пор мы с Эфой точно брат с сестрой. Если кто и знает, где меня искать, так только она.

— Хотелось бы верить в то, что ты говоришь. Боюсь, мои охранники скорее сами потеряются в песках, чем смогут кого-то здесь отыскать.

— Это верно, — хмыкнул Ярик, вспомнив, как королевские гвардейцы впервые увидели верблюдов. Сразу стало ясно, что без посторонней помощи таким как они в пустыне не выжить. Но с ними Эфа, а значит, у этих воинов имеется шанс и немалый.

* * *

Пожалуй, единственное, чем мне не нравятся верблюды, так это своей медлительностью. Разумеется, их можно было бы заставить двигаться быстрее, но удовольствия в этом мало. По такой жаре сильная тряска покажется пыткой. К тому же долго верблюжий бег не продлится, так что не стоит и начинать. Уж лучше медленно, но верно продвигаться вперёд, вместо того, чтобы беспрерывно останавливаться, давая животным отдохнуть.

А ещё следовало учитывать неопытность наездников, особенно девушек, которым приходилось труднее всего. На самом деле управлять верблюдом легко, если учиться этому с детства. К сожалению, за несколько дней можно лишь кое-как приноровиться удерживать своё тело в непривычном седле, подавляя в себе страх и отвращение к невиданному ранее животному. На что-то большее лучше не рассчитывать.

Мужчинам до сих пор приходилось помогать юным наездницам не вывалиться из седла при посадке и зорко следить за тем, чтобы они не переломали ноги при попытке слезть на землю. Подобное участие с их стороны было вызвано насущной необходимостью, а не женским капризом. Определённый риск действительно имелся. Дело в том, что в момент остановки передние ноги верблюда буквально подламываются, при этом тело ездока резко бросает вперёд, затем животное плюхается на задние ноги, и тело наездника по инерции откидывается назад, но всё это при условии, что он всё ещё остаётся в седле, а не вылетел из него на первом этапе.

Посадка же происходит ещё веселее: лежащий на земле верблюд рывком встаёт на передние ноги, и наезднику стоит немалых усилий удержаться на месте. Однако порадоваться за себя он не успевает, потому что животное практически сразу поднимается на задние ноги, заставляя тело наездника подпрыгивать вверх, опять таки увеличивая шансы несчастного свалиться на землю.

Смотреть на это со стороны очень весело, а вот участникам сего действия явно не до смеха.

И всё же, несмотря ни на что, двигались мы значительно быстрее пешего путника.

Вскоре впереди показались стены Змеиного храма. Я впервые видела его днём и поразилась тому, насколько он огромный. На его фоне две человеческие фигурки смотрелись довольно жалко. Ярик и Ателина — вряд ли это мог быть кто-то другой, сидели на песке, прижавшись друг к другу. У меня отлегло от сердца. Мы прибыли вовремя и эти двое не успели попасть в беду. Осталось увести их от опасного места подальше и заставить дать клятву навеки забыть дорогу к этому храму.

План был хорош, только я не учла наличие ещё шести десятков человек за моей спиной, да Руди с Шарком, много лет уговаривающих меня провести их к Змеиному храму. А ведь я предупредила друзей, что с мечтами нужно быть осторожнее — могут ведь и исполниться. Что называется, накаркала.

За моей спиной послышались возгласы удивления и восторга. Чего-то подобного я и ожидала, сама искренне восхищалась дикой красотой храма и его величием. Омываемый потоками солнечного света он переливался многоцветием драгоценных камней. Даже странно, что любители лёгкой наживы их не тронули. То ли страх оказался сильнее алчности, то ли охрана храма не дремлет ни днём, ни ночью.

По мере нашего приближения тревога во мне нарастала. Внутри будто скручивалась тугая пружина. Неосознанно подгоняя свою верблюдицу, я двигалась всё быстрее, думая лишь об одном — меня там ждут.

От необдуманного шага меня удержал Ярик. Вернее, он удержал мою верблюдицу, подскочив к ней сбоку и изо всех сил дёрнув несчастное животное за уздечку.

— Эфа, — заорал он на меня так, что заложило уши, — ты что творишь, дурная девка? Куда несёшься, будто оглашенная? Раскрой глаза шире, да посмотри, кто ожидает тебя у порога.

От подобной наглости я быстро пришла в себя. Наваждение схлынуло, хотя грудь всё ещё сдавливала тревога. Ещё немного и быть бы нам всем трупами. Уверена, остальные без раздумий последовали бы за мной, на радость Сайясахари. А уж эта змеюка слопала бы дорогих гостей за милую душу и не подавилась. Меня, разумеется, в отличие от остальных, ожидала другая участь, та, что, по моему мнению, хуже смерти. И спасибо Ярику за то, что он вовремя вмешался в происходящее, но всё же не стоило ему называть меня дурой, особенно при всех.

На храм я смотреть не стала и без того знала, кого там увижу. А вот брату подобной дерзости спустить не могла.

— Это я что творю? — заорала в ответ, выплёскивая на Ярика весь свой страх за него, за Ателину, за себя, наконец. — Лучше скажи, о чём ты думал, когда поперся в это проклятое место, да ещё принцессу с собой прихватил, недоумок?

Пристыжённый и растерянный Ярик не знал, что ответить на мой выпад. По нему было видно, что он исам не понимает, как такое могло с ним случиться. Я же решила сменить

гнев на милость, но лишь потому, что мысленно признавала, что во всём произошедшем, имелась изрядная доля моей вины..

Я ведь знала, что такое может случиться, но расслабилась под опекой сильных мужчин, не досмотрела за братом, не уследила за Ателиной. Не проверила перед сном следилки, как делала это всегда, и в результате время было потрачено на бесплодные поиски. Нам просто сказочно повезло, что исчезновение Ярика обнаружилось почти сразу, а могли ведь и не успеть.

Соскользнув со спины верблюдицы на землю, я в два шага преодолела разделяющее нас с братом расстояние и уткнулась в его плечо, шепча покаянное:

— Прости, прости, прости.

— Эфа, ты чего? — растерялся Ярик, поглаживая ладонью меня по голове, как маленькую. — Это ты меня прости за то, что накричал на тебя. Я просто очень испугался, что могу тебя потерять.

— Я тоже испугалась, сильно, — призналась я брату. — Не стоило брать тебя с собой.

Вокруг нас толпились люди. О храме на время забыли, но очень скоро интерес к нему вернётся и тогда...

Отстранившись от Ярика, я вытерла невесть откуда взявшиеся слёзы, и громко прокричала, чтобы слышали все:

— К храму не приближаться. Любого, кто переступит его порог, ожидает неминуемая гибель.

В подтверждение своих слов я указала рукой на Сайясахари, застывшую в широком проёме каменным изваянием и не подающую признаков жизни. Сама бы купилась на её обман, если бы не провела рядом с этой змеюкой, боги знают, сколько дней и ночей.

Ожидаемо, люди мне не поверили. Что для них — таких умных и сильных, предупреждение какой-то девчонки?

Мужчины глухо роптали, выказывая своё недовольство. Не хватало лишь слабого толчка, чтобы все сорвались с места, стремясь завладеть несметными сокровищами, которыми изобилует храм Великого Змея. Я могла их понять. Королевские гвардейцы хоть и получали достойное жалование за свою службу, но всё равно мечтали о большем. И вот так запросто отказаться от свалившегося на голову богатства, было выше их сил. Даже если впереди их ждала смерть, они готовы были рискнуть.

Сингер поднял вверх руку, призывая всех замолчать, затем обратился ко мне с вопросом:

— Тебе что-то известно об этом месте?

— Известно ли мне? — ответила я вопросом на вопрос, откидывая с головы капюшон.

Уверена, в свете солнечных лучей чешуя на моём лице вспыхнула рубиновым светом. Красиво, наверное. Вот бы самой посмотреть, но ситуация не располагала к самолюбованию. Напряжение нарастало. И нужно было что-то срочно придумать, чтобы удержать людей от безумства. Да вот хотя бы заставить Сайясахари пошевелиться. Ведь до сих пор все думают, что она одна из тех каменных изваяний, которые именуются в каждом храме.

Расчёт мой был прост. Сайясахари не раз упоминала о том, что является дочерью короля, а значит, получила соответствующее воспитание. На этом я и собиралась её подловить.

— Ваше высочество, — обратилась я к Ателине, о которой, казалось, все позабыли. Да она и сама не обращала ни на кого внимания, не сводя глаз с застывшей Сайясахари. В глазах

девушки читался ужас. Мне пришлось коснуться её плеча, чтобы обратить на себя внимание и повторить ещё раз, на этот раз громко, чтобы слышали все: — Ваше Высочество, позвольте представить вам принцессу Сайясахари, прекрасную воительницу, мудрую женщину и хранительницу врат между мирами.

Лесть далась мне легко, ведь во многом мои слова были правдой. И Сайясахари не устояла, на глазах у всех меняя ипостась. Она плавно перетекала из одной формы в другую, обретая пусть и немного странные, но всё же человеческие черты лица. И только хвост никуда не делся, служа напоминанием об её истинной сущности.

Столь стремительное преобразование проняло всех. Даже суровые воины лишились дара речи, поняв, что каменный истукан был вовсе не каменным, как они полагали, а вполне себе живым и смертельно опасным монстром.

А Сайясахари понимающе улыбнулась клыкастой улыбкой и заговорила своим мелодичным голосом, слегка присвистывая и пришепётывая по обыкновению:

— Рада сссзнакомсству, Вашше Выссочесство. Будьте моей госсстьей. Двери храма открыты для вссех. Сссзаходите, насслодитессь его великолепием. Отдохните в тишшшине и прохладе, перед тем, как продолжить путь.

Сайсахари очень старалась выглядеть радушной и доброжелательной, но у неё это плохо получалось. Сказывалось отсутствие практики и конечно же необычный внешний вид.

Судя по лицам моих спутников, идти в гости им расхотелось. Блеск золота и драгоценных камней больше не туманил их разум. Позже, страхи покажутся им надуманными, а уровень опасности вполне допустимым, но это будет уже не моя забота. В конце концов, каждый должен решать свою судьбу сам. Всё что могла, я сделала, а если кому-то захочется рискнуть, пусть пеняет на себя. Сайясахари муки совести так точно неведомы.

— Теперь то мы можем продолжить наш путь? — обратилась я к Сингеру, ничуть не сомневаясь в ответе. И столкнулась с его задумчивым взглядом, от которого меня пробрало до дрожи.

— Ты ведь побывала внутри этого храма, Эфа, и вышла оттуда живой, — заявил он без тени сомнений в голосе. И тут же спросил: — Как такое возможно?

Этим вопросом капитан перечеркнул все мои старания. Алчный блеск вновь вспыхнул в глазах мужчин, и что-то мне подсказывало, что на этот раз мне не удастся его погасить, как бы я ни старалась.

Пламя свечи качнулось от лёгкого сквозняка, проникшего в келью сквозь внезапно открывшуюся дверь. По стенам сумрачного жилища отшельника заметались причудливые тени. Сиршехур не нуждался в ярком освещении. Его глаза прекрасно видели даже в темноте. И лишь во время чтения древних манускриптов он зажигал одинокую свечу, больше для создания нужного настроения, нежели для улучшения видимости.

— Брат Сиршехур, — обратился к нему вошедший послушник, — хранитель прислал тебе новые свитки и велел мне забрать те, что ты закончил переводить.

— Благодарю тебя, брат Аштакхар, — сдержанно отозвался Сиршехур.

Будучи представителем высшей касты, этот змеелюд обладал многими знаниями, недоступными простым обывателям. Даже здесь, в обители Великого Змея, не осталось носителей древнего языка. Настоятель монастыря долго не мог поверить в свою удачу, услышав имя нового послушника. Ни для кого не секрет, что члены королевской семьи предпочитали общаться между собой на мёртвом языке, а значит, владели им в совершенстве.

О причинах, побудивших пятого наследника стать послушником, настоятель предпочитал не задумываться. Не его ума это дело. Всё, что от него требовалось, так это не упустить шанс, дарованный Великим Змеем и, разумеется, вознести благодарственные молитвы своему божеству за своевременное вмешательство.

Дело в том, что некоторое время назад под главным хранилищем монастыря, было обнаружено тайное помещение, битком забитое свитками на древнем языке. К сожалению, заключённая в них мудрость оказалась ему не доступна. Настоятель от досады не раз порывался отгрызть кончик собственного хвоста,

когда до помутнения в глазах вглядываясь в причудливую вязь незнакомого языка, понимал, что все его старания бесполезны. Смысл написанного ускользал от его сознания. И тем сильнее мучило его любопытство, тем яростнее терзала жажда познания.

Появление в стенах монастыря одного из представителей высшей касты настоятель Мадхавахар воспринял, как благословение Великого Змея и с радостью поручил новому послушнику перевод древних манускриптов.

Дверь в келью бесшумно затворилась, и Сиршехур с жадностью принялся разбирать очередную кипу свитков. Ему не требовалось много времени на то, чтобы вникнуть в смысл написанного. Если бы не необходимость перевода на современный язык, он управился бы гораздо быстрее. Однако настоятель, не смотря на кажущуюся мягкость и уступчивость характера, проявил в этом деле удивительное упрямство, выдавая не более десяти свитков за раз.

А Сиршехур и не торопился. Ему требовалось время на осмысление прочитанного. Некоторые знания, по его мнению, были не просто вредны, они могли быть опасны и потому так и остались сокрытыми от других. Приходилось быть весьма осторожным, чтобы избежать проблем в будущем.

Таким образом пребывание Сиршехура в монастыре затягивалось на неопределённый срок.

И когда в его келью явилась Сайясахари с требованием подписать отказ от притязаний на трон, Сиршехур подписал его без колебаний, не видя смысла тратить время попусту.

Сестра всегда отличалась порывистым нравом и полным отсутствием умения просчитывать свои действия наперёд. Если уж она решила избавиться от конкурентов, неразумно было становиться на её пути сейчас. Сайясахари сама свернёт себе шею, когда уверует в свою исключительность, а произойдёт это достаточно быстро для того, чтобы она не успела натворить ничего непоправимого.

К слову, Сиршехур не был опьянён жаждой власти, как его взбалмошная сестрёнка. Его истинной целью являлось возрождение расы змеелюдов, влачивших жалкое существование в том мире, куда они вынуждены были бежать, спасая свои жизни.

На данный момент Сиршехур ясно представлял всю глубину возникшей проблемы, и даже видел пути её решения, но не мог начать действовать, сдерживаемый непроницаемым барьером, установленным между мирами.

Змеелюды являлись магической расой, созданной человеческими магами много столетий назад.

Люди веками воевали между собой, изобретая всё более изощрённые способы убийства себе подобных. История не сохранила имя гения, сотворившего идеальных убийц, способных в одно мгновение принимать боевую форму и становиться практически неуязвимыми для врага. Вероятнее всего это был не один человек, а целая группа магов. Теперь это не важно. Главное заключалось в другом — это изобретение положило конец одной жестокой войне и послужило началом другой, не менее кровопролитной, в которой бывшие противники вынуждены были объединиться перед лицом более серьёзной опасности.

Как и следовало ожидать, змеелюды, почувствовав силу и уверенность в себе, вышли из-под контроля магов и сумели основать собственное государство Заэрхан, просуществовавшее чуть менее трёхсот лет. Пустынные земли идеально подходили им для проживания, да и с коренными жителями не возникало никаких проблем, до тех пор, пока речь не зашла о детях.

В своё время маги хотели подстраховаться и решили сделать змеелюдов бесплодными, но что-то пошло не так и способность к воспроизводству себе подобных у магических существ никуда не делась, вот только потомство в их паре отчего-то выходило неполноценным. Рождённые в первых двух поколениях дети не имели человеческой ипостаси, а все последующие утрачивали способность принимать даже переходную форму, в конечном итоге полностью вырождаясь до примитивного уровня.

Решением этой проблемы могли стать люди, прошедшие ритуал перерождения, но процент выживших оказывался столь ничтожным, что от этой идеи пришлось отказаться. Нужно было искать другой выход из сложившейся ситуации, вот только он никак не желал находиться.

А тем временем в племенах аборигенов подрастало совместное потомство людей и змеелюдов. Две расы оказались вполне совместимы друг с другом. Дети со смешанной кровью не имели второй ипостаси, не говоря уж о третьей — боевой, но они были крепче и выносливее чистокровных сверстников, обладали острым зрением, великолепной реакцией и нечеловеческой силой. К тому же полукровки отличались отменным здоровьем, легче переносили жару, самые страшные хвори обходили их стороной. Вполне могло случиться, что и ритуал перерождения не станет для них смертельным приговором. Казалось, решение найдено, осталось только провести испытания.

Змеелюды так и не поняли, с чего вдруг мирные доселе жители проявили несвойственную им воинственность. Ведь они не потребовали ничего сверх меры, желая получить лишь то, что, как им думалось, принадлежало им по праву — ровно половину

юношей и девушек со смешанной кровью. По их мнению, это было бы справедливо.

Однако люди восприняли их требование, как угрозу и обратились за помощью к соседям. И тогда вспыхнула война, приведшая к печальным для змеелюдов последствиям. Они были изгнаны в другой мир, без единого шанса на возвращение и гарантией полного вырождения в течение ближайших столетий.

Сиршехуру было больно смотреть на то, как гибнет его раса. Разделение на касты произошло не за один день. На это ушли годы. Но пропасть между ними с каждым днём становилась всё шире.

К высшей касте относились все первозданные и те немногие счастливицы, у кого один из родителей прошёл ритуал перерождения. Это была каста властителей и воинов.

К средней касте принадлежали их потомки в первом и втором поколении, рождённые в паре змеелюдов. Они не могли принимать человеческий облик, но обладали здравым умом и деловой хваткой. Это была каста торговцев, управленцев и мастеровых.

И наконец низшая каста — самая многочисленная, но при этом вызывающая лишь жалость и омерзение. Тупые, безвольные существа, не способные самостоятельно мыслить. Они выполняли простую работу, ели, пили и размножались, не интересуясь больше ничем.

Не нужно было обладать аналитическим умом, чтобы понять, чем всё кончится. Пусть создатели и наделили змеелюдов долголетием, но даже магические существа не могут жить вечно. И всё, что останется от их великой расы — это безликая масса тупых существ отвратительной наружности. А чтобы этого не произошло, нужно всего лишь разрушить барьер в мир людей и попробовать с ними договориться.

Вот так просто и сложно одновременно.

И всё же Сиршехур верил в то, что на этот раз у них всё получится, как надо. Главное не повторять прошлых ошибок, а, значит, действовать скрытно, не говорить всей правды о себе, использовать дар убеждения и гипноз, а в некоторых случаях даже подкуп. Люди падки на золото, их манит блеск драгоценных камней — эту их слабость грех не использовать в своих целях, благо такого добра у них навалом. Новый мир оказался более чем щедр к переселенцам.

План, придуманный Сиршехуром, был хорош и даже имел все шансы на успех, но всё портил защитный барьер, установленный человеческими магами много столетий назад.

Сиршехур надеялся найти решение этой проблемы в древних манускриптах, но его надежды таяли с каждым днём. Он почти отчаялся найти ответ и потому не поверил своим глазам, когда в очередном свитке, наконец, обнаружил то, что искал.

* * *

Я прожигала Сингера взглядом, а он ждал ответа. Да и все остальные затаили дыхание, боясь пропустить хоть слово. Мне даже стало интересно, неужели они вправду надеются, что я благословлю их на самоубийство? Или лично возглавлю поход безумцев, жаждущих быстрой смерти?

Я то видела, как ловко Сайясахари расправляется с жертвами. Остаётся только удивляться, как при таких размерах она умудряется двигаться столь стремительно, что дыхание перехватывает, и волосы на голове становятся дыбом от осознания неизбежного.

— Не лучше ли будет задать этот вопрос Сайясахари, капитан? А заодно уточнить,

многим ли счастливицам удалось пережить её смертельное гостеприимство.

— Да она же там одна, — послышалась первая реплика со стороны зрителей.

— Точно, одновременно со всеми нами ей не справиться, — подал голос второй смельчак.

К первым двум тут же присоединилось ещё несколько человек, но активных действий пока никто не предпринимал.

Сайясхари же делала вид, что не слышит этих провокационных слов, и по-прежнему строила из себя радушную хозяйку, время от времени бросая в мою сторону укоризненные взгляды. Вероятно, надеялась таким образом пробудить во мне совесть. Только не на ту напала — потерей памяти я не страдаю и прекрасно помню, какая роль мне отведена в разыгрываемом ею спектакле.

— Хотите проверить это на себе? — спросила я у решительно настроенных мужчин. Только глухой не уловил бы в моём голосе издёвки.

И в ответ услышала грубое:

— А почему мы должны тебе верить? Быть может, ты просто не хочешь с нами делиться? Барышня эта хоть и хвостатая, но ведёт себя мирно, и в отличие от тебя слова дурного нам не сказала.

Я буквально онемела от возмущения, а Сайясхари зарделась от удовольствия. Видать, давно её барышней не называли.

Переведя взгляд на напарников, я постаралась заручиться их поддержкой, но сразу поняла, что напрасно надеялась на их содействие. И Руди, и Шарк увлечённо переговаривались между собой, не замечая никого вокруг. Сбылась их давняя мечта, и теперь увести их от храма можно будет только в бессознательном состоянии.

В отчаянии я опустила на песок и прикрыла лицо руками.

— Да делайте, что хотите, — прошипела я зло, — только после не говорите, что я вас не предупреждала.

Моих сил явно не хватит на то, чтобы удержать этих людей от безумства, но сама я туда не пойду, пусть Сайясхари на это даже не рассчитывает.

Загалдевшие было воины, вмиг замолчали. Они верно не ожидали, что я не стану их отговаривать. Моё поведение привело их в недоумение и вероятно заставило задуматься — а так ли всё просто, как кажется на первый взгляд?

— Далеко же ты забралась, любовь моя!

Услышав этот голос, я вздрогнула и мысленно застонала. Только Аанхура нам и не хватало для полного счастья. И какого демона он забыл рядом с храмом? А как же заветы предков, которые нельзя нарушать под страхом смерти? Разве кочевники не должны обходить Змеиный храм стороной?

— Не шипи, змейка моя желтоглазая, ты ведь сама уехала не попрощавшись, — продолжил скалиться Аанхур. — Знаю, что гордость не позволила тебе обратиться ко мне за помощью, но это не значит, что я оставлю тебя в беде.

Открыв глаза, я посмотрела на Аанхура. Он обращался ко мне, но смотрел на Сайясхари, да и она проявляла к нему нешуточный интерес. А после и вовсе случилось такое, чего никто из нас не ожидал — женщина-змея прямо на наших глазах превратилась в обычную женщину. Вместо хвоста у неё появилось две стройных ноги, а к ожерелью из драгоценных камней добавилась набедренная повязка, мало что скрывающая от жадных мужских взглядов.

Сайясахари олицетворяла собой соблазн в чистом виде. Она была уверена, что перед таким искушением не устоит ни один мужчина.

И в этот момент я отчётливо поняла, что проиграла. Захотелось немедленно зарыться в песок с головой. Размер грядущих неприятностей просто ошеломлял.

Кажется, в этой толпе мне одной удавалось сохранять трезвость рассудка, потому что все остальные выглядели абсолютно невменяемыми. Как будто обнажённых женщин никогда не видели, право слово.

Впрочем, кое-кого мне всё же удастся сегодня спасти, ведь помимо мужчин тут находились и девушки. Ни принцесса, ни её фрейлины по прежнему не горели желанием познакомиться с Сайясахари поближе, да и Ярик проявлял похвальное благоразумие, на всякий случай повернувшись к храму спиной.

Пришлось напомнить себе, что моим заданием была именно принцесса, а не её охранники. Разумеется, фрейлин тоже придётся тащить за собой, что сильно усложняет мою задачу, но не бросать же девушек на произвол судьбы.

Решение действовать по обстоятельствам далось мне нелегко, но оно было принято и требовало выполнения. И всё же я не могла не дать этим глупцам последний шанс одуматься, напомнив им о долге. Совсем без потерь не обойдётся, но с военными это должно сработать.

В нашем мире осталось не так много магов, как раньше. Все они состояли на службе у короля. Где-то на периферии, возможно, успели позабыть о тех чудесах, на которые были способны эти кудесники, зато в столице их услугами пользовались все, кто мог себе это позволить, так как стоили они не дёшево.

У короля проблем с наличием магии не имелось, а потому весь дворец был буквально пропитан магией. Помимо решения ежедневных проблем вроде подогрева воды, освещения и охраны периметра, маги часто привлекались к составлению важных государственных документов. В частности — подписанию различного рода обязательств и договоров, нарушение которых каралось довольно строго, иногда даже смертью.

— Вы вольны поступать, как пожелаете, — обратилась я к королевским гвардейцам. Они встрепенулись и тут же поникли, стоило мне добавить: — Но только после завершения возложенной на нас миссии. Осмелюсь напомнить всем вам о магической клятве — вещи безусловно полезной и практически неосязаемой, если только её не нарушать. Можно даже забыть о её существовании, но лишь до тех пор, пока ваши намерения не перейдут в действия.

Мужчины слушали меня внимательно, и это давало надежду. Возбуждение и азарт на некоторое время притупили их чувства, однако не всё ещё было потеряно. После моего обращения воины как по команде схватились за горло. У каждого появилась отметина в виде тонкой розовой полосы у основания шеи — лёгкий намёк на то, что ожидает их в случае нарушения клятвы.

Отсечение головы — не самая страшная смерть, какая могла бы быть уготована клятвопреступникам, но и подобная перспектива подействовала на гвардейцев не хуже ушата ледяной воды.

— Что же касается тебя, Аанхур, — толкнула я в плечо изменника, не сводящего горящего взгляда с Сайясахари, — пришло время вернуть долг жизни, а посему ты и твои люди будете сопровождать нас в этом полном опасностей путешествии. Уходим не медля, прямо сейчас.

Мне досталось несколько злых взглядов, однако возражений не последовало. Между прочим, могли бы и поблагодарить за своевременное напоминание, но видно я слишком много хочу от людей, испытавших сильнейшее разочарование в жизни.

Давно я не чувствовала себя настолько уставшей, и всё же расслабляться было рано. Оставались ещё Руди и Шарк. Они не были связаны магической клятвой, а кто из нас кому должен, мы перестали высчитывать лет пять назад, когда окончательно превратились в команду. Я привыкла называть их напарниками, на самом же деле мы были друзьями. Парни дружили с детства, прошли вместе огонь и воду. Даже не знаю, с чего вдруг они приняли меня в свою компанию, но за всё то время, что я их знаю, они ни разу не попытались воткнуть мне нож в спину. Я привыкла им доверять, и это стоило того, чтобы побороться за их жизнь, даже если цена окажется слишком высока.

Я понимала, что поступая так, как задумала, рискую потерять их доверие навсегда, а вместе с доверием исчезнет и наша дружба. Пусть так, зато я буду знать, что они живы.

Иглы с ядом попали точнёхонько в цель.

Два тела грузно осели на землю.

— Грузите их на верблюдов, — отдала я распоряжение обалдевшим от моего поступка мужчинам, — хватит тут прохлаждаться.

На Сайясахари я даже не взглянула. Торжествовать было рано. Я всего лишь отсрочила печальный конец. Ничто не помешает Аанхуру вернуться к храму чуть позже. Разве что он одумается и вспомнит о запрете. Хотелось бы в это верить.

С королевскими гвардейцами дела обстояли чуть лучше. Самостоятельно найти дорогу к храму они не смогут, а знающих проводников им вовек не сыскать.

— Ты их убила что ли? — спросили меня со спины.

Я ответила, не оборачиваясь:

— Да что с ними будет? Поспят час-другой и станут как новенькие.

Позади меня послышалось недовольное ворчание. Да и боги с ними. Я то знаю, что поступаю правильно, а чужое осуждение как-нибудь переживу, не впервой.

Вскоре вереница верблюдов растянулась лентой между барханами. И снова солнце, безветрие, песок и звенящая пустота вокруг — лучшее из того, что может предложить нам пустыня.

* * *

Сайясахари смотрела вслед удаляющемуся каравану и в бессильной ярости молотила кулачками по прозрачному куполу.

— Ты ещё головой по нему постучи, — послышался сзади насмешливый голос.

— Ссиршшшехур, — зашипела Сайясахари, наконец найдя того, на кого можно выплеснуть весь свой гнев.

Трансформация в боевую форму произошла мгновенно, и Сайясахари бросилась на брата, забывая о том, что не собиралась его убивать. Вот только она не предполагала, что Сиршехур может оказать ей достойное сопротивление. Во дворце все привыкли считать пятого принца едва ли не монахом — существом духовным, далёким от мирской суеты, а он вдруг оказался великолепным бойцом. В два счёта скрутил безумную сестрицу и придавил её тяжестью своего тела.

Сайясхари окончательно пала духом и не дёрнулась даже тогда, когда Сиршехур ослабил свой захват.

— Ну что, сестра, успокоилась? Или хочешь ещё повоевать? Ты только скажи, я ведь и сам не прочь размяться.

Сайясхари ничего не ответила на его подначку, вместо этого свернулась кольцом и прикрыла глаза. Какой смысл бороться с тем, кто заведомо сильнее тебя? Сиршехур вдвое больше и во столько же быстрее неё. К тому же он свободен, в отличие от самой Сайясхари, привязанной к этому месту, судя по всему, до конца жизни.

Прежде она не знала, что такое уныние, но вот сегодня впервые ощутила горький вкус поражения и осознала, что все её старания ни к чему не приведут. Жизнь внезапно утратила смысл, будущее отныне представлялось серым и безрадостным. Сайясхари ожидаемо задалась вопросом — а стоит ли жить дальше?

— Ну и бардак ты тут развела, — как ни в чём не бывало продолжил насмешничать Сиршехур, — Хоть бы изредка прибиралась, всё равно ведь маешься без дела.

Принцесса змеелюдов приоткрыла один глаз и посмотрела на брата. Он возился у входа. Присмотревшись, она поняла, что Сиршехур наносит на обрамляющие проём камни какие-то знаки. Ради этой цели он даже принял переходную форму. Казалось бы, самое время, чтобы ударить по нему со спины, но любопытство оказалось сильнее желания избавиться от сильного противника одним ударом.

— Что ты делаешь? — Сайясхари решила побыть дружелюбной. В конце концов, у неё давно не было интересного собеседника, а брат был умён, этого у него не отнять.

— Хочу кое-что проверить, — ответил он миролюбиво.

Принцесса немного успокоилась. Если бы Сиршехур хотел её смерти, не стал бы тянуть. Поведение брата казалось ей очень странным и вызывало массу вопросов. И вдруг Сайясхари озарило — да ведь он явился сюда, чтобы вызволить её из заточения. А она — идиотка, едва его не убила. Говорил же отец, что сперва нужно думать головой и лишь потом действовать. Неужели, прошедшие годы так ничему её и не научили?

Раскаяние также являлось для Сайясхари ранее неиспытанным чувством, и оно также как и уныние оказалось отвратительным на вкус. Правда, хватило его ненадолго, так как принцесса змеелюдов тут же нашла себе оправдание — она просто была не в себе. И если разобраться, то бездумного нападения так и не случилось, а, значит, кое-чему она всё-таки научилась.

— Прости, что напала на тебя, — обратилась она к брату, смущаясь и краснея от неловкости.

— Пустяки, — отмахнулся тот, ни на секунду не прерывая своего занятия.

Наносимые им знаки покрывали поверхность камня причудливыми завитками. Они неразрывно соединялись между собой. Так кружевница выплетает узор, складывая его из одной непрерывно тянущейся нити. Получалось очень красиво, но по-прежнему не ясно, зачем это надо делать, ведь храм и без того поражал великолепием отделки.

Солнце блеснуло последним закатным лучом и погасло. Окружающий мир погрузился в непроницаемый мрак. Сайясхари, чувствуя приближение ночи, заранее разожгла огонь в подвесных светильниках и теперь отчётливо видела, как Сиршехур наносит последний завиток, слившийся воедино с тем, что появился тут первым.

Закончив, брат устало выпрямился, но времени на передышку себе не дал. Вместо этого он протянул перед собой руки и как будто толкнул ими закрытую дверь. И вот ведь чудо —

невидимая дверь отворилась, а Сиршехур, не удержавшись на ногах, вывалился наружу.

Сайясхари не могла поверить своим глазам — брат совершил невозможное. Каким-то чудом ему удалось преодолеть магическую преграду и выйти за пределы храма. Она застыла на миг, а потом рванула вслед за Сиршехуром, не помня себя от радости и восторга. Жизнь принцессы змеелюдов вновь засияла красками, обещая исполнение её самых заветных желаний.

Не думала я, что придётся возвращаться во владения Аанхура, но вот поди ж ты, как всё повернулось. Ещё один бесцельно потраченный день. Надеюсь, вождь не слишком на меня разозлился, а то с него станется лишить нас пристанища на эту ночь.

Я то привычная, могу и в песках переночевать, а вот девчонок жалко. Видно, что им приходится нелегко, но не жалуется, что довольно странно. Я то ожидала от них совершенно иного поведения. Принцесса так и вовсе притихла, стала такой задумчивой, что впору начинать за неё волноваться. Как бы не повредила рассудком после таких потрясений.

Моё место во главе каравана занял Аанхур, а я и не возражала. У него опыта побольше моего будет, да и приятно хоть иногда переложить часть забот на мужские плечи, а то всё сама да сама.

У границы оазиса Аанхур дал знак остановиться. Обернулся назад, выхватил меня взглядом и поманил к себе.

Так я и думала, будет торговаться. Даже если завтра мы вместе продолжим путь, это вовсе не значит, что он упустит свою выгоду сегодня, такой уж человек.

— Чего ты хочешь? — спросила напрямик у несостоявшегося жениха. После целого дня в седле не было никакого желания с ним пререкаться.

— А что ты можешь мне предложить? — не уловил моего настроения Аанхур. Судя по его довольной физиономии, он предвкушал хорошую сделку. Понимая, как сильно измучены мои спутники и как остро они нуждаются в нормальном отдыхе, чтобы иметь силы завтра продолжить путь, Аанхур решил выжать из нас побольше. Он чувствовал себя хозяином положения и собирался диктовать нам свои условия, вот только не знал, что такого ценного у нас имеется при себе и потому прощупывал почву перед тем, как назначить цену за ночлег.

— Информацию, — ответила я коротко, с удовольствием отмечая, как от удивления расширяются глаза Аанхура. Вероятно, я первая, кто предложил ему в оплату столь эфемерный товар. Пришлось подстегнуть любопытство мужчины, уверенно заявив: — Поверь, Аанхур, мои сведения стоят много дороже клыков тарак.

Самое забавное, что это действительно было так. От кого ещё Аанхур сможет получить информацию о Сайясхари? Никто в целом мире не знает об этой женщине столько, сколько знаю я. А ведь она его сильно заинтересовала. Настолько, что он готов был нарушить запрет, лишь бы оказаться с ней рядом.

Глаза Аанхура сверкнули золотым блеском. Чёрточка зрачка почти растворилась в янтарной радужке. Сразу стало заметно, как сильна в нём в кровь Великого Змея. Такой запросто пройдёт ритуал перерождения. И Сайясхари наконец оставит меня в покое, получив превосходящую по всем статьям замену. Все будут счастливы и довольны.

Наспех придуманный план выглядел просто замечательно, странно, что он не пришёл мне в голову раньше.

— И о чём же ты хочешь мне поведать, маленькая змейка? — Аанхур изогнул насмешливо бровь. Он быстро оправился от удивления и теперь поглядывал на меня с предвкушением, точно зная, что я не бросаю слов на ветер.

— Не о чём, Аанхур, а о ком, — поправила его я, — почему-то мне кажется, что тебе захочется узнать во всех подробностях историю моего знакомства с Сайясхари. А чтобы

подогреть твоё любопытство, скажу, что много лет назад она приняла меня в свой род и нарекла новым именем — Эфираси. Ты будешь первым, кто услышит историю моего превращения от начала и до конца.

Против такого соблазна, даже я бы не устояла. Что же касается Аанхура, так он едва удержался от того, чтобы тотчас не сдёрнуть меня с верблюдицы и не утащить без промедления в свой шатёр.

Впрочем, я и не возражала против подобной спешки. Хотелось поскорее со всем покончить и отправиться спать. Так что наши желания в кои-то веки совпали.

* * *

— И ты утверждаешь, что яд Сайясахари меня не убьёт? — спросил Аанхур, потирая ладонью гладко выбритый подбородок.

— Про яд ничего не знаю, — покачала головой я, — она поила меня своей кровью. Гадость редкостная, но и действенная, как видишь.

Я продемонстрировала Аанхуру вторую ипостась, ожидая от него бурной реакции. Однако он выглядел разочарованным.

— И только то? А где же хвост? — спросил Аанхур после долгого созерцания моих нижних конечностей.

— Не уверена, но думаю, был бы и хвост, задержись я в гостях у принцессы змеелюдов подольше, — высказала я свои предположения на этот счёт.

Сама я не испытывала ни малейшего сожаления из-за отсутствия хвоста. Мне хватало ядовитых клыков и раздвоенного языка.

Это Аанхур сидит в пустыне безвылазно, и его подданные готовы принять своего повелителя любым, и хвостатым, и клыкастым. Мне же приходится мотаться по всему миру, а люди не всегда лояльны к тем, кто отличается от общепринятых норм и стандартов. Не повезло родиться рыжим, горбатым, длинноносым, лопоухим, долговязым или коротышкой — список можно продолжать бесконечно, готовься к постоянным насмешкам и издёвкам. Я конечно могу постоять за себя, но даже мне не под силу справиться с оголтелой толпой, решившей поохотиться на чудовище. И если некоторые изменения ещё можно спрятать под капюшоном, то хвост точно привлечёт внимание общественности. Обойдусь как-нибудь без него.

— Месяц это чересчур долго, — рассуждал Аанхур, приняв мой ответ за верный. — Я не смогу оставить оазис без присмотра на такой срок. Мои люди слишком доверчивы, их в два счёта облапошит какой-нибудь проходимец. Бывали тут такие и не раз, пытались выменять цветные стекляшки на золото.

Я согласно покивала головой, но интересоваться судьбой мошенников не стала. И без слов ясно, что им не поздоровилось.

— А Сайясахари точно не может выйти за пределы храма? — в который раз поинтересовался Аанхур.

Я возвела очи горе. Ну сколько можно? Я ведь уже раз десять ему повторила про непроницаемый для змеелюдов купол, установленный магами древности над Змеиным храмом.

Аанхур вновь задумался, а моё внимание привлёк усиливающийся снаружи шум. Люди

явно были чем-то обеспокоены.

— Пойду, гляну, что там случилось, — обратилась я к Аанхуру, легко поднимаясь на ноги и направляясь к выходу из шатра.

Откинув тяжёлый полог, я шагнула вперёд, но сразу остановилась, не веря собственным глазам. Такого просто не могло быть. Скорее всего я заснула и теперь вижу сон, в котором главным действующим лицом является Сайясхари собственной персоной. Она не только освободилась из заточения, но и чудесным образом раздвоилась. Как будто мне было мало её одной.

Предупреждала меня Дафна, чтобы не думала и не говорила перед сном о том, что тревожит, сны будут беспокойные. Напрасно я её не послушалась.

— Эфа, девочка моя дорогая, — услышала я знакомый голос, а после ещё и ощутила, как вокруг меня сжимается тесное кольцо из объятий моей названной мамочки.

Грудь сдавило так, что стало трудно дышать.

— Пуссти, задушшишишшь, — прошипела я с трудом, во всю ширь распахивая глаза.

— Ой, прости, опять не рассчитала. Это я от радости — изобразила искреннее смущение Сайясхари, даже не думая меня отпустить.

— Как ты тут очутилась? — задала я волнующий меня вопрос.

Сайясхари приосанилась, качнулась на толстом хвосте и торжественно произнесла:

— Поссзволь предссставить тебе моего брата Сссиршехура — умнейшшего змеелюда сссовременности.

Я выглянула из-за плеча мамочки и столкнулась со взглядом точно таких же как у Сайясхари глаз, только размерами побольше, причём значительно, раза в два точно. Определённо, во внешности брата и сестры имелось много общего. Вот только Сиршехур выглядел гораздо умнее и серьёзнее своей ветреной сестры.

— Так ссзначит, это не ссон, — прошептала я чуть слышно, но Сайясхари меня услышала.

Она рассмеялась звонко, заливисто, как может смеяться только абсолютно счастливый человек или змеелюд. А в следующее мгновение я полетела лицом в песок, так как перед Сайясхари появился более вожеленный объект — Аанхур собственной смазливой персоной.

Приземлилась я неудачно, уткнувшись носом в чёрный лоснящийся хвост Сиршехура. И не успела вскочить на ноги, как оказалась висящей в воздухе, подхваченная сильными руками змеелюда. Тут же почувствовала себя эстафетной палочкой, передаваемой из рук в руки участниками соревнований.

Ясное дело, моё настроение от этого не улучшилось. И вместо того, чтобы поблагодарить Сиршехура за помощь, я взглянула на него с вызовом. Пусть не думает, что я готова растечься лужицей у его хвоста, как те дурёхи из местных, что одаривают нежданного гостя восторженными улыбками и кокетливыми взглядами.

Для них Сиршехур подобен божеству. Да он так и выглядит: гордый и величественный, поглядывающий на людишек свысока. Потому и не спешит отращивать ноги, чтобы было проще обливать нас презрением, возвышаясь над толпой метра на полтора не меньше.

Впрочем, меня это не касается, я-то как раз оказалась с высокородным принцем лицом к лицу, и увиденное мне не понравилось. В глазах Сиршехура я прочитала интерес, но не тот, который мог бы польстить мне, как девушке. Это был интерес учёного, заметившего нечто такое, чего, по его мнению, быть не должно.

Признаюсь, не слишком приятно ощущать себя объектом изучения странного существа

из другого мира. Уж лучше иметь дело с Сайясахари, чем с её умненьким братцем, от которого не знаешь, чего ожидать. Как бы не пустил на опыты — змеюка учёная.

— Пусссти, — попыталась я вырваться из сковывающих меня объятий.

Как ни странно, Сиршехур сразу меня послушал и бережно опустил на землю. Вся моя злость мигом испарилась, однако настороженность осталась. Ну вот нет у меня доверия к типам, обладающим таким холодным оценивающим взглядом. Сразу вспоминается прошлое, повторения которого мне хотелось бы избежать.

— Ссспассибо, — выдавила я из себя через силу и постаралась затеряться в толпе, окружившей нас со всех сторон.

Поведение аборигенов можно было понять. Не каждый день герои из легенд обретают кровь и плоть для того, чтобы предстать перед восторженными почитателями, да ещё в таком виде, что только слепой усомнится в их божественном происхождении.

До нашей стоянки я добралась довольно быстро. Капитан Сингер наконец взял ситуацию под контроль и даже охранные посты были выставлены, как полагается. Вид мужчина имел виноватый, видимо осознал, что своим поведением подверг всех нас опасности. Понимаю, соблазн был велик, но надо же уметь просчитывать возможные риски, на то он и командир.

— Что там за шум? — обратился ко мне с вопросом капитан, старательно отводя взгляд в сторону.

— К Аанхуру пожаловали гости, — бросила я через плечо, не имея ни малейшего желания пускаться в дальнейшие объяснения. Эта информация может подождать и до утра. А если нам повезёт, то мы уедем раньше, чем аборигены очнутся после сегодняшней вечеринки, которая наверняка продлится всю ночь. В этом случае можно будет сохранить всё в тайне. Я почему-то была уверена в том, что моим спутникам не стоит раньше времени сообщать о столь значимом событии, как прорыв барьера. В конце концов, у нас имеются обязательства, которые необходимо выполнить, не смотря ни на что. Остальное нас не касается.

Сиршехур смотрел вслед удаляющейся девчонке, явно прошедшей ритуал перерождения, и хмурился. Он не мог понять, откуда она взялась. Могло ли случиться такое, что кто-то из их расы остался в этом мире и продолжает своё существование до сих пор?

Сайясахари, не смотря на прожитые годы, так и осталась импульсивной особой. Получить от неё хоть сколько-нибудь достоверные сведения, не представлялось возможным. По крайней мере до тех пор, пока она не успокоится. Снятие барьера, к сожалению, потрясло сестрицу до глубины души, заодно лишив остатков разума. Поняв, что преграды больше не существует, она повела себя в высшей степени неадекватно. Неожиданно рванула в пески, прочь от храма, да так быстро, что промедливший всего лишь минуту Сиршехур, едва её нагнал.

От суровой трёпки Сайясахари спасло лишь то, что она привела его к людям. Да не просто к людям, а к тем, в чьих жилах течёт пусть и сильно разбавленная, но всё же кровь Великого Змея. Положа руку на сердце, Сиршехур не надеялся, что ему повезёт в первый же день. Готовился к дням и неделям поиска. И вдруг такая удача. Считалось, что все полукровки должны были погибнуть ещё в те времена от рук тех же магов, что задались целью очистить свой мир от вышедших из-под контроля змеелюдов.

Теперь уже и не выяснить, почему маги решили оставить в живых людей со смешанной кровью, не имеющих второй ипостаси, проявив к ним удивительное милосердие. Благодаря

чему, теперь не придётся тратить годы на возвращение годного для ритуала потомства, а можно будет проводить эксперименты с уже имеющимся материалом. Тем более, что аборигены, кажется, вовсе не против того, чтобы послужить своим богам.

Даже забавно, как поменялось отношение людей к проведению ритуала за прошедшие столетия. Теперь многие из присутствующих сочли бы за честь стать парой змеелюду, невзирая на высокую вероятность смертельного исхода проводимого ритуала.

Новость была потрясающей. Сиршехур успел ей порадоваться и даже немного устать от восторженной суеты, начавшейся в поселении с их появлением. Люди кричали, смеялись, плакали. Пытались падать ниц перед ним и сестрой, рискуя быть раздавленными своими соплеменниками. Приходилось соблюдать осторожность, чтобы не случилось смертоубийства.

Сиршехур прекрасно понимал, что настроение толпы может измениться в одну минуту, стоит только совершить нечто непоправимое. И тогда радость сменится гневом, а воодушевление затмится людской злобой и негодованием.

Исходя из этих соображений, Сиршехур продолжал оставаться в переходной форме, из которой он мог мгновенно перейти в боевую, чтобы иметь возможность обороняться в случае необходимости.

Сайясхари молча последовала его примеру. Но вскоре выяснилось, что Сиршехур рано радовался её сообразительности. Сестра вновь показала себя не с лучшей стороны, напрочь забыв об осторожности, когда увидела мужчину, застывшего у входа в богато украшенный шатёр. Она проявила импульсивность, небрежно отбросив в сторону девчонку, которую до этого довольно немилосердно стискивала в своих объятиях и приняв человеческий облик, чтобы в следующую минуту скрыться за пологом шатра вместе со своим избранником.

Сиршехуру в очередной раз пришлось устранять последствия её поступков и молить Великого Змея о том, чтобы всё обошлось. К счастью, девчонка оказалась жива, и даже не сильно пострадала. Правда, вела себя вызывающе, но Сиршехур не мог на неё сердиться. Он просто смотрел на её небольшие клыки с янтарными каплями смертельного яда на острых кончиках, на раздвоенный язычок, придающий её речи знакомое с детства звучание, на ярко алую чешую, обрамляющую хорошенькое личико юной девушки и не мог выдать из себя ни слова.

Впервые в жизни, Сиршехур буквально остолбенел от смеси неверия и восторга. Лучшее, что он мог сделать в тот момент, это позволить ей уйти, чтобы дать себе время прийти в себя, осознать, что это не сон и не наваждение. Позже, когда к нему вернётся способность мыслить, он обязательно её отыщет и заберёт с собой. Теперь, когда он точно знает, что эта чудо-девушка существует, ей от него никуда не деться.

* * *

Стены шатра служили слабым укрытием от внешнего мира, но Сайясхари и Аанхур, увлечённые друг другом, не обращали никакого внимания на доносящиеся снаружи звуки музыки и гомон голосов. После внезапной вспышки яростной всепоглощающей страсти они тихо нежились в объятиях друг друга, и молчание их ничуть не тяготило.

Тела были пресыщены недавними ласками, мысли текли вяло, расслабленно. Думать о будущем, что-то планировать не было ни малейшего желания. Хотелось навечно остаться в

настоящем. И пусть оба понимали, что это невозможно, но всё равно отчаянно цеплялись за каждое мгновение, проведённое наедине.

У Аанхура было много женщин, но ни с одной из них он не чувствовал себя настолько цельным. Как будто прожил жизнь поделённым надвое и только сейчас обрёл свою вторую половину. Он покрепче сжал в объятиях податливое тело Сайясахари, а она прильнула к нему доверчиво, подставляя губы для поцелуя.

— Ты ведь останешься со мной? — спросил Аанхур, страшась ответа.

Сайясахари потянулась в его руках, устраиваясь поудобнее, и улыбнулась счастливой улыбкой удовлетворённой женщины.

— Тебе же известны условия, дорогой, — промурлыкала она, проводя тонкими пальчиками по его груди. — Для того, чтобы мы были вместе, ты должен пройти ритуал, который свяжет нас навеки.

— Или станет моей погибелью, — криво усмехнулся Аанхур.

— Не исключено, — не стала отрицать Сайясахари. — Она приподнялась на руках и заглянула в глаза любовника: — Вопрос заключается в том, готов ли ты пойти на такой риск?

Аанхур тяжело вздохнул. Он любил жизнь, но и трусом никогда не был. Если судьба посылает ему испытание, нужно пройти его с честью. А если вспомнить о награде, которая ожидает в конце, то сомнения и вовсе неуместны.

— Я готов, — ответил он твёрдо.

А вот Сайясахари после его слов отчего-то ощутила неуверенность и даже страх. Она испугалась того, что вновь может остаться одна. После того, что ей удалось пережить этой ночью, дальнейшая жизнь без Аанхура представлялась принцессе змеелюдов серой, унылой и безрадостной. А если быть честной до конца, то стоит признать, что по-другому она и не жила. И лишь с этим мужчиной она ощутила настоящий вкус жизни.

Сайясахари на миг зажмурилась, принимая нелёгкое для себя решение, и заявила не менее твёрдо:

— Будь уверен, Аанхур, я пойду с тобой до конца. Погибнешь ты, умру и я. Мне без тебя не жить.

Было ли это признанием в любви? Определённо было, даже если сама Сайясахари ещё не осознала своих чувств. Зато более опытный Аанхур сумел её разгадать. Ему сразу стало легко и спокойно на душе. Вместе они обязательно преодолеют все препятствия, чтобы больше не разлучаться. Иначе и быть не может.

— Что я должен делать? — задал он вопрос, решив не затягивать с ритуалом. Промедление не подарит им счастья, лишь заставит нервничать сильнее.

— На самом деле, ничего сложного, — тут же отозвалась Сайясахари. — Я буду поить тебя своей кровью. Если нам повезёт, она запустит в твоём теле процесс перерождения. В противном случае...

Сайясахари не стала договаривать, оба и так знали, что произойдёт, если тело Аанхура отторгнет кровь Сайясахари.

— Перед тем как начать, я должен передать дела старшему сыну.

Аанхур был собран и деловит. Чувственное безумие полностью выветрилось из его головы. Как правитель он отвечал за жизни тысяч людей и не мог оставить их на произвол судьбы. Дети пустыни просты и наивны. Они привыкли во всём полагаться на сильного и мудрого правителя.

— Сколько времени тебе понадобится на это? — задала вопрос Сайясхари, обряжаясь в свои немудрёные одежды.

— Немного, — ответил Аанхур, — день или два. Мой старший сын Махарайя вот уже несколько лет помогает мне в делах. Он давно готов к тому, чтобы перенять управление оазисом в свои руки.

— Не боишься упустить власть? — не удержалась и поддела его Сайясхари. Она ещё помнила о своих недавних устремлениях, которые в эту ночь отошли на второй план и вдруг так не вовремя напомнили о себе.

— Власть для меня не самоцель, — нахмурился Аанхур. — В первую очередь это большая ответственность за людей, за их жизни. Мой сын справится с этой задачей ничуть не хуже меня. Признаюсь, свобода прельщает меня гораздо сильнее. Только представь, как хорошо быть необременённым чужими проблемами и чаяниями и заботиться лишь о том, кто тебе по-настоящему дорог.

Слова мужчины заставили Сайясхари задуматься. Она надолго замолчала, что было к лучшему, ведь и Аанхуру было о чём подумать. Эта ночь стала переломной в их жизни. Оба понимали, что так как раньше, уже не будет и немного страшиться перемен, но всё же стремились к ним всей душой.

Серое раннее утро ещё хранило прохладу ночи, и мы зябко ёжились, навьючивая поклажу на верблюдов. Собирались быстро, не издавая ни звука. Я чувствовала на себе неприязненные взгляды мужчин, но старалась на них не реагировать. Никакой вины за собой я не чувствовала. И если бы кое-кто взял на себя труд подумать, то наверняка признал бы мою правоту. Но думать с утра пораньше никому не хотелось, проще было выражать недовольство, чем разбираться в мотивах моих поступков.

Хмурые и полусонные мы отправились в путь, снова решив не прощаться с гостеприимными хозяевами. На невысказанный вопрос капитана я только пожала плечами. Не думал же он всерьёз, что я действительно стану настаивать на сопровождении нас Аанхуром и его людьми? Это была всего лишь уловка, чтобы увести правителя оазиса подальше от храма. И как выяснилось абсолютно бесполезная, потому что Сайясахри всё равно нашла способ его достать.

Мои друзья со мной не разговаривали. Даже не ответили на приветствие. Вели себя точно малые дети. Ничего, пусть подуются, зато живы остались — олухи великовозрастные. Будто мало им приключений в жизни. Да если бы я была уверена в том, что у них имеется хоть какой-то шанс на прохождение ритуала, удерживать бы не стала. Но всё дело в том, что такого шанса у них нет и никогда не будет. И Руди, и Шарк — чистокровные люди, кровь Великого Змея для них всё равно, что яд.

Мерное покачивание верблюдицы нагоняло сон, но мне, как проводнику, спать было нельзя. Какое то время я развлекала себя тем, что всматривалась в окружающий пейзаж, стараясь отыскать малейшие признаки притаившейся в песках угрозы. Наше путешествие проходило на редкость спокойно и это настораживало. Пустыня выглядела тихой и безмятежной. Но мне ли не знать насколько это спокойствие может быть обманчивым? И когда справа на горизонте показались небольшие песчаные вихри, я даже испытала невольное облегчение — наконец-то началось. Всё какое-то разнообразие. И тут же устыдилась собственных мыслей. Я ведь несу ответственность за этих людей, а им в отличие от меня, действительно может грозить опасность.

— Всем спешиться! Раскинуть охранный контур! Занять оборону! — закричала я что есть мочи и, повинувшись собственному приказу, в одно мгновение соскочила со спины верблюдицы на землю.

Желающих повторить мой акробатический трюк не нашлось, впрочем, медлить тоже никто не стал. Пусть и не так эффектно, зато очень слаженно, люди спешились и принялись выполнять мои распоряжения. Девушки, как самые слабые и уязвимые существа среди нас, были немедленно отправлены в центр охранного круга. Они хоть и выглядели испуганными, но в истерику не впадали. Зато с животными пришлось повозиться. Они ощущали надвигающуюся угрозу и всё время порывались сорваться на бег, повинувшись своим инстинктам. Наконец их тоже удалось утихомирить, правда, не без помощи чудодейственного зелья одной моей знакомой ведьмы. Глаза верблюдов с длинными ресницами подёрнулись поволокой, и животные впали в протрацию. Окружающее перестало их волновать. Вот и славно, не придётся на них отвлекаться в минуту опасности.

— Может и девушкам дать по капле этой настойки? — капитан задумчиво повертел в руках пузырёк из тёмного стекла.

— Неплохая идея, — согласилась я с его предложением и направилась к нашим красавицам с самой радушной улыбкой на губах, какую только смогла изобразить при данных обстоятельствах.

Девушки мгновенно насторожились, но безропотно приняли по капле успокаивающего зелья, из чего я сделала вывод, что их доверие ко мне не имеет границ, что не могло не польстить моему самолюбию.

— Что происходит, Эфа? — Ярик подкрался со спины и огорошил меня вопросом.

— Обычное нападение, — ответила я терпеливо, хотя и дураку было ясно, что вся эта суэта затеяна мной не просто так.

Ярик дураком себя не считал, а потому обиженно насупился:

— Будто я сам этого не понимаю. Лучше скажи, кто на нас собирается напасть? Я никого не вижу.

Этот вопрос волновал не одного Ярика, и, в ожидании моего ответа, на меня уставились десятки пар глаз.

К тому времени песчаные вихри на горизонте заметно увеличились. Теперь даже простым человеческим зрением можно было заметить, что движутся они в нашу сторону.

— Помнишь, я рассказывала тебе о песчаных демонах? — задала я встречный вопрос Ярику и многозначительно покосилась в сторону незваных гостей.

Брат сразу побледнел, а я мстительно улыбнулась, припомнив, как Ярик изображал из себя героя, уверяя меня, что просто горит желанием сразиться с песчаным демоном один на один. Кажется, кому-то сейчас придётся отвечать за свои слова.

Я могла позволить себе позлорадствовать, потому что была уверена в охранном контуре. Пока мы находимся под его защитой, никакие демоны нам не страшны. Хуже другое — долго нам не продержаться. Вода и еда имеют обыкновение заканчиваться, причём очень быстро. Остаётся надеяться, что терпение песчаников лопнет прежде, чем мы вынуждены будем с ними сразиться, чтобы не умереть от жажды и голода.

— Так может и нам поведаешь о том, что это за демоны такие и чем они могут быть опасны? — влез в наш разговор капитан.

— Ну разумеется, я не собираюсь оставлять вас в неведении, — развернувшись к капитану и его людям, готовым внимать каждому моему слову, я с видом знатока приступила к ознакомительной лекции: — О том, как на самом деле выглядит песчаный демон, не знает никто. С виду это всего лишь песчаный вихрь, но не стоит этим обманываться. Внутри него скрывается весьма кровожадное существо. Я видела собственными глазами, как песок обгагрывается кровью несчастного, угодившего в этот вихрь. Так что мой вам совет, не выходите за пределы охранного контура, если не хотите расстаться с жизнью.

— Но неужели нет ни единого шанса убить этого монстра? — слышался голос из толпы.

— Шанс есть, — решила я немного подбодрить своих спутников, — но воспользуемся мы им только в крайнем случае, так как шанс этот невелик.

Подойдя к своей верблюдице, я развязала мешок и вытянула наружу свёрнутый металлический жгут, на обоих концах которого крепились кольца, обтянутые толстой кожей, дабы не поранить руки.

— У некоторых из вас имеются точно такие же приспособления, — обратилась я к гвардейцам. — Я лично заказывала десять штук у мастера Гишо. Так что советую проверить

поклажу и приготовиться к бою. Как вы понимаете, в одиночку с песчаным демоном не справиться. Тут нужны как минимум двое. На самом деле всё просто.

Делаем растяжку и перерубаем стремительно надвигающегося монстра пополам. Только действовать нужно очень быстро. Не каждый успеет вовремя отскочить с пути демона в сторону, а потому предлагаю отдать жгуты самым шустрым из вас. Так у нас будет хоть какой-то шанс на победу.

О том, что я использовала это приспособление лишь однажды, благоразумно умолчала, ведь мой напарник из того боя вышел калекой, так что хвастаться было нечем. Но и королевские гвардейцы это вам не толстый неуклюжий торговец, чудом преодолевший свой страх ради того, чтобы спасти жизнь жене и детям. К счастью, тогда демон был один, сейчас же к нам приближалось три песчаных вихря, и это обстоятельство напрягало даже меня.

* * *

Сиршехур провёл эту ночь без сна, налаживая контакты с местным населением. Он принимал активное участие в их празднестве, пел и танцевал вместе со всеми. Не встречая в людях агрессии по отношению к себе, принц змеелюдов даже решился принять человеческую форму, чем привёл аборигенов в полный восторг. После такого проявления доверия с его стороны жители оазиса окончательно сочли его своим. Хорошо хоть от панибратства воздержались, признавая за ним превосходство.

Ближе к рассвету все утомились настолько, что едва держались на ногах. Пришлось помогать людям гасить костры, чтобы не случилось пожара, а после долго отказываться от многочисленных приглашений провести ночь в чьём-либо шатре. У Сиршехура имелись другие планы на это утро, и сон в них точно не значился.

В результате долгих прощаний он всё-таки упустил свою перерождённую и застал на месте стоянки её каравана лишь следы от кострищ, но не расстроился, а напротив испытал странное удовлетворение. Предстоящая охота будила в нём охотничьи инстинкты, приятно щекоча нервы.

Ушедший караван оставил после себя довольно отчётливый след, так что Сиршехуру не составило труда его отыскать. Какое-то время он держался в отдалении, ничем не выдавая своего присутствия. Принц понимал, что его внезапное появление способно вызвать панику среди людей, но пока не придумал, как этого избежать.

Судьба же по обыкновению решила всё за него.

Песчаных демонов Сиршехур, к своему стыду, заметил не сразу. Гораздо позже, чем их заметили люди. Он же, увлечённый наблюдением за караваном, совсем не смотрел по сторонам, а потому пропустил приближение этих тварей.

Сначала Сиршехура удивило то, что люди решили устроить стоянку так скоро. Они не так давно покинули оазис и вряд ли успели сильно устать или проголодаться, а значит, на это имелась другая, более веская причина.

Караванщики и впрямь выглядели чем-то озабоченными. Эфираси находилась в центре нарастающего конфликта и с самым решительным видом отдавала какие-то распоряжения. При этом она пару раз махнула рукой в сторону, и взгляды окружающих её мужчин тотчас устремились в том же направлении.

Сиршехур посмотрел туда же и гневно зашипел, досадуя на собственную беспечность.

Много лет скрываясь за стенами монастыря, он забыл, насколько опасным может быть окружающий мир, особенно такой, как этот. Человеческие маги сильно постарались, создавая всё новых тварей, призванных уничтожить змеелюдов. Как видно, этих созданий им тоже не удалось удержать под контролем, если они вот так запросто нападают на караваны среди бела дня.

Гигантское тело чёрного змея взрыхлило песок. Ни вес, ни размер не делали Сиршехура неповоротливым. Он двигался стремительно, буквально перелетая с одного бархана на другой. И, не замедлившись ни на мгновение, всей своей немалой тушей врезался в первого демона, сжимая его жилистое тело в смертельном захвате, выбивая из магической твари дух. Кости демона хрустнули и рассыпались мелким желтоватым песком.

Двое других тут же шарахнулись от него в сторону. Но не для того, чтобы избежать схватки, как могло показаться менее опытному бойцу. На самом деле они собирались стать единым целым, увеличив тем самым свои силы вдвое. Сиршехур понимал, что справиться с такой сильной тварью будет куда трудней, но помешать слиянию уже не мог. Он просто не успевал сделать это. Демоны двигались с огромной скоростью и скорее всего успели бы достигнуть друг друга раньше, чем он сможет что-либо предпринять.

Помощь пришла, откуда не ждали. Смысл этой поговорки стал ясен Сиршехуру в тот момент, когда из-под охранного контура выскочила Эфираси в сопровождении крепкого на вид паренька. Эти двое держали в руках странное приспособление, назначение которого было продемонстрировано ими немедленно, как только они оказались на пути одного из демонов.

Для этой отчаянной парочки, решившей вступить в неравный бой, ситуация складывалась не самым лучшим образом. Сиршехур даже скрежетнул зубами от досады, ведь у него на глазах рушилась его практически сбывшаяся мечта, а он только и мог, что наблюдать за этим со стороны. Но вскоре досада сменилась удивлением и даже неверием. Металлический трос разрезал тело одного из песчаных демонов надвое так же легко, как будто и впрямь прошёл сквозь песчаную взвесь, не встретив на своём пути ни малейшего сопротивления. По крайней мере, так выглядело со стороны. А ведь Сиршехур точно знал, что за завесой песка скрывается сильное жилистое тело и только в случае гибели магического существа, оно становилось тем, чем являлось изначально — песком и пылью.

Однако времени на размышления не оставалось. Бой не может считаться оконченным, пока в живых остаётся хотя бы один противник. Последний из демонов как раз вознамерился отомстить обидчикам за смерть своего собрата. Но тут уж Сиршехур не сплеховал и сумел перехватить смертоносную тварь буквально в полушаге от Эфираси.

Девчонка и от первой схватки ещё не отошла, а потому оказалась уязвима в этот момент. Сильный рывок опрокинул её на землю, а концы троса разодрали ладони до крови. И в довершение ко всему Эфираси засыпало тем песком, в который превратилось тело демона после гибели. В общем, она явно была не в состоянии продолжать сражение, по крайней мере, в ближайшие несколько секунд. А счёт тем временем шёл на мгновения.

Эти мысли проносились в голове Сиршехура всё то время, пока он выдавливал жизнь из своего противника. Он делал это машинально, на чистых инстинктах, так как был озабочен совсем другой проблемой, имя которой — Эфираси.

А вот судьба её напарника Сиршехура совсем не волновала. Он даже не удосужился бросить хотя бы мимолётный взгляд в сторону того человека, решив, что о нём позаботятся другие.

К слову, остальные так и стояли, раскрыв рты от изумления. Для них всё случилось слишком быстро. Слабое человеческое сознание ещё не успело осмыслить происходящее, а уже всё закончилось.

Сиршехур, убедившись в том, что Эфираси жива и практически невредима — ссадины на ладонях не в счёт, всё же решил уделить внимание её напарнику, способному реагировать так же быстро, как его девочка. Людям была не свойственна подобная скорость реакции, и это определённо заслуживало внимания.

Каково же было удивление змеелюда, когда он обнаружил, что парень является носителем крови Великого змея. Ошибки быть не могло, достаточно было увидеть радужку его глаз, перечёркнутую вертикальной чёрточкой зрачка.

* * *

Излишняя самоуверенность, как известно, до добра не доводит.

Оглушённая и растерянная я с трудом приходила в себя. А ведь в теории всё казалось таким простым: двое людей натягивают металлический трос, в который врезается зазевавшийся демон и сразу же отходит в мир иной, оставляя героев праздновать победу.

На деле же всё вышло не так, как ожидалось. К счастью, демон оказался и впрямь не очень внимательным или его тоже подвела излишняя самоуверенность, теперь уж не разберёшь. А вот мы с Яриком, едва не поплатились собственными жизнями за попытку его остановить.

Помню, как меня опрокинуло на спину и протащило несколько метров, а после ещё и присыпало сверху песком, лишая зрения и возможности дышать, из-за набившегося в глаза и рот песка. Учитывая всё это, боль в израненных руках почти не тревожила, разве что совсем чуть-чуть.

С трудом перевернувшись на спину и встав на четвереньки, я постаралась сначала откашляться, а после долго отплёвывалась, что, впрочем, не очень то помогло избавиться от песка, но хотя бы дышать стало легче, хотя глаза по прежнему беспокоили очень сильно.

А ещё я помнила, что где-то поблизости крутиться ещё один демон. Было очень самонадеянно с моей стороны полагать, что мы с Яриком легко справимся с обоими, обладая новейшей разработкой мастера Гишо.

Не спорю, и сама идея, и её воплощение оказались как всегда на высоте, и вина за всё произошедшее полностью лежала на мне. Оставалось надеяться, что капитан и его люди не растеряются и завялят оставшегося демона, тем более, что они сами могли убедиться в том, что это возможно сделать если не вдвоём, так хотя бы вчетвером.

О той змеюке, что неожиданно пришла нам на помощь, я старалась не думать, но как-то не получалось. Личность змеелюда не вызывала сомнений. Оставался невыясненным вопрос: зачем Сиршехур потащился вслед за нами? Почему не остался в гостях у весьма расположенного к змеелюдам Аанхура.

А потом сознание вдруг окончательно прояснилось и я вспомнила о том, чья жизнь действительно для меня важна — о Ярике. Как он? Сильно ли пострадал?

— Ярик, — просипела я натужно, чувствуя как песок раздирает связки.

— Он в порядке, — раздался надо мной приятный мужской голос.

И я успокоилась. Ярик жив — остальное неважно. Регенерация у него лишь немного не

дотягивает до моей собственной, а значит, он действительно скоро будет в порядке, даже если сейчас мучается точно так же как я от невозможности нормально дышать и говорить.

— Глаза, — просипела я снова и, о чудо, в мои сложенные лодочкой ладони полилась вода.

Умывалась я долго, давая себе время окончательно прийти в себя, а заодно набраться смелости встретиться взглядом с остальными. Отчего то мне казалось, что они станут насмехаться над моей неуклюжей попыткой победить демонов.

А потом и это стало неважно, потому что меня вдруг осторожно подхватили на руки и куда то понесли.

— Давайте её сюда, — голос капитана Сингера звучал встревожено.

«Переживает», — мысленно усмехнулась я и крепче прижалась к груди Сиршехура. Уверена, никто другой не отважился бы на подобные вольности в отношении меня.

— Сам справлюсь, — ровным голосом ответил Сиршехур и капитан отступил, признавая его права. В конце концов, первого демона завалил именно этот невозможный змеелюд и, по сути дела, мы все должны быть ему благодарны за помощь. Не уверена, что без его своевременного вмешательства, мы обошлись бы без жертв.

Охранный контур мог продержаться ещё несколько часов, и мы предпочли остаться под его защитой, пока у верблюдов не закончится действие зелья. По моим расчётам на это понадобится час или два. Не критично в сложившейся ситуации — запас времени у нас имелся. Решение было разумным ещё и потому, что девушки тоже не пришли в себя после принятия успокаивающего зелья. Их состояние походило на полудрёму. Вряд ли они смогут удержаться в седле, даже если мужчины усадят их на верблюдов и для верности привяжут ремнями.

В сложившихся обстоятельствах не стоило так рисковать. Падение с такой высоты, хоть и не смертельно, но всё же может закончиться чьим-то увечьем, а это, в свою очередь, породит новые проблемы.

Установив лёгкие полотняные навесы, мы постарались укрыться под их тенью от палящего солнца и таким образом переждать дневную жару.

Сиршехур предпочёл принять боевую форму и свернулся кольцами на песке, с видимым удовольствием принимая солнечные ванны. Он даже не стал заползать под охранный контур, всем своим видом демонстрируя собственное бесстрашие или безрассудство. Кто знает, на что он на самом деле способен змеелюды? Во всяком случае с песчаным демоном этот конкретный змей справился без особых усилий. Я до сих пор не решила, стоило ли нам с Яриком вмешиваться в ту битву. Возможно, Сиршехур обошёлся бы и без нашего участия.

Морда змея лучилась самодовольством, по крайней мере, мне так казалось, хотя я могла быть необъективной. Сиршехур делал вид, что крепко спит, но я то видела, что на самом деле он не сводит с нас глаз. Наблюдает, делает одному ему известные выводы и чего-то ждёт. Чешуйчатое тело напряжено, кончик хвоста едва заметно подрагивает. Вряд ли это наше близкое присутствие заставляет его так нервничать. Он чувствует опасность, это как пить дать. Так почему же я ничего не ощущаю? Неужели наши различия столь велики?

Впервые я задумалась о том, какие возможности могли бы проснуться во мне, пройди я ритуал до конца.

Вероятно, я слишком долго смотрела на Сиршехура и он принял мой взгляд за приглашение. Потому что в следующую секунду уже был рядом, а потом я и вовсе оказалась сидящей сверху на кольцах его хвоста. Ко мне склонилась морда змея. Внимательные глаза проникали в самую душу. Раздвоенный язык прошёлся по моей щеке, но я не испугалась, потому что знала, что для змей это всего лишь способ познакомиться, а вовсе не желание мной пообедать, как могло бы показаться со стороны.

— Отпусти её, — слышалось сбоку и наваждение схлынуло.

Глаза Сиршехура полыхнули золотым пламенем, и он раскрыл свою пасть, демонстрируя ядовитые клыки. Лениво так, без угрозы, в качестве предупреждения.

Впечатляет, слов нет.

— Всё в порядке, меня никто не держит, — сказала я громко, чтобы предотвратить бойню. Ведь Сингер этому змеелюду на один зуб. Молодец, конечно, что не струсил, но всё же глупо лезть на заведомо более сильного противника, не имея ни единого шанса на победу.

Я спрыгнула на землю и не задумываясь погладила рукой нагретую на солнце чешую. Голова Сиршехура тут же оказалась прямо передо мной. Я невольно залюбовалась его

ужасающей красотой. Той, от которой хочется бежать прочь и в то же время нет сил отвести взгляд.

— Хватит меня гипнотизировать, — разозлилась я на змеелюда, — всё равно не подействует. Сайясхари уже пробовала делать это и у неё ничего не вышло, — заявила я, гордая своей исключительностью.

Наверняка мне показалось, но я могла бы поклясться, что морда змея расплылась в саркастической усмешке. Он что, сомневается в моих способностях?

Ну что же посмотрим кто кого. Это будет даже интересно.

Однако продолжения не последовало, как я ни ждала. Сиршехур всё так же сопровождал наш караван, но всё время держался в отдалении. Временами он пропадал и возвращался то злой, то усталый, то довольный. Через неделю я уже научилась определять его настроение, а он ловил на себе мой взгляд, удерживал его несколько мгновений и снова исчезал из виду, оставляя меня в полнейшей растерянности.

Однажды я поймала себя на том, что думаю о нём чаще, чем следует. Прежде никто столь долго не занимал мои мысли, даже Сайясхари, хотя о ней я думала довольно часто, ведь это её стараниями моя жизнь изменилась самым кардинальным образом.

За всеми этими переживаниями я не заметила, как мы пересекли пустыню и оказались на границе с Эйкероном. Больше никто на нас не нападал, не старался напугать или лишиться имущества. И всё это благодаря Сиршехуру, взявшему на себя роль добровольного охранника. Не знаю, как остальные, но я и в самом деле была ему благодарна за то, что он проделал большую часть моей работы и ничего не потребовал взамен.

В душе затеплилась уверенность, что этому змеелюду, в отличие от его сестры, не чуждо душевное благородство. И я дала себе слово перестать судить о целом народе по одной не в меру эгоистичной Сайясхари, а постараться лично во всём разобраться. Правда, для этого мне придётся познакомиться с новоявленными соплеменниками поближе, но эта мысль уже не страшила меня, как раньше.

Настораживало другое. Я всё чаще стала задумываться о завершении ритуала и обретении боевой формы. Даже наличие хвоста меня больше не смущало. Глядя на пугающую мощь Сиршехура, его невероятную силу и скорость, с которой он двигался к намеченной цели, я невольно ему завидовала и в глубине души хотела стать такой же, как он.

Уйдя с головой в размышления, я совершенно забыла об обязанностях проводника. И моя невнимательность едва не стоила всем нам жизни. Разумеется, спас нас опять Сиршехур. Именно он предупредил о зыбучих песках, преградивших нам путь. Это пустыня, уловив моё настроение, не упустила шанс и взялась за старое. Чего-то подобного следовало ожидать. И если бы я не была слишком погружена в собственные мысли, то давно заметила бы повисшую в воздухе напряжённость.

Надо признать, пустыня и так была к нам чересчур благосклонна. За весь переход не случилось ни одной песчаной бури, что можно считать небывалой удачей. Временами бывало жарковато, но вполне терпимо для молодых здоровых организмов. Так что никто не жаловался.

Я сделала знак своим спутникам остановиться, а сама с тяжким вздохом соскочила на землю, готовясь снова рассечь запястье и напоить пески своей кровью.

Несмотря на быструю регенерацию, я терпеть не могла себя ранить. Хорошо хоть на этот раз не придётся кривить душой, обещая пустыне скорое возвращение. Я действительно не собиралась задерживаться в Эйкероне. Вот только сдам принцессу с рук на руки

представителям принца Андосиона и тут же вернуться обратно.

Сиршехур с интересом смотрел на мои манипуляции. Ему то я не могла приказать держаться подальше, как всем остальным. Когда острое лезвие вспороло мою кожу, огромный змей буквально взвился в воздух, а потом зашипел то ли от злости, то ли от негодования. Скорее всего, для него мои действия оказались полной неожиданностью. Таким образом обнаружилось ещё одно различие между нами. Пустыня не решалась диктовать Сиршехуру свои условия и что-то требовать от него в обмен на свою благосклонность. Мне же всегда приходилось отдавать частичку себя, иначе я могла остаться тут навеки вместе с теми, кто доверил мне свои жизни.

— И нечего на меня шипеть, — огрызнулась я в ответ на его негодование, зализывая уже начинающую затягиваться рану. — От потери нескольких капель крови ещё никто не умирал.

— Ты пролила кровь Великого Змея, — продолжил словесно возмущаться Сиршехур, принимая человеческую форму.

— Зато люди останутся живы, — пожалала я плечами, не видя смысла в дальнейших препирательствах. А затем резко поднялась с колен и направилась к ожидающему меня каравану. Теперь можно было безбоязненно продолжить путь. И если поторопиться, то уже к вечеру мы имели все шансы достичь границ Эйкерона. Наше путешествие подходило к концу, но осознание этого факта отчего то не приносило мне радости. Как будто с завершением контракта я утрачивала нечто ценное в своей жизни.

Упрямо потрянув головой, я принялась погонять верблюдицу, наперекор своим мыслям стараясь поскорее приблизить неизбежное. Если чему и научила меня жизнь, так это смотреть в лицо своим страхам, не позволяя им загнать себя в угол.

* * *

Сиршехур наслаждался свободой.

После той памятной битвы с демонами пустыни он уже не боялся показываться на глаза людям в облике змея. Его опасались, но не более того. Так что можно было позволить себе почти всё время находиться в наиболее удобной для пребывания в пустыне боевой форме. Под защитой крепкой чешуи принц змеелюдов становился практически неуязвимым. А ещё у него обострились все чувства, лишая его противников преимущества внезапного нападения. Сиршехур всегда успевал заметить противника первым. Охота пьянила его разум, наполняла душу безумной радостью, пробуждала в памяти давно позабытые воспоминания. В минуты затишья принцу змеелюдов казалось, что время, проведённое за чтением манускриптов, ему приснилось, словно он и не жил все эти годы.

Люди были ему безразличны. Все, кроме тех двоих, что могли бы считаться его соплеменниками, если бы только захотели этого достаточно сильно, чтобы отважиться на прохождение ритуала.

По поводу мальчишки у Сиршехура имелись большие сомнения. Тот не сводил восторженного взгляда с принцессы и старался всё время находиться поблизости от неё. Влюблённость полностью лишила парня способности трезво мыслить. И до той поры, пока его не отпустит эта юношеская дурь, не стоит даже пытаться заводить с ним разговор о возможном будущем.

А вот Эфираси явно начинала ему симпатизировать. Сиршехур сразу заметил перемены в её настроении, но выжидал, предоставляя ей возможность сделать первый шаг. Эта девушка слишком самостоятельна, да к тому же упряма не в меру. Сайясхари сделала глупость, пытаясь навязать Эфираси свою волю. Он же поступит умнее, позволив своей избраннице думать, что она сама приняла решение стать одной из них.

Змей прикрыл веки, пряча под ними довольный блеск золотых глаз. Для него всё складывалось просто идеально.

* * *

В Эйкерон мы прибыли поздним вечером. Проводив принцессу и её свиту до дворцовых ворот, я облегчённо перевела дух. После такого нервного контракта мне потребуется отдых и я даже знаю, кого в скором времени навещу. Уверена, Дафна будет рада меня видеть.

Прощаясь со спутниками, я вновь пожалела о том, что так и не поблагодарила Сиршехура за помощь. Что ни говори, а этот змеелюд оказался настоящим подарком судьбы. Благодаря его защите, нам удалось избежать многих нежелательных встреч и завершить свой путь без потерь.

К сожалению, перед самым Эйкероном Сиршехур буквально растворился в песках, не дав нам возможность хотя бы словесно выразить ему свою признательность.

Прощание с капитаном Сингером и его людьми вышло каким-то скомканным. Мы многое пережили вместе, но воспоминания об упущенной возможности мгновенно разбогатеть словно бы проложили между мной и моими спутниками невидимую преграду. И даже понимание того, что надежда была скорее призрачной, чем реальной, не помогло достичь согласия между нами.

Впрочем, всё это не стоило переживаний. Наши пути всё равно должны были рано или поздно разойтись в разные стороны. Не хотелось оставлять о себе дурную память, но тут уж от меня ничего не зависит. Если кому-то из королевских гвардейцев достанет ума, то он поймёт, что я действовала в их интересах, а дуракам не стоит и пытаться что-то доказывать.

Другое дело мои напарники. Не думала, что их обида на меня перевесит нашу давнюю дружбу. Но вот минула вторая неделя с тех памятных событий, а Руди с Шарком до сих пор не обмолвились со мной и парой слов. Свои обязанности по сопровождению каравана они выполняли неукоснительно, а в остальном старались держаться от меня на расстоянии.

Моя вера в людей, и без того не слишком твёрдая, подверглась серьёзному испытанию. Ведь я считала этих парней своими друзьями. Больно и обидно разочаровываться в людях, но ещё больнее ощущать своё одиночество, делающее моё существование лишённым всякого смысла.

Я собиралась провести несколько дней в Эйкероне и, если удастся, подыскать новую работёнку, чтобы не идти обратно порожняком. Уверена, найдётся немало желающих нанять меня в качестве проводника. Останется выбрать нужный мне маршрут.

Но главной моей задачей было наставить на путь истинный названного брата, который в очередной раз собирался сотворить глупость, не заботясь о чувствах родных. Ярик решил, что принцесса Ателина — любовь всей его жизни и потому он должен остаться с ней рядом. Неважно кем — слугой или телохранителем, лишь бы находиться поблизости и если понадобится, отдать за неё жизнь. Ну не дурень ли?

Слушая его бред, я задавалась вопросом, зачем было тащить этого олуха вслед за собой? Стоило ли уводить парня от одной проблемы, чтобы ввергнуть его в ещё большие неприятности?

— Ты пойми, Эфа, — с горячностью, присущей всем влюблённым дуралеям, взывал ко мне мой названный брат, — такую девушку, как Ателина дано встретить лишь раз в жизни, да и то не каждому. Неужели ты думаешь, что я настолько глуп, чтобы упустить собственное счастье? В конце концов, принц не вечен и мы ещё сможем быть вместе.

Последнее предложение Ярик скорее промычал, чем проговорил, потому что я вовремя заткнула рот брата ладонью. Не хватало только лишиться головы по вине этого обормота.

— Вижу ты сссосссем ума лишшшилссся, болессзный, — прошипела я зло и потащила Ярика в свою комнату, находящуюся на втором этаже постоялого двора, где мы остановились по прибытии в Эйкерон.

Стоило двери за нами закрыться, как я отвесила брату заслуженную оплеуху. Кажется, это немного привело его в чувство. Мечтательная улыбка мигом сползла с юношеского лица, а глаза полыхнули золотым огнём, и даже чешуйки проявились на висках, чего раньше с ним не случалось. Я прямо умилилась: до чего же он был похож на меня в этот момент.

— Ты чего дерёшшшьссся, — зашипел в ответ Ярик и тут же принялся отплёвываться, не вполне осознавая причины своей шепелявости.

— Не плюйся, не поможет, — посоветовала я насмешливо.

Моё плохое настроение исчезло бесследно, а в душе поселилась надежда. Быть может, я всё же не так одинока в этом мире, как мне представлялось недавно. Вот же он — человек, с которым у нас имеется нечто общее. А ведь именно общность интересов сплачивает людей, хотя, стоит признать, в случае с Руди и Шарком это не сработало.

Я снова приуныла, однако, всем известно, что сдаваться без боя не в моих правилах.

— Я собираюсь пройти ритуал до конца, — огорошила я брата, начавшего было снова рассуждать о своей неземной любви.

Ярик сбился с мысли и слегка завис, уставившись на меня непонимающим взглядом.

— Повтори, что ты сказала, — промолвил он наконец. Лицо его при этом сделалось таким серьёзным, что никто сейчас не назвал бы его мальчишкой.

— Ты слышал, — ответила я сухо, а затем предложила: — Если хочешь, сделаем это вместе.

— Думаешь, у меня получится? — спросил Ярик дрогнувшим голосом.

Я растянула губы в улыбке и провела кончиками пальцев по его вискам, с которых уже начали исчезать чешуйки.

— Ты и сам знаешь, что получится, — кивнула я утвердительно. — Вопрос в другом — хочешь ли ты этого сам? Мне вот, к примеру, понадобилось восемь лет, чтобы разобраться в своих желаниях.

— Да ты что, Эфа, я же всю жизнь об этом мечтал! — во всю мощь своих лёгких заголосил Ярик, сжимая меня в крепких объятиях и начиная кружить на месте, как безвольную куклу.

«Однако, быстро у моего братца меняются желания», — посмеялась я мысленно. Но вслух свои мысли озвучивать не стала.

— В таком случае не будем затягивать. На рассвете отправимся в обратный путь, — сказала я, как только Ярик перестал меня кружить и поставил на ноги.

— Я готов хоть сейчас, — отрапортовал брат, действительно собравшийся немедленно

рвануть в Змеиный храм без вещей и провизии, да к тому же на своих двоих.

Пришлось его осадить, чтобы снова не натворил дел.

— Сейчас ты отправишься на рынок и купишь в дорогу лепёшек и вяленого мяса. Водой и вином запасёмся в местном трактире, — принялась я отдавать указания.

Ярик, к счастью, даже не думал спорить, а его воодушевление неожиданно передалось и мне. Сомнения и тягостные мысли вдруг отошли на второй план, а в груди поселилось ожидание чего-то чудесного.

В таком радужном настроении я спустилась на первый этаж постоянного двора, чтобы закончить прерванную так некстати трапезу, и несказанно удивилась, увидев за своим столом нежданных гостей, с которыми уже и не чаяла свидеться.

— И как это понимать? — с грозным видом я нависла над парочкой дармоедов, покусившихся на мой поздний ужин.

Внешне старалась казаться невозмутимой, но губы сами собой растянулись в предательской улыбке. Просто было до ужаса приятно лицезреть полные раскаяния лица моих напарников, да ещё застигнутых в такой момент.

— Не сердись, подруга, — смущённо пробасил Шарк, отодвигая тарелку подальше от себя, — тебе сейчас горячий ужин принесут. Твоя то еда совсем остыла, вот мы и решили, не пропадать же добру.

Учитывая возросший аппетит Ярика, да и мой собственный, еды мной было заказано немало. Двум крепким наёмникам точно должно было хватить, чтобы наесться до отвала. Ну да мне не жалко. Особенно, если после сытной трапезы последуют долгожданные извинения. Надеюсь, до этих тугодумов наконец дошло, что они до сих пор живы только благодаря моему своевременному вмешательству, пусть и показавшемуся им унижительным.

— Ты это, прости нас что ли, — буркнул себе под нос Руди.

Честное слово, кто-то другой, не обладающий обострённым слухом, вряд ли расслышал бы его извинения. Однако придирааться и что-либо уточнять я не стала, проявив невиданное доселе великодушие. Пусть будут благодарны мне ещё и за это.

— Ладно, парни. Так и быть, прощаю. Какие могут быть счёты между своими? — произнесла я так громко, что ни у кого из присутствующих в зале не возникло ни тени сомнений в том, что два грозного вида наёмника только что попросили прощения у хилого вида девицы в мужской одежде.

Глядя на возмущённые лица напарников, медленно покрывающиеся малиновым румянцем, я не сдержала ехидной ухмылки, донельзя довольная своей выходкой.

Впервые на моей памяти ужин принесли как нельзя вовремя, не дав праведному мужскому гневу выплеснуться наружу. Присутствие хорошенькой подавальщицы несколько остудило пыл парней, вознамерившихся устроить мне знатную трёпку.

Я же, пользуясь моментом, предпочла сменить тему разговора.

— Внутреннее чутьё мне подсказывает, что не только желание извиниться заставило вас искать со мной встречи. Наш контракт выполнен. Мне вы ничего не должны. Так в чём же дело, парни? — спросила я прямо, как делала это всегда в разговоре с ними.

И в ожидании ответа, принялась высматривать на большом блюде кусочек жаркого поаппетитнее и посочнее.

Со стороны приятелей послышалось громкое сопение. Я медленно подняла глаза. Руди хмурился, Шарк отводил взгляд. Всё с ними ясно. Снова собираются затеять разговор на старую тему.

— Я не хочу вашей смерти, парни, — произнесла я чуть слышно. — Уж простите, что так сильно дорожу вашими никчёмными жизнями, что готова пойти на всё ради их сохранения.

Я была серьёзна как никогда. Руди с Шарком это поняли и, кажется, прониклись, потому что синхронно вздохнули, вероятно утратив всякую надежду меня уговорить. Пришлось подкинуть им «плюшек», чтобы так сильно не расстраивались.

— Но, если вы оставите глупые попытки превратиться в тварей чешуйчатых, а также

поклоняйтесь слушаться меня беспрекословно, то я, так и быть, возьму вас с собой к Змеиному храму, — закончила я вполне жизнерадостным тоном. А потом, как ни в чём не бывало, принялась за еду, давая друзьям осмыслить услышанное.

Признаюсь, решение это было спонтанным, но, как и в случае с Яриком, оно показалось мне верным.

Сайясахари сейчас занята Аанхуром. Её брат проявил себя весьма дружелюбно. Так почему бы не воспользоваться моментом и не повысить благосостояние моих друзей, раз уж всё складывается столь благоприятно для нас? И вообще я не заметила, что змеелюды так уж дорожат теми золотыми побрякушками, которыми изобилует Змеиный храм.

— Ты всё-таки решила туда вернуться? — Руди, ожидаемо, опомнился первым.

Я заговорщицки понизила голос и быстро-быстро заговорила:

— Мы провернём это дело быстро. Никто и опомниться не успеет. Сиршехур сейчас в гостях у королевской семьи Эйкерона. Сайясахари запала на красавчика Аанхура. Соответственно храм остался без пригляда. Но стоит поспешить, вряд ли подобное положение дел продлится слишком долго. Так что выезжаем на рассвете вчетвером: вы двое, я и мой названный брат. Так что? По рукам?

Я откинулась на спинку стула и, дождавшись согласного кивка от обеих парней, поднялась из-за стола.

— Сладких снов, напарники, — произнесла я со значением и, не оборачиваясь, взлетела вверх по лестнице, собираясь хорошенько выспаться перед дальней дорогой. Вставать мне придётся раньше всех, чтобы снова просить благосклонности у пустыни. Без этого соваться в пески решится разве что безголовый.

Вот только кое-кто вовсе не собирался считаться с моими желаниями. В комнате меня поджидал ещё один сюрприз в лице капитана Сингера, неведомым образом проникшего сквозь запертую дверь. Зарешечённое толстыми железными прутьями окно вряд ли пропустило бы незваного гостя. Зато нечистая на руку служанка вполне могла польститься на случайный заработок и впустить щедрого посетителя в чужой номер.

— Чем обязана столь позднему визиту? — спросила я недружелюбно.

Не терплю, когда между мной и возможностью выспаться встаёт кто-то третий.

— Мне всё известно о твоих намерениях, Эфа, и я собираюсь пойти вместе с вами, — выпалил капитан на одном дыхании.

Я замерла с открытым ртом, забыв, как дышать. Мысли разом смешались. Вопросы всплывали один за другим. Как он узнал? Что ему надо? Неужели Ярик проболтался? Что с братом? Он жив?

Вероятно последние три вопроса я задала вслух, потому что именно на них и получила ответы.

— С твоим братом ничего не случилось, можешь не волноваться, — капитан уже полностью овладел собой. От его недавнего волнения не осталось и следа. В завершении голос Сингера прозвучал даже чуточку насмешливо: — Я не спрашивал, а Ярик ничего мне не говорил. Но трудно не догадаться о ваших намерениях, глядя на его сияющую физиономию и видя его попытки скупить все продукты на рынке, причём не торгуясь.

А вот этого я не учла. Простодушный Ярик, не привыкший кривить душой, действительно не умел скрывать свои чувства и мысли. Но кто же знал, что на рынке он встретится с капитаном? Разве тот не должен был находиться рядом с принцессой?

В общем, мне ничего не оставалось, как согласиться. В конце концов, золота в храме

хватит на всех. Вряд ли мы сможем унести даже сотую часть того, что там скопилось за минувшие тысячелетия. А капитан всё равно не отстанет. Так что лучше сделать вид, что решение взять его с собой я приняла добровольно.

Таким образом наш маленький отряд увеличился ещё на одного человека. Это я вполне смогу пережить. Главное, чтобы Сингер по доброте душевной не прихватил с собой весь отряд.

* * *

За прошедшие столетия Эйкерон практически не изменился. Всё те же мощёные улочки, приземистые дома, многоцветные рынки и невероятно приставучие жители. Шагу нельзя было ступить, чтобы кто-то не схватил тебя за руку, в попытке заговорить зубы и, если получится, увести кошелёк. Впрочем, кражи в этих местах никогда не являлись самоцелью и совершались скорее машинально, чем из желания обогатиться. Разговоры в общей массе своей велись ни о чём, лишь бы чем-то развеять скуку. Сиршехур, у которого вся его долгая жизнь была расписана буквально по минутам, с презрением относился к глупцам, не умеющим ценить собственное время. А тут они встречались даже чаще, чем в других местах.

Бездельников в Эйкероне всегда хватало, но даже те, кто был занят каким-либо делом, не отличались особым усердием. Природа этих мест благоволила людям настолько, что им не приходилось заботиться о пропитании. Достаточно было протянуть руку, чтобы сорвать с дерева спелый плод. В реках водилось много рыбы, а в лесах — зверья.

Единственное, что препятствовало непомерному росту населения Эйкерона — это болезни. Разного рода моровые поветрия случались в этих местах довольно часто, унося с собой тысячи жизней. В основном их жертвами становились дети и старики. Но кажется, люди давно смирились с таким положением дел и выглядели вполне довольными своим существованием.

Дворец правителя гордо возвышался над городом. Он был сложен из белого мрамора и в лучах заходящего солнца приобретал насыщенный розовый цвет. На это чудо приходили и приезжали полюбоваться толпы эйкеронцев со всех концов страны.

Сиршехура тоже когда-то завораживало это зрелище, но с тех пор он утратил романтическую сторону своей души, а живущего в нём прагматика интересовала лишь деловая сторона его визита в Эйкерон. Нужно было начинать налаживать связи с соседями, раз уж змеелюдам представилась возможность вернуться в этот мир.

Участие Сиршехура в судьбе принцессы Ателины — невесты принца Андосиона, было оценено королевским домом Эйкерона по достоинству. Он был принят во дворце со всем возможным почтением. К слову, эйкеронцы никогда не выступали против змеелюдов. Они вообще не умели воевать, да в этом и не было необходимости. Чужаки во влажном жарком климате долго не выживали. Так

имело ли смысл завоёвывать столь опасные территории, если их всё равно не удастся держать под контролем? Змеелюды могли бы здесь прижиться, они вообще никогда не болели, но им хватало пустыни. И потому Эйкерон с Заэрханом всегда находились в добрососедских отношениях.

Торжественные мероприятия, связанные с приездом невесты принца продолжались несколько дней, постепенно перерастая в подготовку к грандиозной свадебной церемонии.

Сиршехуру не сразу удалось вырваться из дворца, настолько насыщенными оказались его дни. Вплоть до глубокой ночи он вынужден был вести переговоры, участвовать в различных мероприятиях и подолгу проводить время за трапезой, сопровождающейся всё той же беседой, но уже в менее официальной обстановке.

К нему относились, как к правителю соседнего государства. Никому и в голову не пришло осведомиться о его статусе и правах, хотя переговоры проходили на очень высоком уровне. Наличие хвоста и ядовитых клыков действовало на людей весьма своеобразно. Сиршехуру даже не пришлось ничего внушать правителю Эйкерона, он сам сделал нужные выводы.

С одной стороны, подобное положение дел весьма устраивало Сиршехура, а с другой — несколько ограничивало его свободу. Лишь на третий день он смог покинуть дворец и отправиться на поиски Эфы. Ему уже доложили, на каком постоялом дворе остановилась девушка-проводник. Не самое лучшее место, но и не из худших в городе.

Каково же было удивление Сиршехура, когда явившись на постоялый двор, он узнал, что разыскиваемая им наёмница ещё ночью освободила занимаемую ею комнату и отправилась в неизвестном направлении.

В общем-то, направление было ему хорошо известно и только это спасло хозяина заведения от всплеска ярости змеелюда. Сиршехур всего лишь злился и досадовал, но в таком состоянии он вполне мог себя контролировать. Разумеется, ему придётся спешно менять свои планы, но в этом не было ничего страшного. А своё скорое отбытие всегда можно объяснить срочной необходимостью.

Рассмотрев ситуацию со всех сторон, принц змеелюдов окончательно успокоился, уверовав в то, что ничего ещё не потеряно. Однако, покинуть дворец получилось не сразу. Сиршехур уже и забыл, насколько люди любят разводить церемонии по любому поводу. А уж прощание с дорогим гостем и вовсе, по его мнению, выходило далеко за пределы разумного.

В результате было потеряно немало времени, но Сиршехур ни минуты не сомневался в том, что успеет нагнать Эфу до её вступления в храм. Главное, что его заботило, это не допустить встречу девушки с другими змеелюдами до того, как он заявит на неё свои права. Такую драгоценность он ни за что не отдаст в чужие руки. Она будет принадлежать только ему и никому больше.

* * *

— И чего стоим? Кого ждём? — я вынырнула из-за бархана, за которым пряталась от случайных взглядов последние полчаса. Утренняя прохлада успела пробрать меня до костей, но я мужественно терпела все неудобства, помня о том, что вот-вот взойдёт солнце и станет так жарко, как в печке. Так что я не единожды за день с сожалением вспомню эти благословенные минуты.

Четверо мужчин изумлённо уставились в мою сторону. Правда, одного из них можно было назвать мужчиной лишь условно. У Ярика, как говорится, ещё молоко на губах не обсохло, но я решила не мелочиться, решив, что возраст в этом деле не главное.

— Так тебя и ждём, — Руди опомнился первым. — А ты давно тут?

— Не важно, — отмахнулась я, — пора отправляться, пока к нам не присоединился ещё

кто-нибудь. Я слышала, что Асхад собирает караван. Не хотелось бы пересечься с ним и его людьми.

— Я тоже кое-что слышал об этом типе, — нахмурился Шарк, — он ведь из бывших наёмников.

— Бывших наёмников не бывает, — поправила я друга, и он согласно кивнул. — Если Асхад почует добычу, его ничто не остановит.

— Ну так поехали, — не выдержал Ярик и первым направил своего верблюда в пустыню.

Уверенности ему было не занимать, как и глупости.

— Возьми левее, — крикнула я вдогонку брату, выводя своих спутников на верную тропу.

Ярик оглянулся и, ругнувшись, направился вслед за нами, на этот раз заняв место замыкающего.

Некоторое время мы ехали друг за другом, но вскоре меня нагнал капитан и, немного помявшись, задал странный вопрос:

— Как думаешь, Эфа, насколько многочисленна раса змеелюдов?

— Откуда мне знать? — ответила я вопросом на вопрос.

Сингер немного помолчал, но всё же продолжил:

— Там у храма ты убеждала всех нас в их агрессивности. Остерегала от встречи с ними. Однако, ни Сайясахари, ни Сиршехур не сделали нам ничего плохого. Они не нападали на людей, напротив всячески защищали нас от тварей. Я не понимаю, зачем ты лгала? Неужели и впрямь не хотела делиться богатством?

В последнем вопросе капитана прозвучала насмешка, что ясно дало мне понять, что на самом деле он так не думает.

— А я и не лгала, капитан, — ответила я сердито. Не очень то приятно, когда тебя обвиняют во лжи, в то время как в твоих словах нет ничего, кроме правды. — Змеелюды действительно опасны, а если они не нападают, значит, им что-то нужно. Я мало знаю о них, но из того, что мне известно, могу сделать некоторые выводы.

— И какие же, если не секрет? — проявил интерес капитан. И как выяснилось, не он один. К нашему разговору прислушивались все члены маленького отряда.

— Меня никто не просил хранить эту информацию в тайне, — пожалала я плечами, — Сайясахари как-то рассказывала мне, что им нужны люди, способные пройти ритуал перерождения. Выжить после него могут лишь те, в ком имеется хоть капля крови Великого Змея. Люди из племени Аанхура, как раз отвечают этому требованию, да и другие кочевники, мне думается, тоже могут похвастаться чешуйчатými предками. Их кровь, разумеется, сильно разбавлена, но, видимо, шанс всё же имеется, если уж даже Сайясахари на время позабыла о своей кровожадности, ради достижения великой цели.

— Значит ли это, что чистокровным людям всё же стоит опасаться змеелюдов? — спросил Сингер, после очередных раздумий.

— В чём я точно уверена, капитан, так это в том, что нам не следует с ними враждовать, — заявила я твёрдо. — Барьер между нашими мирами разрушен, а у нас осталось не так много магов, чтобы заново его установить. И значит, придётся как-то договариваться. Сиршехур показался мне более разумным, чем Сайясахари. С ним и нужно вести переговоры. Берите пример с Эйкерона. Насколько мне известно, этого змеелюда там приняли как дорогого гостя.

Капитан немного отстал, а его место занял Руди. Оказывается, у него тоже имелись вопросы ко мне.

— Скажи, Эфа, ты заставила нас отказаться от затеи с прохождением ритуала потому что предполагала, что мы можем умереть?

— Была уверена в этом, — поправила я его. — У Сайясахари имелась возможность подтвердить это опытным путём. Можешь поверить мне на слово, чистокровным людям там ничего не светит, кроме мучительной смерти. Радуйся тому, что скоро станешь обеспеченным человеком. Разве этого мало?

— Всегда хочется большего, — вздохнул Руди, а Шарк его поддержал.

— Вместе мы могли бы стать самыми крутыми наёмниками в мире. Только представь: твои сила и ловкость помноженные на три. Ух и навели бы мы шороху, — по его лицу расплылась мечтательная улыбка..

— А что сказала бы твоя молодая жена, увидев тебя вот таким? — и я позволила своей второй сущности проявиться во всей красе.

Шарк сразу перестал улыбаться. А я подумала, что надо бы и Руди женить, чтобы выветрить всю дурь из его головы.

За разговорами время летело незаметно. Мы пару раз останавливались, чтобы передохнуть, но ненадолго. Отчего то нас всех не покидало ощущение, что надо поторопиться.

А утром третьего дня нас нагнал Сиршехур, как всегда чрезвычайно довольный жизнью и собой. Я же вдруг поймала себя на мысли, что тоже безумно рада его видеть.

— Как тесен мир, — поприветствовал он нас избитой фразой и широко улыбнулся, демонстрируя дружелюбие.

— Согласен, — отозвался капитан, хмуря брови, — даже пустыня, как выясняется, не так пустынна, как принято думать.

— Не стоит доверять чужому мнению, друг мой, — продолжал источать благодущие Сиршехур, — Заэрхан полон чудес и загадок, жизнь течёт здесь так же стремительно, как и везде.

— А в том мире, откуда вы пришли, всё так же, как здесь? — перебил философские размышления Сиршехура неугомонный Ярик.

Змеелюд окинул его испытующим взглядом и ответил, не выказав ни малейшего раздражения бестактностью парня:

— В том мире нет людей. Вот и всё отличие.

У Ярика разом кончились все вопросы. Знать вспомнил, для чего змеелюдам понадобились люди, и благоразумно решил не развивать эту тему дальше.

Какое-то время ехали молча, а потом Сиршехур огорошил нас приглашением, заявив:

— Раз уж нам всё равно по пути, так почему бы вам не посетить храм Великого Змея? Сайясахари упоминала, что в первый свой визит вы так и остались стоять у порога, не решаясь ступить внутрь нашей святыни. Уверяю вас, никакой опасности там нет. Сестрица моя гостит у небезызвестного вам Аанхура, а я, смею верить, доказал свою лояльность по отношению к людям.

Услышав такое, я чуть было не сверзилась с верблюдицы. Этот хитрый змей наверняка догадался, куда мы направлялись, но почему-то не подал виду, что раскусил наши планы. Впрочем, обвини он нас в намерении обчистить храм Великого Змея, и дружеским отношениям между нами был бы положен конец.

Натянув капюшон пониже, я постаралась скрыть кислое выражение лица. Кажется, мне впервые в жизни не удастся сдержать обещание, и мои спутники останутся ни с чем. В присутствии хозяина нам вряд ли удастся хоть чем-то поживиться. Мои друзья это тоже поняли и резко поскучнели. И ведь не откажешься от такого любезного приглашения. Кто знает, как сложится жизнь? В любом случае, глупо отказывать принцу из соседнего мира, когда он сам предлагает дружбу.

Так что мы все сделали вид, что только о том и мечтали, чтобы побывать у змея в пасти, то есть в храме Великого Змея, чем сильно порадовали Сиршехура. А я то думала, что сильнее сиять невозможно.

* * *

Храм встретил нас неожиданным запустением. Купол, возведённый человеческими магами и неожиданно прекративший своё существование несколько недель назад, как выяснилось, являлся не только барьером, преграждающим змеелюдам вход в наш мир. Он к тому же не давал пескам пустыни проникать внутрь строения.

Скорее всего, подобная защита явилась побочным результатом сильного магического

воздействия. Не думаю, что маги хоть сколько-нибудь озадачивались сохранностью чужой святыни, просто так вышло.

Мозаичный пол практически полностью был засыпан песком. Некогда зелёные лианы, обвивавшие мраморные колонны, засохли и почернели. Единственное, что осталось неизменным, так это полчища змей, обитающих здесь с незапамятных времён.

Нас с Сиршехуром их присутствие нисколько не напрягало, а вот мои спутники чувствовали себя в их присутствии неважно. Даже Ярик, хоть и знал с моих слов, что змеиный яд для него не смертелен в любых количествах, всё же заметно нервничал.

Не так просто перестроить собственную психику на новый лад. Ему ещё только предстояло научиться воспринимать чешуйчатых гадов, как дальних родственников и перестать вздрагивать при нечаянном соприкосновении с их гибкими телами.

Сиршехур по-хозяйски осмотрел храм. Хмыкнул и принялся вырезать на входе какие-то знаки, коих тут и без того имелось в изрядном количестве. Закончив с художественной порчей имущества, он остался весьма доволен. Правда, чем именно, мы поняли не сразу. Просто воздух вокруг нас как будто замер, а песок прекратил перемещаться под действием сквозняка.

— Ты снова установил барьер? — осенила меня внезапная мысль.

Почувствовав себя загнанной в ловушку, я рванулась к выходу, желая сломать преграду, и выпала наружу, не встретив препятствия на своём пути.

Сиршехур заливисто рассмеялся, его поддержали остальные, так и не понявшие причины моих действий. Наверное, я и впрямь показалась всем смешной. Вот только мне было совсем не весело.

Интересно, как бы они себя повели, Доведись им испытать в этом храме то же, что пришлось пережить мне? Это ведь не их, а меня пытались принести в жертву, не их, а меня держали в плену, вынуждая пройти смертельный ритуал. Ну да, я струсилa, запаниковала, признаю. С кем не бывает?

Вероятно в моём взгляде было что-то такое, что заставило мужчин заткнуться и отвести взгляд.

— Ну что же, друзья мои, — обратился Сиршехур к гостям, делая вид, что ничего не случилось, — вот мы и достигли цели. Не советую чистокровным людям пытаться проникнуть в мой мир. У моих соплеменников хорошая память. Мы не забыли, как были изгнаны вашими магами, как гибли наши родные и близкие, не успевшие укрыться за стенами храма. Так что не стоит рассчитывать на тёплый приём, будучи наследниками тех, чьи руки обогрены нашей кровью. По крайней мере сейчас, без предварительной дипломатической подготовки.

Сиршехур говорил спокойно, без надрыва, но его слова больно жалили. Хотя в том, что случилось тысячелетия назад, не было ни капли нашей вины. Так почему мы должны взваливать на свои плечи груз ответственности за поступки тех, кого мы даже не знали и с кем не были кровно связаны? Ведь любому понятно, что среди нас нет магов. Их вообще почти не осталось в нашем мире.

Всё это я и высказала в лицо Сиршехуру, как только он закончил свою прочувствованную речь. Умолчала лишь о последнем. Не стоит знать змеелюдам, что в случае чего, нам нечего им противопоставить. Да, я собираюсь пройти ритуал и стать одной из них, но при этом я не перестану быть человеком. Среди людей немало тех, чьими жизнями я дорожу не меньше собственной, и если придётся выбирать, точно знаю, на чьей

стороне окажусь.

Уверена, Ярик думает точно так же. Про остальных нечего и говорить.

— А я и не утверждал, что вражда между нашими народами никогда не закончится, — пожал плечами Сиршехур. — Так уж случилось, что мы обрели новый дом и теперь нам нечего делить. Однако не стоит рассчитывать на немедленное примирение. Нужна немалая подготовительная работа. Придётся ломать сложившиеся стереотипы, искать точки соприкосновения. Но первым делом стоит позаботиться о том, чтобы проход между мирами строго контролировался представителями обеих сторон.

— И как вы себе это представляете? — включился в разговор капитан Сингер. — К примеру, я приведу сюда своих людей, но что помешает змеелюдам снести наш заслон, если кто-то из ваших захочет пробраться в наш мир?

— Всё верно, — немедленно согласился Сиршехур, — простым людям такое не под силу. Когда я говорил о контроле, я имел в виду магов.

Змеелюд с самым невинным видом уставился на капитана, а я поспешила вставить своё веское слово, пока этот умник не сболтнул чего лишнего.

— Маги, разумеется, поддержат вашу инициативу. Однако, не забывайте, что человеческий век короток, а память людская и того короче. Мы не испытываем ненависти к змеелюдам, хотя бы потому, что считаем вас героями детских сказок.

Глаза Сиршехура стали круглыми, словно блюдца. Такого он точно не ожидал. Вот что значит разная продолжительность жизни. Пока они там копили ненависть к роду людскому, у нас сменился не один десяток поколений.

Змеелюд выглядел сильно разочарованным. Наверняка хотел отомстить своим обидчикам. Как я его понимаю. Но мстить бог весть сколько раз пра-правнукам, как-то мелко и недостойно. По крайней мере, я так считаю. К тому же, попробуй отыскать этих потомков, спустя столько времени.

— В таком случае, я уверен, нам удастся обойтись без проблем и кровопролитий, — выдавил из себя Сиршехур, практически моментально справившись не только с удивлением, но и с разочарованием. — Станем налаживать торговые и дипломатические связи, как обычные соседи. Так сказать, начнём наши отношения с чистого листа. К слову, Эйкерон может служить для вас примером. О кочевниках говорить не буду, со многими из них у нас имеются родственные связи. Мы практически члены одной семьи. К тому же, в дальнейшем, часть из нас наверняка захочет поселиться на этих землях. Насколько я понял, ни одно из соседних королевств так и не заявило на них свои права.

Получив утвердительный кивок от Сингера, Сиршехур удовлетворённо улыбнулся. А я подумала, что пора кончать со всей этой дипломатической белибердой. Мы — птицы не того полёта, чтобы решать вопросы государственной важности. Сказано было, не соваться к змеелюдам, так мы и не сунемся. Но хотя

бы спуститься в подвальчик нам будет позволено? И лучше перед этим выгнать оттуда всех гадов.

— Эээ, уважаемый, — обратилась я к Сиршехуру, принимая дурашливый вид, — не могли бы вы очистить одно помещение от хвостатых, чтобы друзья могли осмотреть место моего заключения?

Насколько я помню, именно в подземелье были сконцентрированы основные, имеющиеся в храме богатства. Если уж не получится их прикарманить, так хоть полюбоваться на горы золота и драгоценных камней. Когда ещё доведётся такое увидеть?

— Ну разумеется, — усмехнулся Сиршехур, — я даже не стану возражать, если твои друзья, Эфираси, возьмут что-нибудь на память. Ровно столько, сколько смогут унести.

Я прижала ладошку к сердцу, немного удивлённая его беспримерной щедростью, но и обрадованная, чего уж там. Мне ведь и впрямь было неловко перед друзьями — пообещала им горы золотые и не сдержала слово. И пусть мы успели смириться с тем, что наши мечты о богатстве так и останутся мечтами, но всё равно было обидно. И тут вдруг такой подарок судьбы.

Я первой рванула ко входу в подземелье, разумеется после Сиршехура. Он умел передвигаться так быстро, что за ним было никак не угнаться. К тому времени, как мы спустились по длинному проходу вниз, нас уже поджидало великолепное зрелище, при виде которого люди со слабой психикой могли бы лишиться рассудка.

Что удивительно, Сингер наотрез отказался набивать свои карманы золотом. И лишь после этого мне стала ясна причина, по которой он увязался за нами. Наверняка хотел всё разведать и обо всём доложить королю. Не часто встретишь человека, радеющего о государственном интересе больше, нежели о собственном благополучии.

Не могу не одобрить подобное служебное рвение, хоть и не очень приятно, когда тебя используют вот так, в тёмную. Но, положив руку на сердце, скажу, что на его месте поступила бы точно так же. Только мне на его месте никогда не быть. Моя жизнь сложилась иначе и с этим ничего не поделаешь. Мне едва ли не с рождения приходилось бороться за своё существование, буквально вырывая у беспощадной судьбы каждый прожитый день. А у Сингера наверняка имелась обеспеченная семья, гарантирующая ему неплохие перспективы в будущем. Сумел же он получить должность капитана королевской гвардии, да ещё в таком молодом возрасте. Ясно, что тут не обошлось без протекции.

Мы с ним настолько разные, что даже странно, что наши пути однажды пересеклись. Повезло, что я не успела в него влюбиться. А ведь поведи он себя иначе в нашу первую встречу, и я смотрела бы на него сейчас совсем другими глазами. Пусть лучше его мужское самомнение корчится в муках, чем я буду страдать от неразделённой любви. Всемиловитая уберегла меня от сердечных мук и спасибо ей за это.

* * *

Когда пришла пора расставаться, Сиршехур предложил проводить моих друзей до оазиса Аанхура и поручить его людям вывести их из пустыни. Учитывая авторитет Сиршехура в племени кочевников, я была уверена, что они с радостью исполнят его приказ.

Прощание вышло недолгим. Ярик и я оставались в храме. наших верблюдов мы решили отдать кочевникам в уплату услуги. И это было верным решением, ведь если ритуал пройдёт без проблем, то они нам больше не понадобятся, а если что-то пойдёт не так, то они нам тем более не пригодятся.

Усевшись на пороге храма, я долго смотрела вслед удаляющейся процессии, пока она не скрылась из виду.

— Тебе не страшно? — спросил Ярик, устраиваясь рядом со мной и прижимаясь плечом к плечу.

— Ничуть, — бодро соврала я.

— Тогда и я не стану бояться, — заявил этот герой, а потом жалостливо так попросил:

— Только не оставляй меня одного. Ладно?

Мне оставалось только поднять глаза к небу, подумав, какой же он всё-таки ребёнок, пусть и выглядит настоящим здоровяком.

* * *

Сиршехур вернулся сильно не в духе, хотя по его змеиной морде трудно было что-либо определить, но само наличие боевой формы говорило о многом.

Готова спорить на что угодно, это Сайясахари снова его довела, а разгребать последствия её глупости, как обычно придётся мне.

— И что она опять натворила? — спросила я, как бы между прочим, у проползающего мимо змея.

Сиршехур даже не глянул в мою сторону, лишь нервно дёрнул кончиком хвоста. Вот и поговорили.

— Его сейчас лучше не трогать, — со знанием дела посоветовал Ярик. — Мать в таких случаях старается отца напоить да накормить посытнее, он тогда сразу добрым становится.

— Желает послужить благому делу? — съязвила я, не подумав. Просто была сильно раздосадована незапланированной задержкой.

К счастью, Ярик не понял намёка и истолковал мои слова по-своему, заявив:

— Да я бы с радостью, только дорогу в оазис один не найду, а тут другой еды как не было, так и нет. Можно, конечно, змей наловить, да на костре зажарить. Ты как думаешь, змеелюды едят себе подобных?

Откуда-то из тёмных глубин храма послышалось грозное шипение. Ярик тут же попытался оправдаться перед Сиршехуром:

— Да я же как лучше хотел...

Пришлось погрозить ему кулаком, чтобы заткнулся и не молол чепухи. Уж лучше бы осмотрел нашу поклажу на предмет чего-нибудь съестного. Помнится, Ярик всю дорогу хвалился, что скупил в Эйкероне едва ли не половину рынка. Утверждал, что голодная смерть нам не страшна, правда, в том случае, если мы не будем делиться припасами с одним прожорливым змеем, которого проще убить, чем прокормить. Так мы с ним и не делились. Своим прокормом он занимался сам.

— Однажды я не выдержу и отрежу тебе язык, — пригрозила я парню, вытряхивая из сумок различные свёртки. — Или зашью рот. Так даже лучше: лишнего не сболтнёшь, и вся еда достанется мне одной.

— Всё бы тебе шутить, — отмахнулся Ярик, раскладывая на куске чистой материи лепёшки и доставая бурдюк с вином.

Брат никогда не воспринимал мои угрозы всерьёз, хотя меня временами так и подмывало устроить ему хорошую трёпку. Уверена, нечто подобное Сиршехур испытывает по отношению к Сайясахари: вроде бы и любит сестру, и переживает за неё, но иногда у него просто не хватает сил терпеть все её выходки.

— У меня есть для вас кое-что получше чёрствого хлеба.

А вот и он — лёгок на помине. И выглядит вполне мирно, по-человечески. Да ещё притащил с собой огромную корзину, от которой исходит ну просто одуряющий запах жареного мяса.

Ярик тот даже слюной подавился, бедненький.

— Это очень кстати, — потёрла я ручки в предвкушении. — Если ты и дальше берёшься снабжать нас нормальной едой, то мы, так и быть, потерпим твоё дурное настроение.

Сиршехур сразу перестал улыбаться и сказал:

— Ты, верно, не понимаешь всю серьёзность сложившегося положения. А между тем у нас не так много времени. Твои друзья, Эфа, может и станут держать язык за зубами, но бравый капитан Сингер наверняка поделится определёнными сведениями со своим королём. Не пройдёт и месяца, как тут появятся ваши маги и, скорее всего, с недружественными намерениями. Но и это ещё не всё. Самая большая наша проблема — это Сайясахари.

— Кто бы сомневался, — не выдержала и съязвила я.

Сиршехур усмехнулся краешком губ.

— Сайясахари всегда была тщеславной, а ещё чересчур властолюбивой, — пустился он в пояснения: — Приписав себе все заслуги по уничтожению барьера, сестра легко завоюет сердца моих соплеменников. Ей даже не придётся вызывать на поединок отца, чтобы занять его место. Единственная причина, по которой она продолжает оставаться в вашем мире — это Аанхур. Его перерождение не завершено. Если он выживет, то станет ещё одним доказательством её исключительности. Имя Великой Сайясахари будет прославляться в веках.

Мы с Яриком не сговариваясь, фыркнули и рассмеялись, а Сиршехур с раздражением в голосе заметил:

— Я бы тоже хотел вместе с вами посмеяться над глупостью Сайясахари, но не могу. Мысленно сестра вознеслась так высоко, что возомнила себя равной Великому Змею, что само по себе нелепо до крайности. И если бы наш народ не стоял на грани вымирания, она стала бы всеобщим посмешищем. А теперь представьте, как бы вы отнеслись к тому, кто подарил бы вам надежду на возрождение?

Мы с Яриком пристыжено затихли.

— Но почему бы тебе её не опередить? — немного подумав, задала я резонный вопрос. — Ни один народ не заслуживает такую правительницу, как Сайясахари.

— Это ничего не изменит, — ответил Сиршехур. — Ты правда не понимаешь, что проблема не в самой Сайясахари и даже не во мне? — Видя моё непонимание, он постарался объяснить: — Стоит одному из нас открыто объявить о снятии барьера и лавину событий, которые последуют сразу за этим известием, будет уже не остановить. Ситуация очень скоро выйдет из-под контроля. Начнётся новая война, с обеих сторон появятся жертвы, всё вернётся к тому, с чего когда-то началось, и мы снова окажемся в изоляции.

— Но ведь это можно как-то предотвратить? — спросила я, всё ещё не понимая, к чему клонит Сиршехур.

— Можно, если действовать постепенно. В первую очередь следует установить контроль над переходом, причём с обеих сторон, а не так, как это было раньше. Во-вторых, нужно будет попытаться наладить торговые и дипломатические отношения с соседними государствами. К слову, начало мной уже положено в Эйкероне.

— Да-да, — прервала я Сиршехура, — всё это мы уже слышали. Но что прикажешь делать с Сайясахари? Насколько я знаю твою взбалмошную сестрицу, остановить её будет очень нелегко. Она привыкла добиваться своего любыми средствами.

— Я мог бы её остановить, — помрачнел Сиршехур. Его глаза хищно блеснули, а черты

лица слегка исказились от еле сдерживаемой трансформации.

И пусть он не озвучил вслух того, что вертелось на языке, однако я прекрасно поняла, что он имел в виду.

Несмотря на жару, меня пробрал озноб. Какой бы гадкой не была Сайясахари, но её смерти я не желала.

— А может, опоить её чем-нибудь? — спросила я, всерьёз задумавшись над проблемой временного устранения Сайясахари.

— Яды и прочие дурманящие разум препараты на нас не действуют, да ты и сама это знаешь, — скривил губы в невесёлой усмешке Сиршехур.

Я же хитро прищурилась и потянулась за своей походной сумкой. Ох, не знают неуязвимые змеелюды, на что способны чудодейственные зелья тётушки Дафны.

— У любого правила имеются исключения, — заявила, вытаскивая на свет божий небольшой пузырёк. — Хочешь в этом убедиться? — обратилась я к Сиршехуру. — Или поверишь мне на слово?

— Пожалуй, я выберу второй вариант, — не долго думая, решил Сиршехур.

О коварстве женщин он знал не понаслышке и был уверен, что Эфираси — не исключение.

Я заметила в глазах змеелюда промелькнувшую тень сомнения и отчего-то расстроилась. Мне нравилось думать, что между нами сложились вполне доверительные отношения, но видимо, это не так. Несмотря на многодневное знакомство, Сиршехур по-прежнему оставался для меня загадкой. Он оказался не так прост, как Сайясахари. У этой больной на всю голову принцессы что на уме, то и на языке. По крайней мере, от неё знаешь, чего ожидать.

А вот её братец совсем другое дело. Мне так и не удалось понять, когда он со мной искренен, а когда намеренно произносит то, что я хочу от него услышать, скрывая свои истинные мысли. Может статься, что все его слова так же лживы, как всё их змеиное племя.

Кажется, я не на шутку разозлилась, потому что опять не смогла сдержать частичную трансформацию. А этот гад ползучий всё видит, всё замечает и недостаток освещения ему не помеха.

— Ты нестабильна, Эфираси, — проговорил Сиршехур не только с сочувствием, но и ощутимой укоризной в голосе. Как будто это я виновата в том, что со мной случилось.

Впрочем, он наверняка так и думает. И скорее всего уверен в том, что мне не стоило сбегать от Сайясахари, а нужно было позволить ей довести ритуал до конца.

— Можно подумать, я об этом не знаю, — огрызнулась я, отодвигаясь подальше в тень.

— И как часто ты теряешь контроль над своей второй сущностью? — спросил он с самым серьёзным видом.

Я даже слово сказать не успела, как меня опередил Ярик:

— Да она почти всё время такая. Шипит на всех и ужасно шепелявит, а ещё местами покрывается чешуёй, но это даже красиво. Как будто украшение какое затейливое на себя нацепила.

— Всё намного хуже, чем я предполагал, — пробормотал Сиршехур себе под нос, но не настолько тихо, чтобы я осталась в неведении относительно его мнения обо мне. Да что я, Ярик и тот расслышал всё до последнего слова. Вон как разволновался, бедный. Даже вперёд подался всем телом, задавая вопрос Сиршехуру:

— Эфе угрожает опасность?

Я прямо-таки умилилась: за меня беспокоится, родной мой.

— Несомненно, — кивнул головой Сиршехур с непередаваемым трагизмом в голосе.

А я вдруг развеселилась. Стало даже интересно, что же придумал хитрый змей на этот раз? Для чего разыграл весь этот спектакль?

А Сиршехур продолжил нагонять туману:

— Я надеялся, что получится действовать постепенно, но планы меняются. Мы уходим в мой мир немедленно.

Ярик раскрыл было рот для возражений, но теперь я его опередила. Не хватало выставить себя трусихой перед Сиршехуром. Брат и через неделю не будет готов к встрече с другими змеелюдами.

Надо сказать, он и к Сиршехуру до сих пор относился с опаской, но, по его мнению, знакомое зло всегда предпочтительнее полной неизвестности.

— Да не съедят тебя там, не бойся, — дёрнула я его за рукав. — Мы ведь с тобой всё решили. Так чего тянуть? Пошли.

— Вам действительно нечего бояться, — поддержал меня Сиршехур, прямо таки светясь довольством. — До возвращения сюда я успел переговорить с моей второй сестрой — Иршайясси.

При упоминании ещё одной сестры змеелюда даже мои нервы не выдержали и я тихонько хихикнула.

Сиршехур скривился, будто наелся лимонов и кажется, обиделся.

— Иршайясси совсем не похожа на Сайясахари. Она ведёт жизнь затворницы, занимается наукой и совсем не интересуется политикой. Ей можно доверять.

«Ну да, конечно, — съязвила я мысленно, не решаясь высказаться вслух, — человеческие маги тоже занимались наукой. И чем всё кончилось?»

— У сестры довольно просторные апартаменты во дворце, там нам будет удобно, — Сиршехур поделился таки с нами своими дальнейшими планами.

А мне стало интересно. Почему он не хочет пригласить нас в свои апартаменты. Или у него таковых не имеется? Неужели ему отказано от дома? И если это действительно так, то за какие такие прегрешения он впал в немилость?

— Ко мне нельзя, — словно прочёл мои мысли Сиршехур. — Последние годы я жил отшельником. Страшно представить, какое паломничество ко мне начнётся, как только станет известно, что я вернулся из обители.

«Вот те раз! Так он что — монах?» — озадачилась я опять-таки мысленно.

Окинув широкую спину Сиршехура придирчивым взглядом, я окончательно загрустила: какой экземпляр пропадает. А жаль.

И тут же себя одёрнула, не понимая, откуда взялись эти странные мысли. И вовсе я ни о чём таком не думала, да он мне даже не нравится, ну вот нисколечко, честное слово.

Пройдя длинными полутёмными коридорами, мы вновь оказались в змеином храме. Если бы не чистота и благолепие вокруг, я бы решила, что мы вернулись обратно. Но нет, этот храм, хоть и был отражением храма из моего мира, но всё же он был другим. И здесь не водились мелкие ползучие гады. Да и змеи переростки тоже не попадались на глаза.

Храм оказался странно пуст — ни шороха, ни звука, ни чужого дыхания.

— Сейчас ночь, — Сиршехур снова ответил на мой невысказанный вопрос.

Я глянула на него с подозрением. Подобная пронизательность змеелюда настораживала.

— У тебя очень выразительное лицо, — отвесил он мне сомнительный комплимент.

— Твоя сестра точно нам не обрадуется, — сменила я тему разговора.

Сиршехур беспечно отмахнулся:

— Иршайясси часто засиживается в своей лаборатории до рассвета. Так что мы её не разбудим. Главное, не сорвать ей очередной эксперимент. В этом случае сестрёнка действительно разозлится, но тут уж я постараюсь этого не допустить. Доверьтесь мне, я знаю, что делаю.

Доверять змеелюду — последнее дело. Но разве у нас есть выбор?

— Веди уж, — велела я снисходительно. — Нечего время терять.

И первой направилась к выходу из храма.

— Стой, дурная, куда направилась? Хочешь нажить себе неприятностей? — донеслось мне вслед.

Я почувствовала, как краска приливает к лицу. Не так давно я вот так же чихвостила Ярика за его привычку срывать с места и, сломя голову, нестись в неизвестном направлении.

Обернувшись, я увидела, как Сиршехур открывает неприметную дверку в стене.

— Нам сюда, — ухмыльнулся этот гад ползучий, заметив моё смущение.

Впрочем, с определением я погорячилась. В своём мире Сиршехур предпочитал ходить на двух ногах. Позже выяснилось, что способностью принимать человеческую форму обладают не все змеелюды, а лишь те, кому повезло родиться от правильных родителей. Надо ли говорить, что счастливики не упускали случая продемонстрировать менее удачливым сородичам свою исключительность?

Перед лабораторией Иршайясси мы остановились. Сиршехур к чему-то принюхался, осмотрел ему одному понятные знаки, небрежно начертанные на деревянной дощечке, прицепленной к медной ручке, и вынес вердикт:

— Можно заходить. Она уже закончила.

Несмотря на его уверения, Иршайясси встретила нас неласково. Выглядела она как обычная человеческая девушка, только очень неряшливая. Даже лицо у неё оказалось перемазанным какой-то липкой субстанцией неопределённого цвета. Платье так и вовсе легче было выбросить, чем пытаться его отстирать. Зато о волосах Иршайясси позаботилась, укрыв их плотной косынкой. Так что вся грязь досталась куску полотна, а не осела на блестящих тёмно-каштановых прядях, от вида которых у меня завистливо ёкнуло что-то внутри.

Стянутая с волос косынка была небрежно отброшена в угол, а сама Иршайясси

принялась избавляться от остальной одежды, ничуть не смущаясь нашего присутствия. Сиршехур выглядел невозмутимым. У Ярика отвисла челюсть. Я же старалась смотреть куда угодно, только не на бесстыжую девку.

Наконец Иршайясси избавилась от одежды и всем стала понятна причина её бесстыдства. Всё тело красавицы покрывала плотная чешуя оранжевого цвета с мелкими чёрными вкраплениями, надёжно защищая её как от опасности, так и от любителей подглядывать.

Смотрелась эта броня, на мой взгляд, достаточно ядовито, чтобы навсегда отбить охоту связываться с её обладательницей. Неудивительно, что девушка полностью посвятила себя науке. Видимо, так и не нашла смельчака, готового пойти на смертельный риск ради её прекрасных глаз.

Глаза у Иршайясси и впрямь оказались красивыми. Узкий вертикальный зрачок буквально тонул в расплавленном золоте.

Я посмотрела на братца — ну так и есть, Ярик опять влюбился. Он видно не успокоится, пока какая-нибудь стержовная дамочка не приберёт его к рукам. Видала я таких особей женского пола, привыкших измываться над своими мужьями, в то время как те им и слова поперёк сказать не смеют. Раньше я думала, что так на мужчин действует приворот, но Дафна мне объяснила, что не в зелье дело. Некоторые мужчины настолько слабы, что им нравится находиться во власти женщины. Я тогда только пожала плечами, а сейчас понадеялась, что Ярик совсем не такой. Он просто ещё слишком молод и чересчур впечатлителен. С годами это пройдёт.

Иршайясси тем временем умылась, переделалась в чистое платье и только после этого обратила на нас внимание.

— Показывай, что там у тебя, — произнесла она резко.

А я про себя отметила, что эта сестра Сиршехура не обладала ни вежливостью, ни тактичностью даже в той степени, что была присуща Сайясхари.

Не поздоровавшись, Иршайясси сразу же принялась нас осматривать, словно мы сырьё для её экспериментов.

— Эй, полегче, — не выдержал и завопил Ярик, когда цепкие пальчики девушки ухватили его за подбородок, поворачивая голову парня из стороны в сторону.

От злости и негодования на висках у Ярика появилась чешуя.

Иршайясси довольно улыбнулась и похлопала его ладошкой по щеке:

— Хороший мальчик, — сказала она так, будто разговаривала со щенком или с жеребёнком.

Потом повернулась ко мне. Я же, в отличие от Ярика, не собиралась спускать этой нахалке подобную наглость, ощерившись на неё ядовитыми клыками.

— Вот даже как, — непонятно чему обрадовалась эта ненормальная и благосклонно посмотрела на Сиршехура: — Признаюсь, сегодня ты меня удивил и порадовал, брат. Спасибо.

— Мальчишка твой, девчонка моя, — высказался Сиршехур, хватая меня поперёк талии и взваливая себе на плечо.

Последнее, что я видела, прежде чем за нами закрылась дверь, было растерянное лицо Ярика, который, как и я растерялся от неожиданности.

Это что вообще сейчас было? И как прикажете это понимать?

Попытка вырваться из захвата Сиршехура оказалась пустой тратой сил. Мой яд на него не действовал, удары кулаками только смешили, а кричать и ругаться, рискуя привлечь к нам внимание, я сама не решалась.

Знакомое зло — вы же помните?

Оставалось только сердито шипеть, мысленно успокаивая себя тем, что Сиршехур вроде как давал слово, что с нами не случится ничего плохого.

— Да не волнуйся ты так, — посоветовал Сиршехур, сгружая меня на пол. — Иршайясси только выглядит ненормальной. На самом деле, она очень умная и прагматичная особа. Да она с твоего брата будет пылинки сдувать и сделает всё для его безопасности.

Слова Сиршехура показались мне достойными доверия, но я всё же сочла нужным предупредить:

— Если с Яриком что-то случится, этой стерве не жить.

— Да понял я, понял, — рассмеялся Сиршехур, выставяя руки ладонями вперёд. — Тебя стоит бояться.

— Точно, — поддакнула я, ничуть не обескураженная его насмешкой.

Пусть думает, что хочет, но те, кто меня недооценивал, сильно об этом пожалели.

Решив вопрос с братом, я наконец осмотрелась.

Не знаю, куда приволок меня Сиршехур, но тут было гораздо уютнее, чем в лаборатории Иршайясси: красивая мебель, пушистые ковры, лепнина и позолота на стенах и потолке. Но самое главное, тут имелся стол, сплошь уставленный различными яствами, многие из которых были мне неизвестны.

Втянув носом воздух, я постаралась уловить знакомые ароматы, а потом решила не привередничать и отведать всего понемногу.

Сиршехур изображал из себя радушного хозяина: подкладывал мне еду, подливал напитки, угощал фруктами. Особенно мне понравились те, что хоть и выглядели странновато, но обладали умопомрачительным ароматом. Только представьте себе фиолетовый шар размером с кулак взрослого мужчины весь покрытый янтарными каплями смолы. Так вот съедобными, по словам Сиршехура, были только капли, обладающие не только апельсиновым вкусом, но и довольно сильным освежающим эффектом. Они буквально таяли во рту, оставляя приятное послевкусие.

Я наслаждалась едой. И даже, когда сознание слегка помутилось, не заподозрила неладное. Просто очертания мебели, скульптур и напольных ваз стали вдруг расплываться, а голос Сиршехура, увлечённо повествующего обо всех мытарствах их расы, а так же о провальных попытках сохранить свой вид, зазвучал глуше.

Я практически перестала понимать смысл его слов, улавливая лишь интонации — чарующие, влекущие, заставляющие мечтать о несбыточном.

Девчонка казалась забавной. Ровно настолько, чтобы Сиршехур не чувствовал к ней отвращения. Но и вожеления она в нём не вызывала. Мелкая и нескладная, не то, что их

женщины — сильные и грациозные, манящие и опасные, настоящие хищницы. Как жаль, что они не способны передать свои лучшие качества потомству. Сиршехур же мечтал о детях, которыми мог бы гордиться.

Вся его сознательная жизнь была посвящена достижению этой цели. Так неужели же он не справится со столь незначительной проблемой, как отсутствие влечения к одной конкретной девице?

Сок плодов карадо — один из немногих афродизиаков, оказывающих влияние на змеелюдов. Едва заметное, но Сиршехур надеялся, что ему и этого хватит, чтобы достичь нужного результата.

А вот Эфе, пожалуй, достаточно объедаться сладким лакомством. А то чего доброго превратится в нимфоманку. Только озабоченной девчонки ему не хватало для полного счастья.

Сиршехур подхватил несопротивляющуюся девушку на руки и понёс её в купальню. Пора было переходить к самому главному, ради чего, собственно говоря, всё и затевалось.

Где-то на половине пути он вдруг поймал себя на том, что с наслаждением вдыхает запах Эфираси, уткнувшись носом ей в шею. Естественный аромат девушки, смешавшись с ароматом карадо, действовал опьяняюще.

Принц ухмыльнулся, довольный полученным эффектом. Напрасно он сомневался в действенности карадо. Всё получилось даже лучше, чем он ожидал. Приятная тяжесть в паху была тому свидетельством.

Эфираси, в свою очередь, не стесняясь, льнула к нему всем телом, утратив свойственную ей ершистость и подозрительность.

Дыхание змеелюда участилось, он неосознанно сжал тело девушки крепче, не помышляя ни о чём, кроме того, чтобы слиться с ней воедино. В результате время на омовение сократилось до минимума, а после они оказались в его постели, застеленной по такому случаю чёрными шёлковыми простынями.

Ночь обещала быть долгой и очень горячей.

* * *

Она была похожа на пламя: ласковое, жаркое, дразнящее, временами жалящее, но не смертельно. Сиршехур вдруг поймал себя на мысли, что любит её. Без одежды Эфираси выглядела ещё более беззащитной: нежная кожа, выпирающие ключицы, тонкая талия, узкая спина и сверкающие живым огнём глаза в обрамлении длинных ресниц.

Её поцелуи были сладкими, а ласки неумелыми. И это, как ни странно заводило Сиршехура ещё больше. Он почти позабыл о том, что привык ценить в женщинах силу, ассоциируя её с красотой. Сейчас ему нравилась эта слабая человеческая девушка, рядом с которой он чувствовал себя всемогущим. А она плавилась под его взглядом, немного стеснялась, но в то же время гордилась собой, довольная тем, что смогла увлечь такого мужчину. Эти мысли так явственно отражались на лице Эфираси, что Сиршехуру временами казалось, что он читает её как открытую книгу.

Неожиданно для самого себя принц так увлёкся, что едва не пропустил очень важный момент, когда тело Эфираси начало меняться. И это было не простое изменение, а то самое перерождение, которым и должно было закончиться их соитие.

Подхватив Эфираси на руки, Сиршехур снова отнёс её в купальню и бережно опустил девушку в бассейн с ледяной водой. А дальше для неё начался сущий ад. И лишь холод немного облегчал ту боль, что пронзала её насквозь.

Тело Эфираси содрогалось в судорогах, пылало от жара, корчилось и выгибалось, меняясь изнутри.

Никогда в жизни Сиршехур не чувствовал себя так ужасно, как в те несколько часов, пока Эфираси испытывала все эти мучения. И всё только потому, что ему вздумалось ускорить процесс перерождения. Да, у него были на это причины, но если бы только он знал, как ужасно эта поспешность отразится на девушке.

Принц вдруг задумался, а потом тряхнул головой и упрямо сжал губы: не стоит себя обманывать. Даже зная заранее, к чему приведёт его спешка, он поступил бы точно так же. Слишком высока была цена промедления.

Наконец тело Эфираси преобразилось. На гладкой поверхности воды тёмно-бордовой лентой извивалось тело новорожденной змеи. Её движения были медлительны, а взгляд всё ещё туманился болью, но главное, девушка выжила и стала той, кем и должна была стать для Сиршехура — будущей матерью его детей. Осталось совсем немного, дождаться её обратного преобразования и ритуал можно будет считать завершённым. Вот только, если верить летописям, на это может уйти довольно много времени.

Сиршехур протянул руку и ловко выхватил змею из воды, удивляясь тому, какая она маленькая, не более полутора метров в длину. Можно сказать, ещё детёныш, но это вскоре изменится. Вторая ипостась развивается очень быстро. Не пройдёт и года, как этот червяк-переросток превратится в красавицу-змею, всем на зависть.

Змеиный хвост обвился кольцами вдоль руки Сиршехура, в янтарных глазах Эфираси колыхнулась угроза. Послышалось шипение и вслед за этим обнажились ядовитые клыки.

Однако принц только усмехнулся в ответ на столь явное проявление враждебности. Он полагал, что это не что иное, как не заслуживающая внимания реакция дикой твари на опасность. Если верить всё тем же древним летописям, то разум Эфираси сейчас спит, а когда она очнётся и вновь примет облик человека, то забудет и о боли, и об их слиянии.

Против первого Сиршехур не возражал, а вот воспоминания о втором собирался всколыхнуть в памяти своей избранницы сразу же, как только она придёт в себя, не давая ей опомниться и проявить свой несносный характер.

* * *

За время его отсутствия слуги успели подготовить в покоях господина всё необходимое. Внушительного размера стеклянный куб стоял в самом светлом углу его спальни. Солнце обогрело это пространство своими лучами практически весь день. Маленькой змейке должно тут понравиться.

Внутри этого куба было устроено некое подобие джунглей: древесные стволы, папоротники и лианы. Будь Сиршехур помладше, он и сам с удовольствием проводил бы тут часть своего времени. Вопрос с пропитанием тоже решался очень просто. Для того, чтобы выжить в их опасном мире, Эфираси придётся научиться управлять телом змеи, и охота на мышей сможет ей в этом помочь.

Но это всё потом, а сейчас нужно поведать о своей удаче отцу.

Длинные замковые переходы отражали звуки его шагов. Сиршехур шествовал походкой победителя. На его руке обретался довольно весомый повод для гордости. Пятый наследник не стал рисковать, оставляя Эфираси в своих покоях одну без присмотра, и на встречу с отцом и правителем отправился вместе с ней. Он испытывал определённые неудобства, постоянно держа руку на весу, но, когда речь идёт о спасении целой расы, можно и потерпеть.

Встречные змеелюды смотрели на него с интересом.

Некоторые отвечивали короткие поклоны, не достаточно почтительные, но и не лишённые дружелюбия. Этих Сиршехур старался запомнить в лицо, временно причисляя их к стану союзников. Окончательное решение в отношении каждого он собирался принять чуть позже, когда в этом возникнет необходимость.

Другие взирали на него с превосходством, по незнанию или скудоумию списав его со счетов. Наверняка Сайясахари успела донести до всех радостную весть о его добровольном отречении от престола. Только сестричка вероятнее всего забыла

упомануть о том, что их соглашение так и не было скреплено печатью, за отсутствием оной.

Дело в том, что правилами монастыря запрещалось проносить на территорию обители мирские вещи. Даже одежда и обувь оставались за её порогом. Будущие послушники проходили сквозь монастырские ворота обнажёнными телом и душой. Потому то печать Сиршехура и оставалась во дворце, в тайнике, распложенном в его личных покоях. Но, как говорится, незнание не освобождает от ответственности. И принц немедленно занёс этих недоумков в чёрный список своих недоброжелателей.

Были и те, кто искренне выражал свою радость от встречи с ним. Этих змеелюдов Сиршехур знал по именам и считал их своими друзьями.

Вот так походя, пятый и теперь уже единственный наследник составил в уме круг приближённых, среди которых и будет распределять самые значимые посты в своём государстве.

Повелитель встретил Сиршехура ласковой улыбкой. Когда-то он возлагал на него большие надежды, после сильно переживал затворничество сына, а когда узнал, какую цель тот преследует, невероятно им возгордился. Из шести его отпрысков лишь Сиршехур, да Сайясахари унаследовали характер отца, его негибаемую волю и стремление к победе. Только в отличие от дочери, сыну достались ещё и мозги. Со временем из него выйдет достойный правитель.

Занятый своими мыслями, правитель не сразу обратил внимание на то, что одна рука наследника обвита змеиным телом, а сам он с явным усилием удерживает обозлённую тварь от нападения.

Сиршехур и правда устал сдерживать Эфираси. Двое суток без сна вымотают кого угодно. А тут ещё эта мелкая заноза никак не желала успокаиваться. Другая бы на её месте давно бы смирилась со своим пленением, ну или затаилась на время, в ожидании подходящего момента. Эта же не оставляла попыток вырваться на свободу, а заодно покусать своего пленителя до его полного умерщвления.

— Неужели это то, о чём я думаю? — с нескрываемым волнением в голосе спросил отец

Сиршехура.

Эфираси, будто бы поняв суть вопроса, перестала вдруг трепыхаться и уставилась на правителя немигающим взглядом, полным непритворного возмущения.

А принц невольно задался вопросом, так ли уж правы древние летописцы, утверждавшие, что сознание человека после ритуала как бы засыпает? Глядя на вполне осмысленный взгляд этой змейки, такого не скажешь.

Я сидела в стеклянной тюрьме и плевалась ядом от злости. Слуги опасались ко мне приближаться, так что мышей мне подбрасывал сам Сиршехур. Судя по всему, он не терял надежды меня задобрить. Я же при его приближении уползала в самый дальний угол убежища и сворачивалась там клубком, отказываясь от еды и воды.

Примерно через неделю я поняла, насколько глупо с моей стороны было объявлять голодовку, и принялась охотиться на мышей. Всё какое-то развлечение, к тому же быстро растущее змеиное тело требовало подпитки.

Ещё через неделю меня навестил Ярик. Он тоже изменился, но не так сильно, как я.

Хоть в этом Сиршехур не солгал, его учёная сестрица действительно тряслась над Яриком, как над фарфоровой статуэткой и проводила ритуал по всем правилам, то есть поила его своей кровью, не настаивая на большем. Мой брат выглядел довольным жизнью и мог часами говорить о своей ненаглядной Иршайясси, восхваляя её ум и красоту.

Ну что же, как говорится — совет им, да любовь. У меня вот опять не сложилось.

Опершись на хвост, я в который раз постаралась сдвинуть головой стеклянную крышку, преграждающую мне путь к свободе. И снова безрезультатно, хотя надежды я пока не теряла. Змеиное тело росло и крепло с каждым часом всё больше. Не далёк тот день, когда я вырвусь на волю. Только меня и видели.

Опять пришёл Сиршехур. Долго меня рассматривал, но заговаривать, как раньше уже не пытался. Кажется, мне удалось его убедить в отсутствии человеческого разума в теле змеи. А это значит, что теперь наблюдение за мной ослабнет.

Каждый вечер принц относил меня в бассейн, мотивируя это тем, что купание благотворно сказывается на змеиной шкурке. Однажды я попыталась удрать прямо оттуда, но не учла стремительность Сиршехура, с которой он способен принимать боевую форму.

В общем, нагнал он меня практически мгновенно. Тогда я поняла, что действовать нужно иначе. Самое правильное в моём положении — это затаиться и ждать подходящего случая. А он непременно представится, уж я то знаю. Судьба всегда была ко мне благосклонна, даже если порой создавалось впечатление, что это не так.

— Мне кажется, Эфираси пора возвращаться в человеческий облик.

А это пожаловала возлюбленная моего брата Ярика. Ну надо же, оказывается она тоже волнуется обо мне. Или причиной её визита стали научные изыскания? Небось описывает каждый прожитый мной день, чтобы на основании полученных сведений, сделать выводы о целесообразности ускоренного превращения человека в змеелюда.

Всё. Решено. Её я тоже покусаяю, как только вырасту. Знать бы ещё, когда это произойдёт. Надоело питаться одними мышами. Хочется простой человеческой пищи.

— Отец говорит, что это нормально.

А это уже Сиршехур. Интересно послушать, что скажет этот обманщик.

— Он полагает, что Эфираси перед превращением должна набрать определённую массу. Наша матушка после ритуала провела в теле змеи чуть больше месяца. Отцу пришлось построить для неё целую оранжерею. К концу срока она перестала помещаться в стеклянном кубе, а оставлять её без присмотра было опасно.

— В таком случае набирайся терпения братец и не спускай с Эфираси глаз. Не нравится мне, как она на нас смотрит.

Иршайясси веселилась, а Сиршехур серел лицом. После повернулся и вышел, а его сестра улыбнулась мне и подмигнула. Я даже сперва опешила и потому не смогла скрыть удивления.

Так и быть, не буду её кусать. Какая-никакая а родственница. К тому же Ярику с ней хорошо.

Ещё через несколько дней у меня началась чесотка. Тело зудело так, что я буквально лезла на стену. Даже подумывала о том, чтобы плюнуть на всё и сдаться, вернув себе человеческий облик. А потом до меня дошло, что таким образом моё тело пытается избавиться от старой шкурки, которая стала ему тесновата.

Процесс линьки занял несколько дней, зато результат меня порадовал. Я значительно прибавила в росте и весе, так что Сиршехуру пришлось поднапрячься, чтобы дотащить меня до бассейна и обратно.

А уже следующим утром я сбежала.

* * *

Змеиное тело будто создано для побега. Сильное, гибкое, а в нужный момент способное затаиться и стать невидимым. Я кралась по длинным коридорам, время от времени прячась в нишах, за кадками, или просто вытягивалась вдоль стены, если слышала чьи-то шаги. Судя по всему, мой побег пока не обнаружили, а потому скрываться было легко.

Потайная дверь в храм оказалась заперта. Это могло стать проблемой для кого-то менее опытного в таких делах. Я же ни минуты не сомневалась в том, что ключ спрятан где-то поблизости, и принялась осматривать близлежащее пространство на предмет обнаружения тайника.

Всё оказалось даже проще, чем я предполагала. Ключ лежал на дверном косяке. Воспользоваться им мог кто угодно. Создавалось впечатление, что дверь запирали больше по привычке, чем из необходимости. От неожиданности, я едва не уронила его на пол, но, слава Всемиловитой, удержала в последний момент.

Проскользнув в приоткрытую дверь, я затаилась. Моего появления тут не ждали. Храмовые служки наводили чистоту и тихо переговаривались друг с другом. Улучив момент, я рванула в знакомый проход, ведущий к переходу между мирами. Даже холод подземелий не подействовал на меня отрезвляюще. Предвкушение скорой свободы горячило кровь и заставляло двигаться всё быстрее.

Довольно приличное расстояние я преодолела за считанные минуты. Шорох песка под чешуёй показал, что я в своём мире. Осталось преодолеть храмовое пространство, и я буду свободна как ветер. Однако, всё оказалось не так просто. Довольно скоро я поняла, что в храме собралась уйма народу. И все они что-то горячо обсуждали. Голос Сиршехура возвышался над всеми. Именно он заставил меня остановиться и прислушаться к разговору.

— Не могу не согласиться с тем, что при данных обстоятельствах было бы чистым безумием оставлять проход открытым, — говорил принц змеелюдов. — Но и отгораживаться друг от друга глухой стеной, как это было раньше, не вижу смысла. Мы имеем определённый интерес в вашем мире, причём относится он только к кочевым племенам. Возвращаться в ваш мир, а тем более вступать в военное противостояние с людьми, мы не планируем. Однако, готовы развивать взаимовыгодное сотрудничество с соседними державами. Вот

примерный список того, что мы можем вам предложить.

Послышался шелест бумаг, и я осторожно выглянула из-за угла.

В просторном зале многое изменилось. В самом центре, там, где раньше находился жертвенный камень, был установлен внушительных размеров круглый стол, за которым восседали люди и змеелюды. Я насчитала по двадцать представителей с одной и с другой стороны.

При таком скоплении разумных существ мне вряд ли удалось бы остаться никем незамеченной. Надо было срочно придумывать запасной план, потому что первый явно провалился.

Тем временем слово взял представительный мужчина лет сорока. По значку на его камзоле я определила, что это маг.

— Нам не составит труда восстановить барьер по всему периметру храма, — начал он уверенно. Я же мысленно хмыкнула, зная прекрасно, что маг блефует. Следующие его слова подтвердили мою догадку. — Однако, я думаю, в этом нет необходимости. Будет намного проще установить магический заслон непосредственно в месте соединения двух миров. А лицам, получившим разрешение на проход, выдавать отпирательные амулеты.

— Уверен, на данный момент, это оптимальное решение проблемы, — согласился с ним Сиршехур, тут же внося уточнение: — Но амулеты должны быть одноразовыми и выдаваться нашим представителям по первому требованию. Со своей стороны обещаю, не злоупотреблять вашим доверием.

Я снова хмыкнула. Сиршехур явно решил использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу, выдавая пропуск в мой мир лишь избранным, в частности тем, кого сочтёт достойным доверия.

Тем временем Сиршехуру передали новый пакет документов, и принц углубился в чтение, делая в бумагах какие-то пометки.

Переговоры имели все шансы затянуться надолго. Я оглянулась назад, собираясь спуститься в подземелье. Пусть это не самое уютное место в мире, но, как временное убежище, вполне сгодится. Рано или поздно переговорщики устанут и проголодаются, вот тогда я и воспользуюсь удобным моментом, а до тех пор придётся затаиться и ждать.

* * *

В подземелье тоже произошли перемены. От груды золота и драгоценных камней остались одни воспоминания. Я лишь тяжело вздохнула, жалея об упущенных возможностях.

А чего я собственно ожидала? Теперь, когда в храм проникли чужие, никто не поручится за сохранность накопленных тут ценностей. Вот Сиршехур и распорядился убрать всё это подальше от чужих глаз. Хозяйственный он у меня, не то что Сайясахари.

Так, стоп. Это что ещё за мысли? Никакой он не мой и никогда им не был. Этот гад ползучий просто использовал меня, вот и всё.

Досадуя на собственную глупость, я нечаянно прикусила кончик собственного хвоста и тут же зашипела от боли. Зато от романтической чепухи в голове не осталось и следа. Покрутившись на месте, свернулась в клубок и прикрыла глаза. Если не присматриваться, то и не заметишь лежащую на полу змею. Света в подземелье и в лучшие времена было маловато, теперь же и вовсе здесь царил полумрак.

На тепло моего тела неведомо откуда стали сползаться «дальние родственницы». Клубок змей с каждой минутой становился всё больше. В конце концов, я оказалась погребённой под этой шипящей массой. Лучшего укрытия было не сыскать. Определённо, судьба по-прежнему благоволит ко мне, а, значит, и в дальнейшем можно полагаться на её благосклонность.

Мысленно улыбнувшись, я покрепче смежила веки и приготовилась ждать.

* * *

Всё успокоилось ближе к вечеру. Стихли вибрации чужих шагов. Змеиный храм опустел. В подземелье заметно похолодало. С понижением температуры меня охватила апатия, пришлось прилагать усилия, чтобы заставить себя шевелиться.

Сородичи проводили меня вялым шипением. Я помахала им на прощанье хвостом и поползла на выход.

Темнота не являлась для меня помехой. Я прекрасно ориентировалась внутри храма и уверенно продвигалась вперёд, не чуя преград на своём пути. Сердце ёкало от восторга, тело потряхивало от возбуждения, а сама я с трудом сдерживала оборот. Бурлящие во мне эмоции, искали выход и не находили его. К сожалению, всё, на что я была способна в змеиной ипостаси, это шипеть и плевать ядом. Не совсем то, что нужно для выражения радости от почти удавшегося побега.

«Осталось совсем чуть-чуть. Всего лишь выскользнуть за порог храма, а там мне ничто не помешает затеряться в песках», — думала я, не ожидая подвоха.

К счастью, внутреннее чутьё заставило меня насторожиться и немного притормозить, не то угодила бы на полном ходу в расставленную ловушку.

Под стенами храма обнаружился лагерь. Многочисленные шатры образовывали полукруг, в центре которого горели костры. Со стороны пустыни был установлен охранный периметр, а вход в храм прикрывала магическая сеть. Это маги подстраховались от неожиданных визитёров из соседнего мира. Разумно с их стороны, ничего не скажешь, но эта предосторожность чуть было не испортила мне всё дело.

К счастью, я вовремя остановилась.

Выдохнуть облегчённо тоже не получилось. Я еле-еле удержалась от того, чтобы снова не прикусить свой хвост. Кроме короткой вспышки боли эффекта никакого. Так стоит ли заниматься членовредительством?

Зато в очередной раз порадовалась своим небольшим размерам. Будь я хотя бы как Сайясахари, такое препятствие оказалось бы для меня непреодолимым. Даже не стану упоминать о Сиршехуре, этому гиганту тут ни за что не просочиться. Если кто не понял, я имею в виду вон ту небольшую прореху, которая образовалась по недосмотру какого-то мага. В левом нижнем углу сеть зацепилась за каменный выступ, в результате чего не прилегла плотно к проёму. Если специально не выискивать, то и не заметишь, особенно, если смотреть с освещённой стороны. Мне же из темноты прекрасно был виден путь на свободу. Вот тут и должно пригодиться хвалёное змеиное хладнокровие, а то пока от него одни неудобства.

Внутренне собравшись, я напряглась и стрелой вылетела на волю. Уверена, это было красиво. Даже жаль, что никто не видел, как хорошо я владею змеиным телом. Ещё немного

подучусь и смогу как Сиршехур вбуравливаться в песок и выпрыгивать из него в нужный момент.

Помнится, подобные выкрутасы его змеиного высочества даже меня впечатлили до крайности, а кое-кто из вояк ещё долго не мог прийти в себя, после устроенного Сиршехуром представления.

Змеи в пустыне обычное дело. Разве что двухметровые красавицы вроде меня встречались не часто, особенно ночью. Ну так и я не искала ни с кем встречи. У меня имелись свои планы на эту ночь и свидания в них не входили. Так что оазис Аанхура я решила обойти стороной. Это несколько удлиняло мой путь, но зато избавляло от многих проблем. Мне почему-то казалось, что Сиршехур станет искать меня именно там.

Подумав ещё немного, я снова подкорректировала свой маршрут, решив ползти напрямик к Южной заставе. Приёмную семью я смогу посетить чуть позже, а ещё лучше напишу им письмо из столицы. Они ведь обещали приехать в гости, значит, там с ними и встретимся. Главное не забыть упомянуть в письме, что с Яриком всё в порядке. Моего слова им будет достаточно, чтобы перестать за него волноваться. Вот только о происходящих с ним переменах лучше пока умолчать. Не зря говорится, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Так что пусть Ярик сам объясняется со своей роднёй.

Все эти мысли не мешали моему продвижению вперёд. Я предполагала, что благодаря змеиной ипостаси, обратный путь займёт меньше времени, но не думала, что настолько. Уже к вечеру следующего дня на горизонте показались крепостные стены заставы. А ведь я ещё и охотилась по дороге, и даже умудрилась немного вздремнуть, когда почувствовала, что начала уставать.

И всё же совсем без проблем не обошлось. И как обычно они возникли буквально на пустом месте. Мне банально не во что было одеться. Признаюсь, об одежде я даже не вспомнила, когда придумывала план побега. И только приняв человеческий облик, осознала всю безвыходность своего положения. Появиться обнажённой в крепости полной мужчин, я не могла, а других вариантов просто не находила.

Вернув змеиный облик, я зарылась в песок и принялась дожидаться ночи. Можно было конечно вспомнить о старом ремесле и попытаться ограбить кого-нибудь из местных. Но такое преступление вряд ли останется незамеченным, и я очень скоро окажусь пойманной с поличным. В общем, этот вариант тоже отпадал. Оставалось одно — продолжить путь в змеиной ипостаси, правда в этом случае о дневных переходах придётся забыть, как и о человеческой еде, а также нормальном ночлеге.

Вспомнив всех грызунов, которыми мне пришлось давиться в последнее время, я мысленно скривилась, но деваться было некуда. Не только красота требует жертв, свобода, как оказалось, без них тоже не обходится.

По моим наблюдениям, граница с пустыней охранялась из рук вон плохо. Дозоры тут не ходили, на сторожевых башнях не было часовых. Безобразие да и только. А если бы змеелюды именно сейчас решили напасть на наши земли?

Я спокойненько переползла разделительную полосу, оставляя за собой глубокую рытвину шириной около полуметра. То-то доблестная охрана рубежей удивится, обнаружив поутру столь явное свидетельство нарушения государственной границы. Уж я постаралась изо всех сил, впечатывая своё гибкое тело в рыхлый песок. Пришлось повозиться, не без этого, всё же мои размеры были немного скромнее заявленных, до полуметровой ширины мне ещё расти и расти. Осмотрев дело хвоста своего, я осталась довольна и с чувством

выполненного долга поползла дальше. Пусть теперь поломают голову над этой загадкой. Пусть поволнуются за тёпленькие местечки. Может и перестанут пренебрегать своими обязанностями. Обязательно вернусь и проверю.

Крепость я миновала без особых проблем, как и сонный городок, что разместился неподалёку. Хотела было обползти его стороной, а потом набралась наглости и понеслась напролом, прямо через центральную площадь, которая, к слову, оказалась не такой уж большой. Пару раз в подворотнях нерешительно тявкнули собаки, но шум поднимать не стали. Не иначе, внутреннее чутьё подсказало четвероногим, что с хвостатыми гадами лучше не связываться, себе дороже.

Дорога за городом была тиха и безлунна. Одно удовольствие ползти по накатанной колее, совсем не то, что продирается сквозь траву и кустарник. Если так пойдёт и дальше, я очень быстро окажусь в нужном месте.

Мой план опять претерпел изменения. Теперь я решила ползти к Дафне. Эта женщина много чего повидала на своём веку и как никто другой была наслышана о моей проблеме. Даже как-то помогала её решать. И не очень то удивиться, если я появлюсь на пороге её дома слегка не одетой.

Честно говоря, это было единственное место, где я могла отсидеться, пока всё не утихнет. Всё же дом в столице оформлен на моё имя. Найти меня там не составит труда. Мне же как воздух нужна передышка, да и совет умудрённой жизнью женщины тоже не будет лишним. А то в голове всё смешалось: мысли, чувства, желания. Опять же, эмоции бьют через край, что при моей профессии чревато неприятностями. Наёмник не должен отвлекаться по пустякам. Вот уж не думала, что однажды превращусь в одну из тех девиц, что изводят себя переживаниями из-за какого-то негодяя, но кажется именно такой я и стала по вине одного хитромудрого гада.

* * *

Дафна встретила меня на пороге полностью одетой и готовой к визиту гостей, хотя утро было настолько ранним, что даже роса на траве не обсохла. Надо отдать ей должное — старушка не дрогнула при виде огромной змеи, выскользнувшей из густых зарослей крапивы и замершей у её ног.

Тут я себе немного польстила, два метра с хвостиком — это не так уж и много по меркам змеелюдов. Но в тех местах, где проживала Дафна, водились змеи значительно меньших размеров. Без ложной скромности скажу, что в сравнении со мной они выглядели червяками-переростками, так что мне было, чем гордиться.

— Покрасовалась и хватит, — обратилась ко мне ведьма, не скрывая насмешки. — Возвращайся в свой облик, да проходи в дом, чай стынет.

Сказала и собралась уходить, словно перед ней кошка драная, а не великолепная я.

Вскипевшее во мне возмущение выплеснулось наружу громким шипением. Я хищница или где? Ну кто в здравом уме станет поворачиваться к потенциальной опасности спиной? Тело, вопреки моей воле, приняло угрожающую стойку.

Дафна замерла в полушаге от двери. Кажется, до неё дошло, какую оплошность она совершила. Медленно повернувшись, ведьма заговорила тихо, произнося каждое слово нареспев:

Повелительница змеев,
Не губи меня, прошу.
Отпусти меня живую,
Не останусь я в долгу.
Мне дожить бы до рассвета,
Я исполню договор,
Потрапезничаем вместе -
Разведу тебе костёр.
Положу немного хлеба
В языки того огня -
Это будет моя треба,
Благодарность от меня.

Не возьмусь утверждать, что слова заговора имели какой-то смысл. Я впала в прострацию сразу, как только услышала напевные звуки колдовского речитатива. Что ни говори, а Дафна не просто так слыла ведьмой. Контроль над моим сознанием она перехватила в одно мгновение, даже не слишком задумываясь над тем, что делает.

Змеиное тело раскачивалось из стороны в сторону, поднимаясь всё выше, а я как бы смотрела на это со стороны. Наконец жёлтые глаза с вертикальной чертой замерли напротив чёрных глаз Дафны, и старушка с размаху шибанула змею кулаком по морде. То есть ударила меня так, что аж в голове зазвенело.

Очнулась я уже в человеческом теле, лёжа на мокрой от росы траве абсолютно голой. На крылечке сидела Дафна и выглядела так, будто на ней пахали.

— Стара я стала для таких потрясений, — произнесла ведьма с укором. — Ты уж в другой раз держи свою змеюку на поводке.

— Договорились, — просипела я, поднимаясь с земли. — Мне бы сейчас чаю с пирожками.

Дафна не удержалась от смеха.

— Иди в дом, чудо моё. Так и быть, напою тебя чаем.

— С пирожками? — спросила я с такой надеждой в голосе, что ведьма рассмеялась уже в голос.

— Будут тебе и пирожки, и ватрушки с творогом, и блины с вареньем.

Я взвизгнула от восторга и понеслась в дом. Там, в моей комнате имелся запас одежды. Как же мало нужно человеку для счастья.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросила Дафна, дослушав мой рассказ до конца.

Раскрасневшаяся и расслабленная после бани, наевшаяся до отвала, я легкомысленно отмахнулась от неудобного вопроса. Думать о будущем не хотелось. Подтянув ноги под себя, я прикрыла глаза, собираясь немного подремать. Сквозь сон ощутила касание одеяла. Это Дафна в очередной раз проявила заботу обо мне. Просто так, ничего не прося взамен. Какая же она славная. И как же мне повезло с ней встретиться.

Ни о чём другом подумать я не успела, заснула тут же, на широкой лавке возле печи.

Проснувшись ближе к вечеру. Снова голодная, но хотя бы отдохнувшая и полная сил. До полуночи мы с Дафной вели разговоры по душам. Она наставляла меня на путь истинный, я же упрямылась и не желала прислушиваться к её советам. Просто потому, что всепрощение — это не моё.

Старушка тяжело вздыхала и гладила меня по голове, как какое-то неразумное дитя. Я млела от этой незамысловатой ласки и постепенно впадала в детство, которого у меня по сути дела никогда и не было.

Оказывается, чувствовать себя слабой и одновременно с этим защищённой — это приятно, можно даже сказать восхитительно. Вот только и это тоже не по мне. Такой уж я уродилась, или, что вернее всего, таковой меня сделала жизнь. Несколько минут покоя и тишины — вот всё, что я готова стерпеть. А потом внутри меня начинает зарождаться недовольство пополам с нетерпением. Кажется, что я понапрасну трачу своё время. Ещё хотя бы миг промедления и всё самое интересное пройдёт мимо меня.

Вот и сейчас я не выдержала и вскочила на ноги. Отдохнувшие мышцы настойчиво требовали привычной нагрузки.

— Пойду, пробежусь вокруг дома, — уведомила я Дафну, — а то после твоей кормёжки недолго жирком обрасти.

— Иди уж, неугомонная, — по-доброму пожурила меня ведьма. — Время позднее, в округе нет никого, так что можешь выпустить свою змеюку на свободу. Вода в озере тёплая, что парное молоко. И лягушек в этот год развелось немерено.

Меня аж передёрнуло от её слов. До этого я думала, что в мире нет ничего отвратительнее мышей. Оказывается, я ошибалась.

Передёрнув плечами, я выскользнула за дверь. И сразу же в нос ударили ароматы ночного леса. Запах прелой листвы переплетался со смолистым дыханием сосен и елей. Влажная трава холодила босые ступни, с озера потянуло сыростью и прохладой. Тело пронзило сладкой дрожью предвкушения. Я вытянулась в струну, замерла настороженно, а потом подпрыгнула высоко, совершая оборот прямо в воздухе, и вонзилась в чёрную гладь озера пущенной стрелой.

Первые проблески рассвета застали меня рассекающей водную гладь. Краем глаза я видела, как Дафна несколько раз выходила на крыльцо, но к озеру не приближалась. Весьма разумно с её стороны. Я хоть и наглоталась лягушек под завязку, но охотничьего инстинкта никто не отменял. К слову, эти земноводные оказались не так уж плохи на вкус. Во всяком случае, моей красавице-змейке они понравились гораздо больше грызунов. По крайней мере, у них нет шерсти.

Не знаю, увеличился ли мой рост, но вот в весе за эту ночь я прибавила изрядно.

Выползать из воды не хотелось, однако наступающий день не оставлял мне выбора. У Дафны могут быть посетители. Не стоит им видеть лишнего.

И снова при обороте я осталась без одежды. Да что ж такое? Теперь всегда так будет или со временем я научусь сохранять хотя бы клочок ткани, чтобы прикрыть всё самое сокровенное? И ведь не у кого спросить. Может, рановато я пустилась в бега и сперва надо было научиться чему-то элементарному?

Кое-как укрывшись волосами, я потрусилась к дому. На крылечке стояла Дафна и вовсю веселилась, глядя на мои мучения. У неё в руках я увидела кусок полотна, которым мы обычно обтирались после купания. Но вредная ведьма даже не подумала сделать хотя бы шаг мне навстречу. Так и стояла, наслаждаясь моментом, полностью оправдывая людское мнение о ней.

— Рада, что хоть кому-то из нас весело, — пробурчала я, проскакывая мимо и выхватывая из её рук услужливо протянутое полотно.

— А чего мне грустить? — притворно удивилась Дафна. — У меня теперь чудище озёрное имеется. Ты пока поголовье лягушек изничтожала, ничего вокруг себя не замечала. Зато красавицу твою видели и больше на моё озеро с сетями не сунутся.

Я встала, как вкопанная.

— Это что же получается, меня кто-то видел? — то ли растерялась, то ли ужаснулась я открывшейся перспективе.

— Да чего ты всполошилась то? — не поняла Дафна.

Я же её спокойствия не разделяла, потому что знала, как действует на людей страх. Вместо того, чтобы прятаться и дрожать за закрытыми дверями, они объединяются и идут громить супостата, то есть меня.

Ворвавшись в дом, я бросилась собирать вещи. Дафна вошла следом, схватила меня за руки и заставила сесть.

— Объясни, что за муха тебя укусила? — приказала она.

— Да как ты не понимаешь? — взвилась я. — Сейчас эти дурни разнесут по окрестностям весть об озёрном чудовище. Придумают парочку небылиц. И уже к вечеру на меня будет объявлена охота.

Спокойствию Дафны можно было позавидовать. Мои слова не произвели на неё никакого впечатления.

— Было бы кого опасаться, — фыркнула она презрительно, — десятка два деревенских мужиков с кольями. Да что они тебе могут сделать? Ты ж вон какая.

В голосе ведьмы послышалось восхищение. А я вдруг поняла, что она мне завидует. Вот так-так. Кто бы мог подумать? Я уж точно такого не ожидала.

— И всё равно, — насупилась я в ответ. — Не желаю рисковать своей жизнью просто так.

— А просто так и не надо, — согласилась Дафна. — Я тебе заплачу.

Я снова лишилась дара речи. Должна признаться, в последнее время это происходит со мной очень часто.

— И нечего на меня так смотреть, будто я сморозила несусветную глупость, — хитро прищурилась ведьма. — Ты ведь наёмница. Вот я и собираюсь тебя нанять.

Я наконец отмерла и посмотрела на Дафну, как на умалишённую, только что пальцем возле виска не покрутила.

— Ты думай, что говоришь, — сказала я укоризненно. — Ты же мне как родная. Не стану я брать с тебя деньги. Говори, что задумала, а я, так и быть, постараюсь помочь.

— Да ничего особенного, — уверила меня Дафна, даже не думая спорить на счёт оплаты, хотя видно было, что ей приятны мои слова о родстве. — Понимаешь, повадились тут ко мне лихие люди. Перегородили всё озеро сетями, спасу от них нет. Почитай всю рыбу за лето извели. И страху перед ведьмой не ведают. Знают, что не стану им открыто вредить — за такое ведь можно и головой поплатиться. Закон к одарённым суров и беспощаден.

— Это да, — вздохнула я, вспоминая ограничения, налагаемые законом на использование магии и колдовской силы. — Значит, ты хочешь, чтобы я этих горе-рыбаков напугала так, чтобы они навсегда позабыли сюда дорогу?

— Уверена, ты легко с этим справишься, — польстила мне хитрая ведьма. — Ты и раньше была смекалистой девочкой, а теперь и защитой обзавелась, всем на зависть.

Сказав это, Дафна вздохнула. Ну точно, завидует. Честно говоря, мне и самой очень нравилась моя боевая ипостась. Даже жаль, что я так долго сопротивлялась её обретению. Сила, мощь, красота и ко всему этому неуязвимость — идеальное сочетание. Не правда ли?

— Ну ладно, договорились, — не стала тянуть я с ответом. — Поживу у тебя немного. Признаюсь, ночные купания пришлись мне по душе.

— Ага, — развеселилась вредная ведьма, — особенно вкупе с лягушачьим десертом.

— А что такое? — наигранно удивилась я. — Ты же сама сетовала на то, что их развелось слишком много.

— Да чего уж там, — отмахнулась Дафна, — кушай на здоровье, мне не жалко.

На том и порешили.

* * *

В последние дни Сиршехур всё чаще ностальгировал по прежним временам. Высокогорная обитель теперь представлялась ему островком спокойствия в бушующем океане жизни, а не унылым пристанищем для утративших к ней вкус.

На него в одночасье свалилось столько дел, что почти не оставалось времени на отдых и сон. Делегации из соседних государств следовали одна за другой. Первыми, как и ожидалось, пожаловали военные, утверждавшие, что безопасность превыше всего.

Сиршехур не мог с этим не согласиться.

К счастью, агрессивности никто из прибывших не проявлял. Напротив, все стремились заключить мирные договора с вновь обретённым соседом. Время войн и захвата территорий осталось в прошлом. И слава всем богам. Нового противостояния змеелюды могли и не пережить. Вот только людям совсем не обязательно было об этом знать. Пусть и дальше пребывают в уверенности, что их представители весьма ловко провели первый раунд переговоров о взаимном ненападении, чем способствовали сохранению мира в регионе.

Далее в дело вступили торговцы. За ними последовали учёные и деятели культуры и искусства. В короткие сроки пришлось создавать министерства по всем этим направлениям. Благо Сиршехур заранее озаботился подбором кадров из числа верных ему змеелюдов. В противном случае ему пришлось бы совсем тяжело.

Отец с самого начала дал понять, что слишком стар для таких дел и выразил желание передать бразды правления в руки деятельного сверх меры сына. До полной передачи власти

пока не дошло, но приготовления к этому шли полным ходом.

Немного настораживала покладистость Сайясхари. Сестрица без лишних споров согласилась обосноваться по ту сторону барьера, став женой Аанхура. Поразмыслив над этим, Сиршехур решил, что в этом нет ничего удивительного, ведь Сайясхари получила именно то, о чём мечтала всю жизнь: безграничную власть вкупе с бескрайним восхищением и преклонением простого народа. Да и личная жизнь у неё явно налаживалась, что тоже не могло не радовать. До полного преобразования Аанхура было ещё далеко, но его состояние уже не внушало опасений. Не далёк тот день, когда ему подчинятся все три ипостаси.

Погрузившись в дела, Сиршехур ненадолго выпустил из зоны своего внимания Эфираси. Разумеется, он о ней не забыл, просто не всегда успевал навещать. Часто засыпал у себя в кабинете, так и не добравшись до спальни. Но зато отдал распоряжение начать строительство оранжереи, чтобы его избраннице было, где вволю порезвиться. В скором времени ей такое место точно понадобится и лучше подготовиться к этому заранее.

И вот, разобравшись немного с делами, Сиршехур наконец отправился проведать Эфираси. Каково же было его удивление, когда двери в его покои оказались распахнуты настежь, а слуги, приставленные следить за его избранницей, бесследно исчезли, как и она сама. Это обстоятельство наводило на безрадостные мысли о заговоре и предательстве.

В голове Сиршехура уже начал зреть план, как отомстить злоумышленникам и отыскать Эфираси. Надо сказать, у него не было ни малейших сомнений в том, что рано или поздно он найдёт виновных в её исчезновении и воздаст изменникам по заслугам. К счастью, от мыслей о кровавой расправе его отвлек старый Каршерат, внёсший немного ясности в происходящее. Только у него и хватило смелости рассказать будущему повелителю о том, что случилось в его отсутствие.

Всё оказалось до банального просто. Эфираси сбежала сама, а слуги испугались наказания за допущенный недосмотр, поэтому тоже подались в бега.

Растерев ладонями лицо, Сиршехур на мгновение задумался, просчитывая в уме все возможные варианты. За время путешествия он успел разузнать об избраннице если не всё, то очень многое. И потому мог с довольно большой вероятностью предположить, где её искать.

В первую очередь, следовало навестить семью Ярика, её названного брата. Вряд ли он обнаружит там Эфираси, это было бы слишком просто. Однако этот визит поможет ему убедиться в том, что он на верном пути. А в том, что его девочка направляется в столицу, Сиршехур почти не сомневался. Там у неё имелся свой дом, а также была возможность заключить новый контракт. И последнее обстоятельство заметно его напрягало.

Получить какую-либо информацию в гильдии наёмников скорее всего не удастся. Там слишком дорожат своей репутацией. А значит, придётся распрощаться с надеждой отыскать Эфираси по горячим следам. И всё же у него ещё оставался шанс нагнать её по дороге.

По предварительным расчётам, на всё про всё ему понадобится около двух недель. Срок не настолько большой, чтобы его отсутствие стало заметно. Вновь созданный государственный механизм работал практически без нареканий. Отношения развивались своим чередом, и вмешательства Сиршехура по многим вопросам уже не требовалось.

Поставив в известность отца и заручившись его поддержкой, Сиршехур наконец отправился в путь.

Преодоление пустыни не заняло у него много времени. Сиршехур пронёсся по пескам на предельной скорости, вгоняя в страх её многочисленных обитателей. Даже духи пустыни не решались вставать на его пути, опасаясь быть развеянными в пространстве.

Первая неудача постигла его в той деревне, где жили родители Ярика — избранника Иршайясси. Сиршехур явился в их дом, как полагается ближайшему родственнику — с дорогими подарками. Оповестил родителей парня о скорых изменениях в его судьбе. Пригласил их на свадьбу, пообещал выслать для них сопровождение и довольно искренне поблагодарил за хорошего сына. Иршайясси им довольна, и это главное.

Надо ли говорить, что будущие родственники встретили его, как дорогого гостя. Накормили, напоили, обласкали вниманием, вот только об Эфираси ничего сказать не смогли, потому что не видели её с тех пор, как она отправилась сопровождать караван принцессы.

— Выходит, она возвращалась другой дорогой, — предположил отец Ярика — седовласый мужчина приятной наружности. — Иначе непременно зашла бы к нам.

— Это верно, — поддакнула ему жена, — Эфа ни за что не обошла бы наш дом стороной. Она знает, что мы всегда ей рады.

— Вероятно, у неё было какое-то дело на Южной заставе, — снова заговорил хозяин, — Оттуда до столицы далече будет. Так что точно без дела не обошлось.

На ночлег Сиршехур не остался, как его не уговаривали. Ему было проще провести ночь в песках, а заодно и поохотиться вволю. Змея нужно кормить досыта, чтобы не спровоцировать его неповиновение.

Ещё через день Сиршехур наконец добрался до Южной заставы и там услышал прелюбопытную историю о чудовище, обитающем в пустыне неподалёку. Ему даже показали след, оставленный этим монстром на разделительной полосе. Население близлежащего городка было не на шутку встревожено. Женщины и дети боялись покидать дома. Охрана крепости усилила бдительность, однако предпочитала вести наблюдение с высоты каменных стен, опасаясь за свою жизнь.

Вероятно, известие о союзе со змеелюдами ещё не достигло этих мест. Пришлось Сиршехуру задержаться на несколько часов и провести разъяснительную работу с населением, подтвердив свои слова наглядной демонстрацией.

То, как легко обычный на вид человек превращается в гигантского змея и обратно, впечатлило всех без исключения. Нельзя сказать, что люди сразу прониклись к нему доверием, но и прежние панические настроения постепенно стали утихать.

Вот так самое обычное преследование сбежавшей невесты превратилось в налаживание отношений с ближайшими соседями. Этим Сиршехур собирался заняться чуть позже, когда всё немного утрясётся, но и так вышло хорошо.

К тому же, наконец нашёлся след Эфираси. А в том, что шутка с чудовищем была её проделкой, он даже не сомневался. Только эта девчонка могла учудить такое, чтобы заставить охрану усилить бдительность.

Из города вглубь королевства вела одна дорога, по ней он и отправился дальше, надеясь на свою удачу, потому что разработанный им план, как оказалось, никуда не годился. Эфираси действовала, как обычно, не считаясь со здравым смыслом. Спрашивается, зачем ей

понадобилось делать такой крюк, если она всё равно направлялась в столицу? Тем более, что ни в крепости, ни в городке её никто не видел. А значит, и дела никакого у неё тут не было.

Хотела сбить его со следа. Надеялась оторваться? Но это же просто смешно. Всё, на что она могла рассчитывать — это несколько дней отсрочки для их неминуемой встречи.

Три ночи подряд я изображала из себя озёрного монстра: плескалась в воде, эффектно выбрасывала своё тело из тёмных глубин на серебящуюся в лунном свете поверхность, и тут же замирала в прыжке, дабы продемонстрировать очумевшим от увиденного зрелища наблюдателям всю свою мощь и, чего уж скромничать, красоту. А попутно рвала все сети, очищая от лишнего мусора водоём, который уже привыкла считать своими охотничьими угодьями, пусть и временно.

Кусты, густо разросшиеся по берегу озера, время от времени шевелились и из них доносились странные звуки. Засевшие там мужики явно были впечатлены моей демонстрацией силы и грации одновременно. И что странно, со временем наблюдателей становилось всё больше. Это было понятно по усилившемуся гомону голосов, среди которых не редко слышались даже женские вскрики.

Последнее обстоятельство действительно не слабо меня озадачивало. Они что, решили ловить меня на живца, а роль жертвы, согласно древним легендам, отводилась юной и непременно прекрасной деве? Да нет, такого просто не может быть.

Это же полный бред. Мы ведь современные люди — даже если некоторые только наполовину, а всякие там жертвоприношения — это пережитки далёкого прошлого, которым не место в нашем мире. И всё же я никак не могла понять, почему на меня до сих пор не объявили охоту. Вот же она я, вся такая красивая и безумно одинокая. Толпе мужиков ничего не стоит растерзать меня на кусочки, или, по крайней мере, попытаться сделать это. Так чего же они медлят? Мне ведь тоже хочется повеселиться.

Ситуацию прояснила Дафна.

Утром третьего дня я выбралась на берег и затаилась в высокой траве, ожидая ведьму с сухой одеждой. Старушка запаздывала, что на неё было совсем не похоже. Дафна вообще обладала беспокойным характером, ко всему прочему она считала себя ответственной за меня, потому что именно по её просьбе я ввязалась в эту авантюру.

Уже начав волноваться, я наконец услышала её крадущиеся шаги, а вскоре предо мной предстала весьма довольная ведьма, и даже предрассветный сумрак не скрывал улыбку на её лице.

— Ты чего такая весёлая? — спросила я, обтираясь куском полотна. — Неужели моя задумка наконец принесла свои плоды и любители дармовщины решили держаться от этого озера подальше?

— Ну что ты, Эфочка, дорогая, всё гораздо лучше, чем мы с тобой могли представить, — с восторгом в голосе выдала Дафна.

— И что же может быть лучше? — осторожно осведомилась я, подозревая некий подвох в словах ведьмы.

Дафна похлопала себя ладошкой по бедру, и до моего слуха донёлся звон монет. Уж этот звук я не спутаю ни с чем. Определённо, у ведьмы на поясе висел кошель, доверху наполненный наличностью. Моя подозрительность усилилась в разы и я, слегка пришепётывая, спросила:

— Сшшшто ты сссзадумала, ссстарая? Сссобираешшшьссся меня продать?

Мгновение спустя, я осознала, что моё предположение являлось в корне не верным, а потому оскорбительным, но было уже поздно. Дафна успела принять обиженный вид.

— Да что бы ты понимала в ведении дел, пакость мелкая, — окрысилась ведьма и зыркнула чёрными глазами так, что я почувствовала непреодолимое желание принести свои извинения вот прямо сейчас, то есть немедленно.

— Прости, не подумала, — покаялась я и не удержалась, выказав ей свои обиды: — А чего это мелкая?

— То есть, против пакости ты ничего не имеешь? — нахально ухмыльнулась Дафна. На моё счастье, она не умела долго сердиться.

— Ладно, — я постаралась соорудить безразличную мину, — выкладывай, что ты там придумала на этот раз?

— Ничего особенного, — скромно потупилась ведьма. Ещё бы ножкой шаркнула, непризнанный гений авантюризма. — Всего лишь решила брать плату с желающих посмотреть на моего ручного монстра. — И пока я буквально обалдевала от услышанного, по-другому и не скажешь, она продолжила посвящать меня в свои грандиозные планы по быстрому обогащению: — Вся прелесть в том, что нам не придётся ни на что тратить. Правда пришлось взять в долю тех самых рыбаков, от которых мы поначалу планировали избавиться. Как ни крути, а кто-то же должен следить за порядком и собирать плату со зрителей. Не самой же мне этим заниматься.

Я сперва нахмурилась, а потом просветлела лицом, придумав пусть небольшую, но сладкую месть одной не в меру предприимчивой ведьме за то, что вздумала на мне наживаться без спросу.

— Ну, если вопрос о защите твоих угодий больше не стоит, я, пожалуй, отправлюсь в столицу. А то в последнее время я сильно поистратилась, не помешало бы заключить новый контракт.

Намёк был более чем прозрачен. Вот и Дафна мгновенно поняла, что я имею в виду.

— Да выплачу я тебе твою долю, — произнесла она ворчливо. И не успела я мысленно похвалить себя за сообразительность, как она добавила: — Но только четверть от общей суммы, не больше.

— Половину, — не удержалась и начала торговаться я.

— Да ты же без ножа меня режешь, — запричитала было Дафна, но тут же понизила голос и предложила: — Треть. — Однако, видя, что я собираюсь возражать, глянула на меня очень строго, как умеет только она, и напомнила об очевидном: — Еда и ночлег бесплатно.

— А в качестве еды ты подразумеваешь лягушек? — осведомилась я с самым невинным видом.

— А чем они плохи? — пожала плечами Дафна. — До сих пор ты не жаловалась и трескала этих земноводных за милую душу. Вон какую тушу наела, то и гляди начнёшь линять, а это, как ни крути, потеря денег. Ты же не сможешь выступать на публике в эти дни.

— Зато после линьки я предстану перед восхищёнными зрителями во всём своём великолепии, настолько грозной и величественной, что ты сможешь смело увеличить плату процентов на двадцать, как минимум.

— Я сказала, треть, — поджала губы Дафна, и было видно, что отступать она не намерена.

Вот ведь вредная старуха. И зачем ей столько денег?

Слова Дафны оказались пророческими. Должна признать, ведьма редко ошибается в своих предсказаниях. Если подумать, то я вообще такого не помню. Потому и поселилась она подальше от людей, чтобы не страдать каждый раз за правду. Предсказания они ведь бывают разными. Случаются и такие, что лучше бы и не знать.

Вот и меня угораздило попасть под раздачу: тело зудит так, что мочи нет терпеть, глаза болят, клыки ломит, хотя они тут совсем ни при чём, я ведь только шкурку собралась менять. А ещё пропал аппетит, но при этом голод остался. Просто организм наотрез отказался принимать ту пищу, что подсовывала мне заботливая Дафна. Дошло до смешного — она собственноручно отлавливала для меня самых жирных лягушек и пыталась впихнуть их в змеиную пасть. А меня выворачивало от одного их вида, на что ведьма многозначительно хмыкала, как это умеет только она.

Одна радость — озеро под боком. Только окунувшись в его прохладные воды я ненадолго обрела покой. Правда лягушки совсем обнаглели, когда поняли, что я не собираюсь на них охотиться. Вот ведь вредные твари. Так и норовили заскочить мне на спину. Или у змей всё тело сплошной хвост? С этим я ещё не разобралась, не до того было.

Эти три дня довели меня до того, что я почти дала себе слово сесть на диету, чтобы больше не расти. Слава Всемилостивой, до крайности дело не дошло, потому что на рассвете четвёртого дня я сбросила старую шкурку, как поношенный чулок, и наконец вздохнула свободно. Красота.

Сильное гибкое тело стремительно вошло в воду. И первым делом я решила проредить поголовье лягушек. Аппетит появился зверский, ну и натура моя требовала отмщения. Без этого никак.

Надо было видеть глаза Дафны, когда она увидела меня, выползающей из воды. Честное слово, в этот момент её радужки отливали золотым блеском. Уверена, теперь цена на билеты возрастёт вдвое.

Весь день я отсыпалась, а ночью снова принялась за дело. Глупо отказываться от лёгких денег, когда они сами так и просятся в руки. При этом я ничем не рискую. Люди ко мне привыкли и осмелели до того, что стали высовываться из-за кустов. Никакой враждебности с их стороны я не ощущала. Ну чисто дети, поверили ведьме на слово и теперь ничего не боятся. Самые смелые даже отваживались приближаться к берегу, а стоило мне повернуть в их сторону, с визгом уносились прочь.

Я старалась держать дистанцию, хоть порой бывало сложно остановиться. Случалось я заигрывалась, и спохватывалась в последний момент, когда тело уже готово было выпрыгнуть из воды, чтобы схватить какого-нибудь наглеца за ноги и утащить под воду.

В общем, людям было весело, а я училась владеть собой. С какой стороны не посмотри, всё польза.

Однако, этой ночью что-то пошло не так. И как часто говорится — ничто не предвещало неприятностей. Погода была тёплой, водичка ласковой, небо звёздным. Судя по гулу голосов, народу собралось больше обычного. И всё же внутри меня поселилось беспокойство.

Высунувшись из воды почти наполовину, я заозиралась вокруг.

Он стоял в стороне ото всех, у самой кромки воды. Набегающие на берег волны

касались его сапог, а он словно этого не замечал, смотрел только на меня. И что там скрывалось в его взгляде, я никак не могла разобрать.

Никто не решался к нему подойти. Люди поглядывали в сторону незнакомца настороженно. Весь его вид говорил о превосходстве. Слишком уверен в своих силах, раз отважился ночью явиться в лес в дорогих одеждах и с целой кучей золота и драгоценных камней в виде украшений.

Я отчего-то была уверена, что никакой охраны при нём не было. Это же Сиршехур — грозный и великолепный, как все змеелюды.

Да о чём я говорю?

Даже среди змеелюдов ему нет равных.

От восторга я закрутилась на месте. Моя глупая змейка с радостью признала в этом двуногом достойного самца. А он словно только того и ждал. Под восторженный рёв толпы Сиршехур совершил оборот, плавно перетекая в боевую форму, потом взвился в воздух на добрый десяток метров и бесшумно вошёл в воду, чтобы в следующую секунду вынырнуть в непосредственной близости от меня.

Если бы я могла, то свалилась бы в обморок от переполнявших меня эмоций. Сиршехур навис надо мной — пугающий и манящий одновременно. Его взгляд завораживал, рождая во мне противоречивые желания. Мне хотелось обвиться вокруг него, каждой клеточкой ощущая власть этого самца над собой и в то же время, подмывало рвануть от него подальше. Я буквально разрывалась от невозможности проделать оба эти действия одновременно.

На грани сознания пришло понимание, что все эти чувства принадлежат не мне. Моя вторая сущность далеко не так разумна, как я. Змейка, хоть и достигла приличных размеров, но всё ещё оставалась не знающим жизни подростком — наивным, впечатлительным и чересчур доверчивым. А ещё в ней были сильны инстинкты, и безусловное подчинение более сильному представлялось ей столь же естественным, как для меня стремление к независимости.

Кончик хвоста начал подрагивать от нетерпения. Под кожей прокатилась волна жара. Не выдержав напряжения, я всё-таки сорвалась с места, ощущая пьянящий восторг от собственной смелости, хотя понимала, что бояться тут нечего, потому что это только игра. Я убегаю, он догоняет, а потом...

Внутри сладко заныло от предвкушения, чувство самосохранения окончательно сдохло и, не успев затормозить, я на полной скорости вылетела на берег. К счастью, моя чешуя по крепости напоминала броню, так что обошлось без увечий. И даже боли от соприкосновения с твёрдой поверхностью я не ощутила. Испытала лишь лёгкий шок, но это не помешало мне двигаться дальше.

Скользнув по песку, я поспешила укрыться в высокой траве. На положенном месте обнаружила сухую одежду и отсутствие Дафны, что было весьма предусмотрительно с её стороны. Не трудно представить, как поведёт себя змеелюд, если решит, что ведьма стоит у него на пути. И даже моё вмешательство вряд ли поможет ей спастись.

Змейка по обыкновению заупрячилась, не желая возвращать мне контроль над нашим общим сознанием. Такое случалось и раньше, а потому я знала, что делать. Это как с капризным ребёнком, ни в коем случае нельзя идти у него на поводу. Стоит поддаться хоть раз, и он станет неуправляем. Подобной глупости я не совершу никогда. И потому решительно беру над строптивицей верх.

Со сменой ипостаси инстинкты уступают место разуму, и я наконец в состоянии

взглянуть на ситуацию с другой стороны. Ничего ведь в сущности не изменилось. Я и раньше знала, что нужна Сиршехуру для определённых целей, не имеющих к чувствам никакого отношения. Вопрос в том, хочу ли я для себя такой судьбы? Готова ли я лишиться свободы, ничего не получив взамен? На оба вопроса ответ прежний — нет. И другого не будет.

Шею вдруг обдаёт жаром. Это Сиршехур неслышно подкрался сзади и притянул меня к себе, шепча на ухо слова приветствия. Как будто и не было между нами недель расставания, его расчётливости и моей обиды.

Дёрнувшись, я попыталась освободиться, но он лишь крепче прижал меня к своему телу, буквально впечатывая в себя, будто хочет слиться со мной воедино. Сознание вновь заволакивает туманом, но я упрямо трясую головой, не желая идти на поводу у своих желаний. И пусть я всё ещё помню, как нам было хорошо вместе, но так же не могу забыть о разочаровании, настигшем меня после.

— Пусти, — прошу я Сиршехура, поняв, что все мои трепыхания ни к чему не приведут.

— Никогда, — произносит он чуть слышно, разворачивая к себе лицом. — Просто смиришься с тем, что тебе никуда от меня не деться, — добавляет, гипнотизируя меня взглядом.

Его губы скользят по моему виску, касаются щеки, даря лёгкие поцелуи, от которых кружится голова и путаются мысли.

— Никогда, — упрямо произношу я, чувствуя себя тем самым капризным ребёнком.

В ответ раздаётся тихий смех.

Сиршехуру весело, он слишком уверен в себе и не без оснований. Я вдруг понимаю, что он прав и мне действительно нечего ему противопоставить. Моих сил не хватит на то, чтобы сопротивляться его воле. Очередной побег не будет иметь смысла. Мне от него не скрыться. Так что же делать?

Негромкое покашливание заставляет нас оглянуться. Неподдалёку топчется ведьма.

На лице Сиршехура отражается досада, но агрессии он не выказывает. Напротив, проявляет чудеса учтивости, обращаясь к Дафне с благодарственной речью за моё спасение.

— Эфираси слишком молода и импульсивна, — состроив серьёзную мину, заявляет Сиршехур. — Неопытным девушкам свойственно недооценивать степень опасности, поджидающей их в этом мире. А ведь найдётся немало негодяев, желающих воспользоваться их беззащитностью. Я очень признателен вам за то, что вы предоставили кров и защиту моей наречённой и надеюсь, что однажды смогу отплатить вам тем же.

Он это серьёзно? Я даже забываю на время о собственных переживаниях, настолько возмущена его неверием в мои силы. Не спорю, Дафна очень мне помогла, но всё же большую часть времени я выживала сама. Не пропала бы и сейчас, без чьей либо помощи.

Однако, Дафна, выражает полное согласие с мнением Сиршехура обо мне. Предательница, одним словом. И змей этот тоже хорош. Даже ведьме умудрился заморочить голову сладкими речами. А та и рада потешить своё самолюбие. Вон как раскраснелась от чужой похвалы. И глаза потупила, ну чисто девица. А ведь лет ей немало, пора бы и перестать так реагировать на мужское внимание. Тем более, что у этого конкретного мужчины уже есть невеста.

Мне вдруг вспомнилось наше совместное путешествие по пустыне, ненавязчивая забота Сиршехура о моей безопасности, его бескорыстие и готовность помочь. Внутри что-то радостно трепыхнулось. Пришло понимание, что всё это делалось ради меня. И даже половина королевства не стала непреодолимой преградой для этого мужчины. Не знаю как,

но несмотря на все мои ухищрения, он меня всё-таки нашёл.

Приструнив обнаглевшую змейку, посылающую из подсознания крамольные мысли, я решила удалиться.

— Вижу, вам и без меня есть о чём поговорить, — встряла я в чужой обмен любезностями.

И ведьма, и Сиршехур воззрились на меня с недоумением. Как будто только сейчас заметили моё присутствие рядом с ними. Я же направилась к дому, собираясь переодеться в привычную одежду. Что-то подсказывало мне, что отпуск мой подошёл к концу и пора собираться в дорогу.

Сиршехур, скорее всего, прав, и мне от него никуда не деться. Однако это не значит, что я уступлю ему просто так. У меня имеется ряд условий. И если этот змей-искуситель хочет в дальнейшем избежать проблем, ему придётся выполнить их все до одного.

— Счастливого пути тебе, девочка, и вам, господин Сиршехур, — Дафна не переставала улыбаться, провожая нас в дорогу.

Её небольшой бизнес рухнул, но расстроенной она не выглядела, и я даже знала почему. Случайно подслушала полуночный разговор двух интриганов, сумевших договориться о сотрудничестве. В результате достигнутого соглашения, Дафне предстояло круто изменить свою жизнь, чему она была так рада, что даже помолодела на несколько лет. Такова была специфика ведьминского дара. Сильные эмоции сказывались на внешности ведьмы определённым образом: негативные её старили, а позитивные возвращали молодость и красоту.

Я же пока не знала, как относиться к решению Сиршехура приютить у себя всех ведьм королевства. Согласна, тут им жилось не сладко. Однако многочисленные ограничения и запреты возникли не на пустом месте. Они стали вынужденной мерой в ответ на бесчинства, учинённые одарёнными женщинами полвека назад.

Тогда королевские суды оказались завалены многочисленными жалобами на ведьминский произвол, что, в общем-то, соответствовало действительности.

В период смены власти, когда молодой король ещё не набрал силу и вес, ведьмы и впрямь распоясались. Почувствовав слабость, они предпочли забыть о том, что закон един для всех. Вдруг возомнили, что наличие дара освобождает их от ответственности за совершённые преступления.

Король, вопреки распространённому о нём мнению, оказался скор на расправу. Несколько показательных казней заставили ведьм поутихнуть и, скрепя сердце, принять установленные законом ограничения.

В первую очередь под запрет попали приворотные зелья, являвшиеся основной статьёй дохода всех ведьм без исключения. Та же участь постигла зелья, способные лишать человека памяти и заставляющие жертву произвола впадать в летаргический сон. Этими средствами в основном пользовались молодые женщины, выданные замуж по принуждению. Пока мужья оставались живы, их жён невозможно было обвинить в убийстве, как и назначить опекуна, чем преступницы бессовестно пользовались, превращая опостылевших супругов в живых мертвецов.

Ситуация мерзкая, с какой стороны не посмотри. И далеко не всегда пострадавшие мужчины заслуживали той участи, на которую их обрекали супруги.

Общество, как обычно разделилось на тех, кто готов был стоять за ведьм горой, и тех, кто призывал предать их тела очистительному огню. Понятно, что без жертв не обошлось. И не все погибшие ведьмы были виновны в приписываемых им злодеяниях. Даже Дафна, не смотря на репутацию доброй колдуньи, никогда не чувствовала себя в безопасности.

Появление Сиршехура подруга восприняла, как ответ Всемиливостивой на её молитвы. Расчёт Дафны был прост. Ведьминские зелья для змеелюдов всё равно, что родниковая водица, а значит, и соседство с ведьмами не покажется им опасным. Чем не выход из положения? Торговать же своими снадобьями можно и через представительства, хуже от этого зелья не станут, а порядка всяко будет больше.

Выслушав доводы подруги, я с ней согласилась. А мысленно ещё и порадовалась тому, что она будет рядом. Так что прощались мы ненадолго.

Дорога в столицу против обыкновения заняла вдвое меньше времени, и всё благодаря новому способу передвижения. Мне всё больше нравились произошедшие со мной изменения. До чего же удобно пользоваться тремя ипостасями попеременно. Правда, пока я использовала лишь две из них, не видя особого смысла в переходной форме, которую так любила Сайясахари. К слову, Сиршехур как и я предпочитал крайности, становясь либо змеем, либо человеком.

Он удивительно спокойно отнёсся к моему первому требованию, не выказав и тени недовольства. Кивнул головой, соглашаясь, и только. А у меня закрались подозрения, что я неведомым образом действую в соответствии с его планом.

Чушь полная, конечно, но всё равно как-то не по себе от его чересчур довольного вида.

И теперь мы вдвоём направляемся осматривать мои владения. Мне оставалось лишь надеяться на то, что дворецкий не забыл, как выглядит его нанимательница. Не хотелось бы ударить в грязь лицом перед Сиршехуром.

Я ведь, когда выдвигала это условие, преследовала две цели.

Во-первых, дом действительно следовало проведать. Не известно, когда я ещё окажусь в этих краях. А тут совсем близко. Всего-то полдня пути.

Во-вторых, и это самое главное, я хотела показать Сиршехуру, что являюсь весьма состоятельной особой, а не какой-нибудь голодранкой. Пусть не думает, что делает мне одолжение, беря в жёны. Я и без него смогла неплохо устроиться в жизни. Мне и впрямь есть, чем гордиться. Разве не так?

В столицу мы въезжали, как обычные люди. Сиршехур легко решил проблему с лошадьми, незадолго до окончания пути прикупив в одной из деревень кобылу и мерина, не самых чистых кровей. И это ещё мягко сказано.

Мне то было без разницы, на чём ездить, а вот Сиршехур явно нервничал, чувствуя, что конь не соответствует его высокому статусу.

— Да не переживай ты так, — в сотый, наверное, раз подбодрила я змеелюда. — Зато у твоего мерина спина широкая и походка плавная. Можешь вообще на нём улечься и проспать всю дорогу.

Сиршехур недовольно сверкнул глазами, не оценив мою доброту. А я приготовилась к развлечению. Стражники на воротах наверняка не преминут пройтись по статям толстобочного мерина насмешливыми языками, а заодно достанется и его хозяину. Надеюсь, у моего спутника хватит выдержки, и он не поотрывает головы этим недотёпам.

Как ни странно, выдержки у Сиршехура хватило, хотя повеселились стражники знатно. А вскоре я поняла, откуда он черпал силы. Стоило нам подъехать к моему дому, как всё встало на свои места.

Предчувствия и на этот раз меня не обманули. В действительности Сиршехур с самого начала следовал намеченному им плану, а я со своими требованиями всего лишь успешно в них вписалась.

* * *

— Посольство! В моём доме! Не бывать этому! — орала я во весь голос, бегая по этажам и расталкивая змеелюдов, деловито обустроивавшихся в моём доме.

Сиршехур следовал за мной по пятам, нагло ухмыляясь, и с притворным участием

предлагал мне остановиться, чтобы хоть немного перевести дух.

— Дорогая, не стоит так волноваться. В твоём распоряжении целый дворец. К чему эти сожаления, если ты будешь тут появляться не чаще, чем раз или два в год? Не понимаю. К тому же, под наши личные покои отведён целый этаж. Восемь комнат, родная. Разве тебе этого мало?

— Это. Мой. Дом. — Проговаривая каждое слово в отдельности, произнесла я, глядя хвостатому манипулятору прямо в его бесстыжие глаза.

— Это. Наш. Дом. — Так же, разделяя слова, произнёс он в ответ. И пояснил: — Мы ведь почти женаты, милая. Ты же помнишь, что дала мне слово? И потому, всё моё принадлежит тебе и наоборот. Чудесно, не правда ли?

— А главное, удобно. Не нужно прилагать никаких усилий, чтобы приспосособить мой особняк под свои нужды, — зло прошипела я.

— Под наши нужды, родная, — уточнил Сиршехур, — не забывай, что ты теперь не простая наёмница, а официальное лицо и должна мыслить в масштабах государства.

— Да пошёл ты, — огрызнулась я устало и поплелась на третий этаж, где меня поджидала горячая ванна, вкусный ужин и мягкая постель.

Мне действительно нужно было отдохнуть. В конце концов, десяток змеелюдов в своём доме я смогу потерпеть. Просто представлю, что наняла дополнительный штат прислуги, которой к тому же не надо платить. Выходит, я ещё и в выигрыше от самоуправления золотого гада. Не забыть бы сказать ему спасибо.

Улыбаясь своим мыслям, принявшим столь причудливые очертания, я не спеша, разделась и погрузилась в ванну. А через минуту почувствовала, что уже не одна. Кое-кто не в меру шустрый пробрался не только в мою жизнь, в мой дом, в мою комнату, но и в ванну залезть не постеснялся.

— Да как ты! Да что ты! — От возмущения я не знала, что сказать.

А этот гад довольно бесцеремонно обхватил меня за талию и пересадил к себе на колени, прошептав на ушко:

— Не шуми, дорогая. Ты же не хочешь, чтобы на твой крик сбежались все, кто находится в доме? С другой стороны, — продолжил он задумчиво, — если присутствие зрителей тебя заводит, мы можем попробовать. Я не против экспериментов.

Вероятно, на моём лице отразилась вся обуревавшая меня гамма чувств — от негодования, до стыда. Я даже попыталась прикрыться ладошками, а потом бросила эту затею и приняла боевую форму, в очередной раз радуясь её обретению.

А потом одарила нахала высокомерным взглядом, как бы говоря: «Ну что, хвостатый, съел?»

— Какая же ты у меня ещё маленькая, — со странной нежностью в голосе произнёс Сиршехур, выбираясь из ванной и вытаскивая меня за собой. — Неужто и впрямь решила, что я позволю кому-то увидеть тебя обнажённой, глупенькая моя?

«И чего сразу обзывать?» — обиделась я и, свернувшись клубком на подушке, прикрыла глаза кончиком хвоста.

— Обиделась что ли? — догадался Сиршехур, перекидывая меня к себе на грудь и осторожно поглаживая по голове.

Было тепло и приятно. Я решила не отказывать себе в удовольствии и прижалась к нему плотнее, буквально вдавливая себя в мужское тело. Ничего, что тяжёлая, пусть терпит.

Сон наступил мгновенно. А я и не подозревала, что настолько устала. Зато, когда

проснулась, ощутила невероятную лёгкость во всём теле. Давно мне так сладко не спалось. Пожалуй, что никогда. Я старалась всегда оставаться начеку, ежесекундно ожидая нападения. И лишь этой ночью позволила себе полностью расслабиться.

Повалявшись ещё немного, я наконец вспомнила, что засыпала не совсем одна. Остатки сна, как рукой сняло. Подскочив на кровати, я огляделась. В комнате, кроме меня, никого не было, зато на соседней подушке лежала синяя папочка с золотым тиснением.

Разумеется, я не удержалась и сунула в неё свой любопытный нос, обнаружив там стопку документов.

Самым первым на глаза мне попался договор аренды сроком на девяносто девять лет, судя по которому мне ежегодно будет выплачиваться весьма внушительная сумма за право пользования моим домом. Что особенно меня порадовало, так это то, что деньги будут зачисляться на мой личный счёт.

Потом следовала копия брачного договора на трёх листах и, разумеется, в трёх экземплярах, переработанная в соответствии с моими пожеланиями. Единственное, с чем категорически не согласился Сиршехур, так это с продолжением моей наёмнической деятельности. Эта строчка в контракте была подчёркнута красным и не вызвала у меня ни малейшего протеста. Ведь на самом деле я настаивала на этом из вредности. Просто хотелось, чтобы жених меня поугovarивал, проявил заботу так сказать. Нам, слабым девушкам, бывает приятно, когда мужчины о нас волнуются.

Пока я знакомилась с документами, невесть откуда появившаяся служанка шустро накрыла на стол, а потом ещё и постель застелила, и одежду чистую разложила на покрывале.

Вот это я понимаю, жизнь.

Единственное, что меня насторожило, так это россыпь чешуек у неё на висках. Это означало, что мне прислуживает представительница расы змеелюдов, причём из тех, что занимают в их обществе довольно высокое положение, потому что обладают человеческой ипостасью. То есть, мне в услужение отрядили одну из тех девиц, что привыкли кичиться перед другими своими возможностями, а таких как я — с каплей крови Великого Змея, вообще за людей не считают. Ну то есть, за змеелюдов, конечно.

Я присмотрелась к девушке получше и с завистью отметила присущие ей грацию и красоту. Что и говорить, посмотреть там было на что. Такие формы не скроешь даже под мешковатой одеждой. Налитая грудь, крутые бёдра, яркая внешность. Сайясахри бы сдохла от зависти, обнаружив среди своих придворных такое чудо. А, скорее всего, извела бы эту красавицу в один миг, чтобы не портила своим видом ей настроение.

Я же ничего, не комплекую, и почти не завидую, разве что самую малость.

— Как тебя зовут? — обратилась я к девушке, решив проявить дружелюбие.

— Моё имя Миасари, госпожа, — ответила та, сверкнув на меня золотыми очами из-под длиннющих ресниц. У меня аж сердце захолонуло.

Честное слово, была бы я мужчиной, немедленно позвала бы эту красавицу замуж, а заодно бросила бы весь мир к её ногам.

На душе стало как-то беспокойно. Носом чую, не просто так Сиршехур приволок эту змеюку в мой дом. Что он там говорил о второй жене? Уж не её ли прекрасный лик я имею удовольствие лицезреть в столь ранний час? И как бы это поаккуратнее выяснить? Вот ведь ещё незадача. Вечно у моего жениха всё шиворот-навыворот. Нет бы рассказать обо всём, как есть. Он же пытается хитрить и изворачиваться, змей подколотный.

Бумажонки эти подсунул, не иначе, чтобы внимание моё отвлечь. Видно решил постепенно меня приучать к тому, что вот эта красавица отныне будет отираться рядом с нами, причём постоянно.

Только настроение испортил, гад. Я ведь и сама могу постель застелить, если надо. А с пропитанием так вообще никогда не заморачивалась. Жизнь приучила довольствоваться тем, что есть, лишь бы не умереть с голоду.

Я вновь взялась за бумаги, решив отыскать то место в контракте, где говорится о супружеской верности. Ага, вот оно, написано мелкими буквами, как и ожидалось. Ну да у меня зрение отличное, а выискивать ловушки в контрактах я умею, как никто другой.

Итак, за измену супругу мне полагается отрубание хвоста по самые уши. Ясно, что после такого не выживают. А вот про самого Сиршехура тут не сказано ни слова. Непорядок.

Я не поленилась и внесла дополнительный пункт в контракт, во всё три экземпляра. Причём не стала его как-то особо выделять, авось не заметит. Миасари в это время готовила мне ванну, которой я, ясное дело, пользоваться не собиралась. Кто знает, какой гадости она в воду подмешала? Сама я бы точно так поступила. Не терплю, когда покушаются на то, что считаю своим.

— Могу ли я быть ещё чем-то полезна моей госпоже? — проворковала красавица, появляясь в дверях ванной. Я же подивилась её выдержке. Даже не пришепётывает, хотя в глазах всё же посверкивают молнии. Теперь то, когда мне стал ясен расклад, на это трудно не обратить внимание.

— Спасибо, дорогая, — ответила я не менее ласково и тоже обошлась без раздвоённого языка, — можешь быть свободна.

Вот ведь, не зря в народе говорят, с кем поведёшься, от того и наберёшься. Если так пойдёт и дальше, лицемерие станет моей второй натурой. Или я всё же научилась сдерживать праведные порывы своей второй половины? Хотелось бы в это верить.

* * *

Сиршехур явился к обеду. Сияющий, что тот медный самовар, что стоит в гостиной матушки Эдны, и с порога заявил, что уже договорился о церемонии в храме. Ему, видите ли, пришло в голову, что наш брак следует оформить по законам обоих королевств.

Вряд ли этим поступком он хотел сделать мне приятное. Скорее всего, хитрый змей решил подстраховаться со всех сторон, чтобы я уж точно никуда от него не делась. Да мне уже и не хочется, если честно. Теперь в моей жизни появилась другая цель — переиграть Сиршехура. Он ведь даже не догадывается о том, что мне стали известны все его планы.

— Благодарю за подарок, — сказала я, потупив глазки и сжимая в руках ту самую синюю папку.

И пусть это никакой не подарок, а всего лишь честная сделка, но почему бы не подыграть мужчине, если это послужит достижению моей цели?

— Не стоит благодарности, змейка моя, — добавив в голос бархатных ноток, произнёс Сиршехур, а сам придвинулся ко мне почти вплотную.

В общем-то, я была с ним согласна, в наше время честность стоит несоизмеримо больше, чем простое спасибо, потому как встречается крайне редко.

— Я подписала контракт, — произнесла я одними губами, протискивая папку с

документами между нами.

Сиршехур выхватил из неё бланки контракта, глянул мельком на то место, где атели его пометки и, схватив перо, поставил под моими изящными завитушками свою размашистую подпись. Заметьте, на всех трёх экземплярах.

Тут уж и на моём лице отразилось сияние. К счастью, Сиршехур понятия не имел, чем оно вызвано, а потому по привычке принял его на свой счёт. И конечно же полез целоваться. А я подумала немного и ответила на поцелуй. Раз уж решила сделать этого мужчину своим, так не стоит его отталкивать, пусть привыкает.

* * *

В храме Всемилостивой собралось столько народу, что нам с Сиршехуром пришлось воспользоваться проходом для служителей, чтобы подойти к алтарю.

Священник, облачённый в парадные одежды, поглядывал на нас по-отечески снисходительно.

Я робко улыбнулась ему из-под фаты и перевела взгляд на жениха.

Сиршехур, как всегда выглядел великолепно. Чёрный камзол, расшитый чёрными же бриллиантами производил ошеломляющее впечатление на всех, кто был способен распознать реальную стоимость этого наряда.

Впрочем, моё платье тоже было не из дешёвых, хотя я бы предпочла что-то попроще, не настолько отягощённое весом драгоценных камней. Не так-то легко удерживать на себе всю эту тяжесть в течение долгого времени, а ведь мне предстояло провести в нём весь день.

Священник поднял руку, призывая всех к молчанию. Слова брачной клятвы тихо и торжественно зазвучали под сводами храма. Мы послушно повторяли их за служителем, стараясь не ошибиться. Сиршехур слегка замялся, когда речь зашла о супружеской верности, но отступать было некуда, и ему пришлось произнести эту клятву перед ликом Всемилостивой. Выглядел он при этом слегка напряжённым, отчего моё настроение резко скакнуло вверх. Знать, не ожидал мой предусмотрительный жених такого подвоха, иначе не стал бы настаивать на этой церемонии.

Губы сами собой растянулись в улыбке. Глядя на мою довольную физиономию, Сиршехур криво усмехнулся. Я же совершенно растерялась, не зная, что и думать. Быть может, я ошиблась в своих предположениях, и для моего новоявленного супруга текст клятвы не являлся секретом?

Пока я терялась в догадках, церемония завершилась. На наших запястьях защёлкнулись брачные браслеты, и пути назад были отрезаны окончательно. Плохо это или хорошо, мне оставалось только гадать, как и о том, что ждёт меня впереди. Матушка Эдна часто повторяла, что отношения между супругами во многом зависят от женщины. Но ей легко говорить, имея такого мужа, как папаша Нейл. Подозреваю, что с Сиршехуром мне придётся ещё помучиться, прежде чем в нём проснётся человечность. Должно же было змеелюдам передаться что-то и от людей.

В это мгновенье я пожалела, что со мной рядом нет ни одного близкого человека, с которым я могла бы разделить переполнявшие меня чувства и мысли. А их было так много, что справиться с этой лавиной в одиночку, не представлялось возможным.

И вдруг на меня обрушился гвалт голосов, за которым последовали крепкие объятия.

Они все были здесь — и матушка Эдна со своим многочисленным семейством, и мои неугомонные напарники, и Дафна, и даже Ярик — все те, кого я безмерно любила и считала своей семьёй, и кому была обязана очень многим в своей жизни.

Глаза заволокло пеленой, стало трудно дышать, так сильно сдавило в груди. Я и мечтать не могла о том, чтобы увидеть их всех в день своей свадьбы. Это безусловно самый лучший подарок, который я получала в жизни. И кажется, я даже знаю, кого стоит за него благодарить.

Сиршехур стоял в нескольких шагах от нашей шумной толпы и смотрел на меня с неожиданной грустью. Мне же стало вдруг жаль этого сильного мужчину, обладающего богатством и властью, но лишённого самого главного в жизни — душевной теплоты и привязанности. Проще говоря, он был одинок. И даже обзаведясь супругой, не верил в то, что в его жизни что-то изменится.

Глупый. Да разве я теперь оставлю его в покое? Плохо же он меня знает, если надеется на то, что по-прежнему будет сам по себе. Это только кажется, что одиночество дарит свободу. На самом деле оно лишает нас радости жизни. Уж я то знаю, о чём говорю.

Я ведь и сама была лишена любви близких, пока не встретила на своём пути балбеса Ярика, вздумавшего покорить пустыню. С тех пор у меня появилась настоящая семья, любящая и принимающая меня такой, как есть. Благодаря этим людям, я смогла обрести друзей. Пусть их немного, но в каждом из них я уверена, как в самой себе.

— Не стой в стороне, Сиршехур, — окликнула я супруга, смахивая слёзы счастья и радости с ресниц. — Отныне это и твоя семья. Так что смирись и позволь им тебя обнять.

Гордый змеелюд ещё сомневался, стоит ли поддаваться простым человеческим эмоциям, а мои друзья уже втянули его в свой круг, горячо поздравляя с обретением второй половины. Эти люди не привыкли иметь дело с сильными мира сего, а потому не испытывали никакой неловкости, тиская принца змеелюдов в своих объятиях. И кажется мне, что ему это нравилось, хоть он и старался не подавать виду. Со временем Сиршехур к этому привыкнет и забудет о том, что испытывал в самый первый момент единения с настоящей семьёй, но сейчас он с трудом сдерживал эмоции, ибо не пристало сильному воину лить слёзы.

Думаю, именно в этот момент броня, в которую было заковано его сердце, дала трещину и Сиршехур подарил мне первую настоящую улыбку, исходящую из глубины его души.

Я же, лицезрев его искреннюю радость, тайком перевела дух, окончательно уверовав в то, что всё у нас будет, как у людей, а совсем не так, как принято у змеелюдов.

— Всё! С меня хватит! — заявила я мужу, ввалившись в его кабинет и громко хлопнув дверью. — Твои дети сводят меня с ума. Я устала гоняться за ними по всему дворцу, вытаскивая мелких негодников из всех щелей. Теперь занимайся ими сам, а я отправляюсь навестить родню. Матушка Эдна давно приглашала меня в гости, да и собственность в столице проведать не мешает. Проверить, как следят за ней твои змеелюды.

— Вижу, у тебя намечаются грандиозные планы, дорогая, — ничуть не впечатлился моей истерикой Сиршехур. Он схватил меня за руку, усадил к себе на колени, и, проведя кончиками пальцев по моей ключице, продолжил: — Позволь только внести небольшие поправки. Во-первых, дети у нас общие, во-вторых, матушка Эдна приглашала в гости не одну тебя, а в-третьих, змеелюды не только мои, но и твои подданные. В остальном же, я полностью тебя поддерживаю. — Заметив мой удивлённый взгляд, супруг пояснил: — У нас ведь не было медового месяца, Эфираси. Ты же помнишь, сколько всего тогда навалилось? Теперь же, когда всё успокоилось, мы можем позволить себе небольшое путешествие.

— А как же дети? — произнесла я растерянно.

Как оказалось, и на этот вопрос у моего предусмотрительного супруга имелся ответ.

— А за детьми присмотрит их бабушка, — произнёс он, хитро улыбаясь. — Помнится, старик не раз сетовал на то, что редко видится с внуками и потому не имеет возможности влиять на их воспитание.

Я приснула в кулак, вспомнив надменную морду бывшего правителя змеелюдов и представив, как он будет выглядеть, получив на своё попечение трёх неугомонных малышек, около месяца назад научившихся принимать боевую форму и большую часть времени не желающих возвращать себе человеческий вид, по причине того, что они ещё не наигрались с обрётёнными суперспособностями.

— Уверена, общение с нашими сорванцами пойдёт твоему отцу на пользу, — закивала я в ответ на предложение супруга.

Всё-таки не напрасно он занимает свой пост. Такую светлую голову, как у моего Сиршехура, ещё поискать. Пока дети были маленькими, он даже не заикался о том, чтобы доверить их бабушке. А когда они достаточно подросли и окрепли, решил, что пришло время воспитывать в наших детках характер. В этом я была с ним согласна. Мальчики должны научиться противостоять любому давлению со стороны и в будущем стать надёжной опорой друг другу. По понятным причинам, находясь рядом с нами, они так и останутся избалованными балбесами. Мы слишком любим наших малышек, чтобы что-то им запрещать и наказывать за проказы. Потому то и сладу с ними нет никакого.

Я даже ручки потёрла, предвкушая последствия нашего хитроумного плана. Жаль только путешествие не продлится долго. Три-четыре месяца — это самое большее, что может позволить себе правитель государства находиться в отъезде. И то лишь при условии, что за прошедшие годы он смог собрать команду настоящих профессионалов, способных какое-то время обходиться без него.

— Чтобы не было лишних вопросов и тем более возражений, мы представим нашу поездку, как государственный визит, — продолжал строить планы Сиршехур.

Я же скривилась от открывающихся перспектив. Скучные приёмы и шумные балы совершенно меня не прельщали. Хотелось свободы и простых радостей жизни, вроде

пикника на природе и купания в лесном озере.

— Будет тебе и озеро, Эфираси, — заверил меня супруг. — Избавиться от сопровождения не так уж сложно. Я тоже не против того, чтобы навестить знакомые места. Домик Дафны хоть и пустовал все эти годы, но я распорядился обвешать его таким количеством защитных амулетов, что никакие мародёры не смогли бы к нему подобраться.

— Вот только без неё там будет не так уютно, как прежде, — посетовала я.

И Сиршехур снова меня удивил, заявив, что ведьма вот уже две недели как отправилась в поездку, с целью подобрать себе новых учениц. Так что не исключено, что ей тоже придёт в голову навестить свои прежние владения.

— Ты самый лучший, — заявила я искренне, притянув мужа за шею и даря ему поцелуй.

— В таком случае, я, быть может, заслужил небольшой подарок? — не упустил случая хитрый змей.

— Знать бы ещё, что тебе подарить, — растерялась я, на самом деле не представляя, чем могла бы порадовать змеелюда, у которого всё есть.

А лицо Сиршехура вдруг стало серьёзным.

— Эфираси, ты единственная, кто может исполнить мою давнишнюю мечту, — произнёс он столь проникновенно, что в мою голову невольно закрались фривольные мысли. И в общем-то, я почти не ошиблась в предположениях. Просто Сиршехур пошёл ещё дальше в своих желаниях. И, даря мне страстный поцелуй, прошептал прямо в губы: — Я очень люблю наших мальчиков, родная, но не могла бы ты подарить мне дочку? Такую же умницу и красавицу, как ты, с острым язычком и ядовитыми клычками.

Я же вместо ответа взяла его руку и положила ладонью себе на живот, где уже третий месяц билось маленькое сердечко будущей змейки.

Глаза Сиршехура вмиг потеплели, а его губы беззвучно произнесли:

— Спасибо.

В этом коротком слове скрывалось так много всего, что у меня защемило сердце.

— Тебе спасибо за то, что появился в моей жизни, — прошептала я в ответ, всхлипывая от избытка чувств и утыкаясь мужу в плечо, чтобы скрыть набежавшие на глаза слёзы.

Всё как всегда, пришла поскандалить, и снова Сиршехур сбил мой настрой, напомнив о главном.

— Коварный змей, — произнесла я беззлобно, устраиваясь на коленях у мужа поудобнее. Почти расслабилась в родных объятиях, совершенно забыв о том, что этого делать не стоит.

Три юрких змейки, всего-то в полметра длиной, просочились в приоткрытую дверь кабинета и в один миг обратились в галдящих сорванцов.

— Мы всё слышали, — завопили мальчишки в один голос, отчего у меня сразу же заложило уши. — И мы едем с вами. Мы тоже соскучились по бабушке Эдне и дедушке Нейлу.

Сиршехур посмотрел на меня осуждающе. Я же покаянно опустила глаза — моя промашка. Нужно было плотнее прикрывать дверь. Но теперь уже ничего не поделаешь. Прежние планы частично меняются, это понятно, но ничто не мешает отправиться в путешествие всем вместе.

— Твоему отцу наверняка будет интересно проехаться по человеческим землям, — заметила я осторожно, поглядывая на Сиршехура из-под опущенных ресниц.

Он только хмыкнул, с лёгкостью принимая изменения в планах.

— Так и быть, я сам с ним поговорю, — вздохнул он преувеличенно тяжело, — а ты собери в дорогу этих сорванцов.

— Урааа, — закричали мальчишки в один голос и сорвались с места, чтобы успеть упаковать в походные сумки все свои сокровища.

Я же, глядя им вслед, радостно улыбалась. В моей жизни много чего случилось, и спокойной её не назовёшь даже сейчас, но я до безумия счастлива, проживая каждый свой день рядом с любимыми.

Конец